

Правительство Москвы
Департамент культуры города Москвы
Московский институт социально-культурных программ

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуск № 3 (23)

Москва, 2009

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели совета

Редколлегия журнала:

А. Л. Маршак (главный редактор), **В. В. Сергеев** (заместитель главного редактора), **О. Н. Мамонова** (ответственный секретарь), **О. В. Афанасьева**, **М. Е. Гулиев**, **В. Н. Ксенофонов**, **В. И. Махонин**, **А. Е. Порватов**

Редакция журнала:

В. Г. Донской (заведующий редакцией), **Л. А. Ильина** (литературный редактор), **Е. В. Кострова**, **А. И. Фомин**, **Ф. Н. Черепанов**

ПОИСК: Политика. Общественное. Искусство. Социология. Культура : научный и социокультурный журнал // М. : ИПЦ «Социум». — 2009. — Вып. № 3 (23). — 152 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по рекомендации Экспертного совета ВАК по филологии и искусствоведению.

Издание рассчитано на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, за- колотворчества в социально-культурной сфере.

Маршак А. Л.

Заведующий кафедрой социологии и гуманитарных дисциплин Российской академии предпринимательства, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации

Миронов А. В.

Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации

Нарбут Н. П.

Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Петрусек Милослав

Доктор философии, профессор кафедры социологии факультета социальных наук Карлова университета, почётный проректор и декан факультета социальных наук Карлова университета, вице-президент Чешского социологического общества, иностранный член Российской академии социальных наук, Прага, Чехия

Сосунова И. А.

Проректор Международного эколого-политологического университета, действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Худяков С. И.

Руководитель Департамента культуры города Москвы, кандидат философских наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Швецова Л. И.

Первый заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы, Руководитель Комплекса социальной сферы, кандидат политических наук

Шкондин М. В.

Заведующий кафедрой периодической печати факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, генеральный директор Научно-методического центра преподавателей и исследователей журналистики, доктор филологических наук, профессор

Чупров В. И.

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Яновский Р. Г.

Член-корреспондент Российской Академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора 7

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Маршак А. Л.
 Инновация и человек: нужен ли инновационному обществу «новый человек»? / *Innovation and the individual: does innovative society need the «new man»?* 8

НАУКА – ПРАКТИКЕ

Царикаева А. М.
 Роль неправительственных организаций в укреплении демократии и гражданского общества / *A role of the non-governmental organizations in strengthening of democracy and a civil society* 21

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

Назаров М. М.
 Постмодерная медиакультура в концепциях Ж. Бодрийяра / *Postmodern media culture of J. Baudrillard* 29

Марьянич В. А.
 Ценность как слово и слово как ценность в современном медиадискурсе / *Value as word and word as value in contemporary media discourse* 41

Фатхуллин Б. Э.
 Духовно-нравственные ценности — мировоззренческий фундамент личности / *Spiritual and moral values as ideological foundation of personality* 52

Казначеев С. М.
 Реализм на русской почве: тернистый путь становления и расцвета / *The Russian realism: treacherous path of establishing and prosperity* 61

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

Пузанова Ж. В.
 Одиночество: философское, социологическое, психологическое рассмотрение / *The loneliness: philosophical, sociological, psychological approaches* 71

РУССКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ломтев Д. Г.
 Частный пенсионный фонд с концертным фасадом / *Private pension foundation with concert facade* 82

ТОСИН С. Г.

Уничтожение православной традиции колокольного звона в СССР / Destruction of orthodox tradition of a peal in the USSR 91

АСПЕКТЫ

ЖУКОВА О. А.,
АЗИЗОВА Н. Р.
Проблема сохранения и развития традиционной культуры локально-этнических групп / The issue of preservation and development of traditional culture of the local ethnic groups 103

КАРЛОВА Е. М.
Орисская живопись пата. История изучения / Pata paintings of Orissa. Studying history 111

О СТОЛА СОЦИОЛОГА

КВЕЛИЦКАЯ Е. А.
Социологическое изучение религиозности населения в условиях десекуляризации российского общества / Sociological research of religiosity of population in conditions of desecularization of Russian society 117

ТИТАРЕНКО Л. Г.
Структура ценностей постсоветской молодёжи (на примере Беларуси) / Value structure of Post-soviet Youth (case of Belarus) 129

ЧТО, ГДЕ, КОГДА

39-й Всемирный конгресс Международного института социологии 140

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ 142

РЕЦЕНЗИИ 147

От главного редактора

Современное состояние общества в целом, в том числе и российского, характеризуется понятием «кризис». Начавшийся в сфере финансово-кредитных отношений, он охватил все жизненно важные стороны. Экономисты теряются в догадках об уровне кризиса и сроках его продолжительности. Сегодня никто не может с полной достоверностью сказать, на каком этапе находится кризис и когда достигнет своего апогея, когда мы начнём выкарабкиваться из него, какова перспектива послекризисного общества и что нам делать, чтобы он не повторился.

В условиях, когда кризис расшатал и без того не очень стабильную российскую экономику, когда происходят резкие колебания отечественной валюты, когда подвергаются сомнению коренные человеческие ценности, общество ищет стабильности. И в этих условиях наши взоры обращаются к устойчивым общественным институтам, выдержавшим и «огонь, и воду, и медные трубы».

Таким общественным регулятором толерантности и стабильности была и есть наша российская культура.

Разве не она помогла русскому народу объединиться в трудные времена и создать мощное централизованное Российское государство, ставшее преградой для вражеских помыслов и нападков на нашу национальную независимость? И позднее российская духовная культура объединяла людей, вдохновляла их на подвиги в борьбе с иноземными захватчиками (вспомним войну со шведами и Полтавскую битву Петра I), с оккупантами и интервентами (Отечественная война 1812 года). Наконец, во многом духовно-культурная близость помогла советским народам выступать в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов и принесла всему миру Великую Победу. А героизм послевоенных лет был напрямую связан с культурным объединением масс. В годы тяжёлых репрессий и «застоя» островком личного счастья и общего благополучия были лучшие образцы нашей культуры — произведения писателей, поэтов, художников, композиторов, деятелей театра и кино. Созданное в то время не только заложило мощный фундамент для развития нашей страны, но и навсегда сделало её сокровищницей мировой культуры.

И сегодня мы не вправе утратить эти достижения. Мы должны их умело использовать и преумножать. Только культура может обогатить человека, развить в нём всё подлинно человеческое, сделать наше Отечество гуманистическим, а значит, вывести и экономику, и политику на уровень бескризисного развития. И чем раньше мы это поймём, тем успешнее будут решены все задачи.

Так повернёмся лицом к богатой, общенациональной российской культуре, сделаем её развитие магистральным путём устройства нашей жизни!

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

МАРШАК Аркадий Львович,
доктор философских наук, профессор
marshak_a@mail.ru

Инновация и человек: нужен ли инновационному обществу

«Новый человек»? / Innovation and the individual: does innovational society need the «new man»?

«Человек есть мера всех вещей»
Протагор

Аннотация

В статье поднимаются вопросы инновационного развития личности и особенностей исторического и социокультурного становления человека. Опираясь на данные биологии, истории, социологии и культурологии, автор доказывает точку зрения, согласно которой человек как биосоциальное существо под влиянием изменений социальных условий адаптируется к социальной жизни, сохраняя при этом неизменными свою социокультурную сущность и основополагающие жизненные ценности.

Ключевые слова

Человек; социальное и биологическое в человеке; диалектика исторического развития человека; субъект и объект культуры; «новый человек»; социокультурное в человеке.

Annotation

The article raises the problem of innovational development of an individual and the peculiarities of historical and sociocultural formation of the man. Taking into account the evidence of biology, history, sociology and anthropology the author proves the concept according to which the man as a biosocial creature under the influence of changeable social conditions adapts to the social life preserving at the same time his sociocultural nature and basic fundamental values.

Keywords

The man; the social and biological in the man; dialectics of historical development of the man; the subject and the object of culture; «the new man»; the sociocultural in the man.

Сюжет, о котором мы собираемся поговорить, относится к проблеме поиска русского самосознания и национальной идентификации российского человека в новых исторических условиях.

Сегодня падает ценность человека, и мы начинаем говорить о необходимости «нового человека», наделёмого некими сверхчеловеками, как это было у Ф. Ницше и его последователей. Понятие «новый человек» провозглашается в качестве некой антиязы концепции «человек». Однако, как и любое заимствованное понятие, «новый человек» никак не укладывается в реальную социальную действительность.¹ Ведь человек — это неотъемлемая часть первичных социальных потребностей и условий жизни и в целом то, что мы называем «культура». Как хорошо выразился Жан-Поль Сартр «недостаточно родиться буржуа — нужно жить жизнью буржуа». Необходимо становиться человеком. На человека влияют социальные условия, изменяются они, а человек остаётся неизменным. Кстати, это подтверждают и антропологические данные. Современный человек сформировался 40 тыс. лет назад. Уже тогда, как свидетельствуют антропотенез и социотенез, сформировались абстрактное мышление, высокий уровень культуры и объём черепной коробки, как у нашего современника.²

Но, разумеется, что данное понятие имеет и социокультурное содержание. И каждый раз оно благодаря деятельности людей, которая способствует новизне окружающего мира и новым ощущениям в его восприятии, мы, чтобы удовлетвориться новыми обстоятельствами, подменяем это измышлениями о «новом человеке». Не случайно эти мыслиглы посещают нас на изломах исторического развития в период общественных перемен.³

¹ Понятие «новый человек» заимствовано из биологии. См.: Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Человек. Энциклопедический словарь. М., 1999. С. 496–497.

² Там же. С. 133.

³ В отечественной науке имеется довольно обширная библиография по данной проблеме. См.: Волков Ю. Г., Харитонов Е. М. Человек и власть. М., 1995; Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Многомерный мир современного человека. М., 1998; Зиновьев А. А. Глобальный человек. М., 1997; О челове-

Одной из первых попыток поставить проблему «нового человека» в марксистской парадигме была статья «Задачи воспитания нового человека» Г. С. Батищева в сборнике, который подвергся жёсткой критике со стороны ортодоксальных марксистов.¹ «Автор, — писалось в записке Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, — пытается провозгласить свои истины о новом человеке в полном отрыве от конкретно-исторических условий...»². В данной статье была предпринята попытка представить проблему формирования нового человека как индивидуальный процесс «деятельно-практического образа жизни», как результат самовоспитания, свободного от рутинного традиционализма.

Уже тогда проводилась идея, что может формироваться некий субъект, который обладает новыми свойствами и качествами. В дальнейшем эта позиция в несколько завуалированном виде при формальном подкреплении цитатами из марксистских произведений так или иначе получала своё развитие в марксистской литературе. Появились позднее концепции в рамках структурно-функционального анализа выдвинули идеи, отменяющие существование общества как социального факта. «Больше никакого спасения с помощью общества!» — заявил апостол предпринимательского духа Питер Друкер. «Нет такой вещи, как общество»³, — объявила Маргарет Тэтчер. Эти изыски привели в резкому противопоставлению человека и общества, к нарушению диалектической связи общественного и индивидуального.

Однако в последнее время, не без влияния процессов глобализации, социологи начинают вновь обращаться к проблеме человека и его социальной роли. В этой связи показателны доклады ведущих социологов М. Веберки, Ш. Айзенштадта, Г. Аррениуса и других, прозвучавшие на 38-м Всемирном конгрессе Международного института социологии (июнь 2008 г., Будапешт), где обозначилась линия на анализ нового века как системы, где меняются социальные контексты и в центре этих изменений стоит человек. Большинство со-временных социологов считает, что сегодня изменяется общество,

челком в человеке. М., 1991; Проблема человека в западной философии. М., 1988; Волков Ю. Г. Малицкий В. С. Идеология и гуманизм. М., 2004; Дра-вомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после. М., 2003.

¹ Ленинизм и диалектика общественного развития. М., 1970. С. 325–350.

² Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 474.

³ Цит. по: Бауман Э. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 37.

а человек и его природа остаются неизменными, хотя обозначивающиеся инновации способствуют проявлению нового в субъективности. По мнению социолога П. Горденфорса из Лунда, современный человек — это «человек перемещающийся»¹.

Таким образом, наш главный тезис заключается в необходимости доказать, что в современную эпоху инновационных изменений человек, занимая главное место во всех преобразованиях, остаётся источником этих преобразований. И сегодня в полной мере в социологии инновации правильным методологическим остаётся положение К. Маркса о том, «... что изменяя своё социальное бытие, человек изменяет самого себя и тем самым создаёт самого себя...». Мы выдвигаем тезис, что в инновационном обществе меняются прежде всего социальные условия, само общество. Мы считаем, что все рассуждения о «новом человеке» абсурдны.

Для обоснования данного положения выдвигаем следующую систему доказательных аргументов.

Биологический аргумент. Здесь приходится возвращаться к уже давно установленному понятию о биосоциальной сущности человека. Мы сознательно оставляем в стороне многолетнюю дискуссию по этому вопросу, в которой участвовали специалисты разных профилей: медики и физиологи, генетики и биологи, историки и социологи, философы и экономисты, педагоги и юристы. В какой-то степени некоторые итоги этих дискуссий были подведены изданием книги «Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобщественных поступков и путях их преодоления»². В частности, авторы делают вывод о том, что «процесс исторических изменений биологии человека...» базируется «не на субъектных, а на функциональных преобразованиях человека»³.

Это в определённой мере совпадает с мнением французского исследователя Поля Шюшара, которое он высказал в ходе дискуссии, проведённой журналом «Проблемы мира и социализма» ещё в 1961 году в г. Руаймон (Франция). «Я действительно считаю, — ска-

¹ Обзор материалов конгресса. См.: Култыгин В. П. От локального универсализма к глобальному контекстуализму // Социс.— 2009. — № 1. — С. 24–32.

² Авторы: Дубинин Н. П. — учёный, генетик, в своё время был репрессирован за научные взгляды, Карпец И. И. и Кудрявцев В. Н. — специалисты в области правовых наук. М.: Политиздат. 1982. 304 с.

³ Там же. С. 104.

зал П. Шошар, — что после кроманьольского человека в человеческом роде нет никакого биологического прогресса. Мозг совершенен, но не прогрессирует»¹.

После столь категоричного заявления обратимся к более сдержанным аргументам, подтверждающим мысль о том, что биологическое в человеке существует постоянно в отличие от социального. В своё время великий французский естествоиспытатель Ж. Б. Ламарк высказал мнение, что эволюционизируют лишь те органы человека, которые упражняются, а которые не используются, регрессируют. Современная генетика отрицает этот тезис. Однако практика показывает, что отсутствие физической тренировки генетически сокращает целесообразность органа. Более того, удаление того или иного органа приводит лишь к выздоровлению, но не к восстановлению в полной мере деятельности организма. Таким образом, мы делаем вывод, что биологически человек постоянен и малоизменячив. Что касается акселерации (так, например, сравнивая вес, рост, стадию полового созревания и другие данные детей XX века с аналогичными средними значениями за предыдущий XIX век, специалисты пришли к выводу, что буквально по всем показателям наши потомки обгоняют детей прошлого), то она, во-первых, результирует влияния внешних социальных условий, а во-вторых, акселерация не будет длиться бесконечно долго. Она имеет биологический предел.

Но главное, конечно, что говорит о постоянстве человека биологического, это состояние деятельности его головного мозга — основное, что его выделяет из животного мира. По мнению специалистов, уже многие миллионы лет мы эффективно используем лишь 4-7% (из 10-14 млрд.) нейронов головного мозга. В подтверждение этого можно привести высказывание Ф. Энгельса о том, что «...самый факт происхождения человека из животного царства обуславливает собой то, что человек никогда не освобождается полностью от свойств присущих животному...»².

Конечно, после многолетних исследований мы не вправе уверенно говорить о биологическом равенстве вида «человек» и вида «обезьяна». Мы теперь кое-что знаем о нашем происхождении, о нашем биологическом строении, о некоторых законах мышления, мы постигаем отношения между психикой и телом, мы знаем о том, как формируется мысль и функционирует память, нам известны эксперимен-

¹ Какое будущее ожидает человечество? Прага: Мир и социализм, 1964. С. 398.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 102.

ты Павлова и Мечникова. Но это ещё раз убеждает в том, что при неизменной своей природе «человек разумный» есть резульгат социального развития его врождённых и генетически запрограммированных биологических особенностей.

Исторический аргумент. Мы исходим из того, что социальное в человеке имеет историческое содержание. Ф. Энгельс писал в «Анти-Дюринге», что в известном смысле окончательное выделение человека из мира животных связано со скачком из царства необходимости в царство свободы. Именно тогда человек выделяется из «царства животных»¹. Эта диалектика определила медленное (историческое) отделение живого существа от природы, и оно в процессе социализации стало человеком. Именно социализация посредством труда и, следовательно, через потребность общению, удовлетворяемую речью, позволило дочеловеческому животному в ходе очень долгой естественной истории приобрести мозг, который в результате взаимодействия в индивидуальном этапе человеческой истории. Но ход исторического развития, комплекс событий меняют не человека, не его сущность, а влекут изменения в способе производства, а те в свою очередь неизбежно приводят к смене во взаимоотношениях между людьми, в государственности и праве, в нравах и в искусстве. Да, изменяются материальные условия, окружающая среда, могут также меняться связи и партнёрство, но сами партнёры остаются неизменными.

Как бы сказал американский социолог У. И. Томас, если люди допускают, что их обязательства временные и существуют «до особого распоряжения», эти обязательства имеют тенденцию становиться таковыми ввиду собственных действий этих людей.²

В данном контексте нам кажется уместным привести выдержку из интервью известного кинорежиссёра С. Соловьёва: «В связи с юбилеем ВГИКа спрашивали: как изменился студент с поры 60-х годов? Честно отвечаю: «Нормальный вликовец 60-х не отличается от сегодняшнего молодого человека. Ничем. Сейчас мои ребята, феноменально внимательно глядя мне в глаза, набирают скоростные SMS. Посмотришь на текст, они мало оглищаются от записок, которые мы писали»³.

Приведём другой пример. На март 2009 года пришёл мало кем замеченный 100-летний юбилей выхода в свет сборника статей о

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 294-295.

² Цит. по: Бауман З. Текучая современность. С. 177.

³ Новая газета. — 2009. — 11.03. — № 24.

русской интеллигенции «Вежи»¹. Главная идея рассуждений ведущих философов того времени — Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. Ф. Кистяковского, П. Б. Струве, С. А. Франка — поставить в вину интеллигенции поражение первой русской революции, показать её отрыв от чаяний и желаний народных масс. Не вдаваясь в серьёзный анализ этой «энциклопедии либерального ренегатства» (В. И. Ленин), остановимся лишь на высказываниях того свойства, которые звучат сегодня столь современно, доказывая тем самым наш главный тезис о неизменности человека, его адекватном поведении в одних и тех же обстоятельствах истории. Разве не переживаете с современными оценками интеллигенции пассаж Н. А. Бердяева: «...любовь к удивительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине»².

И как будто читаем передовую статью какой-нибудь современной патристической газеты, когда обнаруживаем у П. Б. Струве в статье «Интеллигенция и революция» следующую фразу: «Идейной формой русской интеллигенции является её отщепенство, её отчуждение от государства и враждебность к нему»³.

Ещё более доказательный характер носят полуженя А. С. Изгоева в статье «Об интеллигентной молодёжи (Заметки об её быте и настроениях)»⁴. Автор, описывая проблемы молодёжной интеллигенции, говорит о таких болевых её точках, как ранние половые контакты, пороки школьного образования, где «ребёнок чувствует себя, как во вражеском лагере, где против него строят ковы, подсаживают его, готовят ему гибель». Разве это не звучит оценок современных проблем школ? И совсем современно звучат оценки университетского студенчества. «Само посещение лекции, — пишет А. С. Изгоев, — происходит через пень-колоду, случайно, больше для регистрации. Откровенно говоря, посещение лекций не может быть признано за работу, и в огромном большинстве случаев студент в университете не работает»⁵. Отсюда попытка «проскочить» на экзамене, что становится обычной и одобряемой сотоварищами практикой. Когда читаешь эти строки, то кажется, что они написаны не 100 лет назад, а

¹ Вежи: Сборник статей о русской интеллигенции : репринтное издание. М. : Новости, 1990.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 135.

⁴ Там же. С. 185–212.

⁵ Там же. С. 195.

взяты из очень фундированной статьи Н. Е. Покровского в журнале «Социологические исследования» трёхлетней давности.¹

Ну, и уж совсем актуально звучит цитата: «Надо иметь, наконец, смелость сознаться, что в наших государственных думах огромное большинство депутатов ... не обнаружили знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России»².

Такова историческая аргументация нашего тезиса об абсурдном рассуждении о «новом человеке».

Социологический аргумент. Пожалуй, социология даёт наиболее основания утверждать, что изменения в человеке, если они и есть, носят фундаментальное социальное содержание. Именно изменения происходят в социальной жизни, а суть человека остаётся в целом неизменной.

С точки зрения социальной организации, сущность человека опережают его потребности и интересы. Первые реализуются через социальные действия, вторые экстраполируются в ценности.³

Для иллюстрации этих положений обратимся к данным социологических исследований. Возьмём для примера за основу жизненные ориентации наиболее мобильной социальной группы населения — молодёжи. В недавно вышедшей серьёзной монографии нашего отечественного социолога Д. Л. Константиновского приводятся данные исследований жизненного старта российской молодёжи за 40 лет (1960-е — начало 2000-х годов). Автор показывает, как на фоне изменяющихся исторических условий, смены парадигм образовательной политики, дифференциации функций образования, трансформации социальной структуры общества, коренных преобразований в экономической жизни в представлениях молодого поколения неизменными остаются потребности в образовании, профессиональном росте, овладении культурным наследием. На потребности и ценности молодёжи влияет изменяющаяся социальная среда, а сами установки остаются неизменными.

Так, в оценке профессиональных предпочтений по сравнению с 60-ми годами, где доминировали профессии инженерно-техниче-

¹ Покровский Н. Е. Что происходит с гуманитарным образованием? // Социологические исследования. — 2006. — № 12. — С. 95–97.

² Вежи. С. 211.

³ Наиболее обстоятельно эта проблема подверглась социологическому анализу в фундаментальных работах известного социолога А. Г. Здравомыслова. См. его монографию «Потребности. Интересы. Ценности» (М., 1986).

ского профиля (лётчики, физики, математики, химики, биологи и т. п.), в современных условиях (90-е годы XX столетия) предпочтение отдаётся юридическим и экономическим профессиям. Но от этого отнюдь не снижается сама потребность в продолжении образования, которая находится стабильно у выпускников школ на уровне свыше 70%. На мотивацию оказывает влияние совокупность таких социальных факторов, как территориальный барьер (размещение школ), экономический (явное и латентное неравенство) и социокультурный (образование родителей, сфера их деятельности). Наблюдаютя и различия в мотивациях выбора образования, но ценностные ориентации при этом не меняются: стремление к профессионализму и широкому спектру знаний, обретение социального статуса, приобщение к современной культуре.¹

Об этом же говорят и данные мониторинговых исследований ИСПИ РАН в 1992 — 1999 и 2000 — 2006 гг. в рамках генерального проекта «Как живёшь, Россия?»². Установлено, что к числу социальных ценностей россияне неизменно относят: получение образования, хорошее здоровье, крепкую семью, интересную работу, материальное благополучие, уважение людей, надёжность друзей.³ А по данным ИС РАН, «в десятилетних исследованиях динамики социальных идентичностей обнаруживается, что более 40% опрошенных пребывают в состоянии своеобразной идентификационной раздвоенности, продолжая называть себя советскими людьми»⁴.

В этой связи становится понятной устойчивость ценностей наших людей, которая проявилась в тяжелейший исторический период 30-х — 40-х годов прошлого века, на что указывают социологи Л. А. Гордон и Э. В. Клопов при анализе социально-политического развития СССР в предвоенные годы. «Доброта, сочувствие, солидарность, — пишут они, — встречались у людей этого времени ничуть не реже, чем хамство, себлюбие, равнодушие. А такие качества, как коллективизм, военное и трудовое мужество, героическая самоотвержен-

¹ Константиновский Д. Л. Неравенство и образование: Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодёжи (1960-е — начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008. 552 с.

² См.: Российское общество и радикальные реформы: мониторинг социальных и политических индикаторов. М., 2001; Левашов В. К. Социологическая динамика российского общества 2000 — 2006. М., 2007.

³ Российское общество... С. 590.

⁴ Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 361.

ность, были присущи им в большей мере, нежели многим другим поколениям»¹.

И, наконец, в подтверждение данного аргумента приведём вывод, к которому приходит М. К. Горшков, опираясь на исследования ИС РАН последнего десятилетия: «Ещё один важный социологический факт — ... степень глубины, равно как и темпы изменения российского национального самосознания, не столь велики, как об этом принято говорить и писать: слегка пошатнувшаяся в первой половине 1990-х годов советская парадигма продолжает демонстрировать удивительно устойчивость»².

Нет смысла множить социологические примеры, подтверждающие безусловность стабильности «человеческого фактора» в социальной жизни.

Сложившийся на протяжении многовековой цивилизации культурно-исторический тип человека достаточно стабилен по своим потребностям и ценностным ориентациям. Несмотря на колоссальные тектонические изменения на поверхности социальной жизни, о чём нам постоянно говорит научное знание, социокультурный анализ действительности поддерживает эти представления. Культурное знание о человеке настраивает нас как можно меньше менять, отклоняться от изначального вопроса о сущности человеческого бытия.

В этом заложен ещё один аргумент об абсурдности понятия «новый человек» — **социокультурный аргумент**. Сущностное содержание его состоит в том, что человек — одновременно субъект и объект культуры. Вне человека и его общественных отношений культуры не существует. По бесспорному утверждению В. М. Межуева, «культура — это производство самого человека во всём многообразии и многосторонности его общественных связей...»³.

Именно культурный статус человека определяет целостность той эпохи, в которой он живёт, а эпоха в свою очередь детерминирует формирование культурного типа человека. Эта диалектическая связь базируется на комплексе постоянных концептов, присущих человеку. Базовым из них является «разум» в единстве знаний, представлений и переживаний, содержащихся в нём. Именно в сфере разума реализуются те социокультурные механизмы, которые позволяют человеку создавать и потреблять основные продукты (произведения)

¹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989. С. 114.

² Социс. — 2009. — № 3. — С. 23.

³ Цит. по: Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984. С. 171.

культуры. Ранее уже отмечалось, что разум человека в форме его мозга длительное время имеет постоянную константу. Изменения же связаны с социальными условиями и деятельностью человека в них. Логика развития этого концепта может быть представлена в алгоритме: деятель разумный — деятель — мыслитель (созидатель). Именно в таком социокультурном движении создаются культурные акторы и формируется «человек культурный». Именно в этой парадигме создавались и могут создаваться лучшие образцы культурного наследия — великие шедевры Достоевского, Толстого, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и других в литературе; Чайковского, Рахманинова, Прокофьева и других в музыке. Можно перечислять имена художников, архитекторов, музыкантов, актёров, которые создали выдающуюся культуру, образцы которой увековечили величие мировой цивилизации человечества. И в центре этих культурных преобразований стоит человек — существо разумное и чувствующее, социально-историческое, обладающее набором постоянных признаков, отражающих приметы исторического времени и типологию человека как субъекта.

Разумеется, возникает вопрос: если всё неизменно в человеке, то как происходит культурное развитие и человека, и общества, как появлялись новые образцы культуры? Ответ заложен в структуре творчества. Творчество ориентировано на изменение, на эволюцию. Творчество есть процесс социальной непрерывности развития, когда в последующих вариантах культуры имплицитно присутствуют модели прошлого и будущего. Культурные изменения являются не чем иным, как носителями ценностных смыслов предшествующей культуры. Признанными шедеврами являются только те образцы культуры (романы, музыкальные произведения, кинофильмы, памятники зодчества и т. п.), которые опираются на фундамент уже сложившихся культурно-исторических ценностей, на сердцевину культуры прошлого и делают при этом творческий шаг вперёд. В этом собственно и заключается культурный процесс.

Возьмём за пример культурологический анализ культурного процесса первой половины XVII до второй половины XIX веков в России, наиболее богатого своими открытиями. Он приводит нас к пониманию, что целостность культуры на разных этапах её развития обуславливается человеком в единстве его интеллектуальной и социальной практики. При этом социокультурный тип личности базируется на относительно постоянных концептах (для данного периода он формулируется как концепт «общей пользы» и «сына отечества»),

которые эксплицируются различными мифологемами. Рассмотрим ещё один пример. Посетитель залов портретной живописи XVII — XVIII веков в Лувре, Прадо или Эрмитаже невольно ловит себя на мысли о том, что внешний вид изображённых на портретах людей, их облик имеет портретное сходство с лицами наших современников, хотя с момента отображения первых прошло несколько столетий. Творения великих художников подтверждают неизменность человека в его социальной сущности.

То же самое относится и к оценке различных этапов развития культуры в нашей стране, которые базировались на фундаментальных человеческих ценностях, носящих непреходящий характер, что олицетворяет собой магистральный путь развития культуры — преемственность и духовную традицию.

Итак, подведём итоги. Проблема «нового человека» своими корнями исходит из воззрений утопических социалистов Запада, окрылённых мечтами о создании идеального общества. Напротив, русские мыслители провозглашали тезис о «непеременчивости» людской природы. Позднее марксизм провозгласил необходимость изменения в масштабах сознания широчайших масс народа.

Но все эти рассуждения так или иначе спотыкались о реалии социальной жизни, они по своей сути были оторваны от жизненных обстоятельств и не выдержали проверки временем. Исторические исследования, социокультурный анализ показывают, как устойчив человек в своих нормах поведения, потребностях и ценностных ориентациях. Вся эта трескотня о новой морали, воспитании нового человека есть не что иное, как насилие над личностью и попытка парализовать на идее об антисоциальной природе человека.

Социологическая наука даёт ясный ответ: меняется не человек, а социальные условия, в которых он живёт. Человек был и остаётся главной движущей силой изменяющихся условий, и не они меняют человека, а он изменяет их в соответствии со своим интеллектом, культурой и общественной целесообразностью.

Когда-то в далёкой древности греческий философ Протагор из Абдеры провозгласил, что «человек есть мера всех вещей». Через много веков другой философ и писатель Ю. В. Трифонов подытожил: «Хотим мы этого или нет, вне времени, вне истории не живёт ни один из нас. История присутствует в каждом сегодняшнем дне, в судьбе каждого человека».

Не это ли главные ориентиры участия человека в инновационном развитии общества?

Библиография

1. Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Человек. Энциклопедический словарь. М., 1999. С. 496–497.
2. Волков Ю. Г., Харитонов Е. М. Человек и власть. М., 1995.
3. Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Многомерный мир современного человека. М., 1998.
4. Зиновьев А. А. Глобальный человек. М., 1997.
5. Зиновьев А. А. О человеке в западной философии. М., 1991.
6. Проблема человека в западной философии. М., 1988.
7. Волков Ю. Г., Малицкий В. С. Идеология и гуманизм. М., 2004.
8. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после. М., 2003.
9. Ленинизм и диалектика общественного развития. М., 1970. С. 325–350.
10. Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 474.
11. Обзор материалов конгресса. Култыгин В. П. От локального универсализма к глобальному контекстуализму // Социс. — 2009. — № 1. — С. 24–32.
12. Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность: О природе антропогенных поступков и путях их преемственности. М.: Политиздат, 1982. 304 с.
13. Какое будущее ожидает человечество? Прага: Мир и социализм, 1964. С. 398.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 102.
15. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 177.
16. Новая газета. — 2009. — 11.03. — № 24.
17. Вежи: Сборник статей о русской интеллигенции: репринтное издание. М.: Новост, 1990.
18. Покровский Н. Е. Что происходит с гуманитарным образованием? // Социологические исследования. — 2006. — № 12. — С. 95–97.
19. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности: монография. М., 1986.
20. Конастантиновский Д. Л. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е — начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008. 552 с.
21. Российское общество и радикальные реформы. Мониторинг социальных и политических индикаторов. М., 2001.
22. Левашов В. К. Социологическая динамика российского общества 2000 — 2006. М., 2007.
23. Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 361.
24. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989. С. 114.
25. Социс. — 2009. — № 3. — С. 23.
26. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984. С. 171.

НАУКА — ПРАКТИКЕ

ЦАРИКАЕВА Алина Магомедовна,
научный сотрудник отдела социологии,
Московский институт социально-культурных
программ
azdayarzi@mail.ru

Роль неправительственных организаций в укреплении демократии и гражданского общества / A role of the non-governmental organizations in strengthening of democracy and a civil society

Аннотация

Статья посвящена роли неправительственных организаций и общественных движений в современном обществе и тому, какое влияние они оказывают на формирование общественного мнения и политических ориентаций, ведущая роль в котором отводится политической оппозиции и всевозможным зарубежным общественным фондам и институтам.

Ключевые слова

Неправительственные организации; общественное мнение; социальные манипуляторы.

Annotation

The article is devoted to a role of non-governmental organizations and social movements in a modern society as well as to the influence they render on formation of public opinion and political orientations, the leading role in which formation plays the political opposition and every possible foreign public funds and institutes.

Keywords

Non-governmental organizations; public opinion; social manipulators.

Одним из результатов трансформационных процессов, начавшихся в России в начале 90-х годов, явилось возникновение общественных движений. Миллионы людей стали участвовать в многочисленных гражданских инициативах, политических дискуссиях и личных акциях. Они включили в себя правозащитников, группы, выступающие за религиозную свободу, национально-освободительные движения, а также экологов и группы, отстаивавшие права женщин.

Для общественного развития важнейшие предпосылки формирования гражданского общества — это солидарность, доверие, толерантность, личная безопасность и ответственность граждан. Неправительственные организации (НПО) служат носителями и выражают интересы различных социальных групп, участвуют в процессе принятия и реализации общественно значимых решений, содействуют развитию публичной политики в нашей стране. Они позволяют гражданам совершенствовать общество, занимаясь активной и просветительской работой, привлекать внимание к важным общественным проблемам и контролировать действия правительства и частных предпринимателей. Западные частные субсидирующие общественные фонды и организации, занимаясь подобной работой на территории Российской Федерации, вызывают к себе повышенный интерес, споры и разногласия внутри страны. В связи с этим необходимо определить, что собой представляют сегодня НПО и общественные движения, каковы пути их развития и цели, а также способы их финансирования. Игнорирование всё возрастающего противоборства между НПО и властью может повлечь за собой серьёзные и необратимые последствия, что приведёт к усилению политического экстремизма, способного оказаться конфликтной базой для сторонников конфронтационного мышления и поведения.

По Блумеру, каждое неформальное сообщество проходит определённый путь своего развития и становления. В самом начале социальное движение аморфно, плохо организовано и не имеет формы. По мере того как социальное движение развивается, оно принимает характер общества — организацию и форму, корпус обычаев, традиций, упрочившееся руководство, постоянное разделение труда, социальные правила и социальные ценности и новое устройство жизни. Это означает, что люди пришли к формированию иных

представлений о самих себе, которые не согласуются с их реальным положением в жизни. Они приобретают другие предрасположения и интересы и соответственно становятся восприимчивы к движению в новых направлениях; и наоборот, они начинают испытывать неудовлетворение там, где прежде его не было.

Кроме того, существуют субъективные причины возникновения новых общественных движений, которые зависят от политических интересов конкретных лиц — «социальных манипуляторов». В некотором роде именно от них и зависит конкретный поворот общественного развития и социальной атмосферы в обществе. Для них финансирование общественных движений является средством в осуществлении своей политики. Усилия, предпринимаемые заинтересованными группами с целью формирования общественного мнения, могут в первую очередь быть попытками возбудить или привить некие эмоциональные установки. Использование иностранных денег, направленных против национальных интересов, приводит к вмешательству во внутреннюю политику страны и подрыву стабильности в обществе.

XX век был переломным в деле манипуляции общественным сознанием. Сложилась наука, которая занималась этой проблемой, — социальная психология, один из основателей которой, Густав Лебон, заложил краеугольный камень в своём учении о толпе. Возникли и другие теоретические концепции — учения о культурной гегемонии, о подосознательном. Параллельно развивалась новаторская и жёсткая практика «толпообразования»: превращение больших масс людей в толпу и манипуляции ею.¹

В книге американского философа Джина Шарпа «От диктатуры к демократии» перечисляется набор дестабилизирующих факторов, которые должны привести к концу государства, а также содержатся призывы к расшатыванию внутриполитической ситуации. Эта книга представляет интерес как руководство к действию, подробно раскрывающее тактику и стратегию подрывной деятельности внутри государства. «Государство может предпринимать действия против диктатуры для того, чтобы добиться собственного экономического, политического, военного контроля над диктатурой. Основные протестные силы должны действовать в самой стране. Эти силы обособывают вмешательство иностранного государства. Степень и наличие международной помощи стимулируются внутренней борьбой. В качестве дополнения необходимо приложить усилия к созданию

¹ Кара-Мурза С. Оранжевая мина. М. : Алгоритм, 2008. С. 32–33.

нию негативного по отношению к диктатуре общественного мнения на гуманитарных, этических и религиозных основаниях»¹. Здесь под основными протестными силами подразумеваются НПО. Прикрываясь термином «демократия», манипуляторы оправдывают свои действия вплоть до антигосударственных и прямого насилия. Это пособие на практике было использовано оппозиционными движениями Грузии и Украины.

С 1997 г. Агентство США по международному развитию публикует «Индекс устойчивого развития некоммерческих организаций для стран Восточной Европы и бывших республик СССР». Согласно последнему опубликованному «Индексу» за 2007 г. Россия занимает в нём 23-е место из 29-ти возможных.² Перед российскими НПО и гражданскими инициативами стоит задача достижения высокого уровня общественной ответственности и участия, в противном случае их представительство и легитимность будут ставиться под сомнение.

В 2008 г. известность отдельных общественных и других некоммерческих организаций среди россиян достигла 52%. Также снижается доля тех, кто о них не знает и не слышал (на 5 п.п.) по сравнению с 2007 г. Самый высокий уровень информированности фиксируется в группе респондентов с высшим образованием, среди жителей мегаполисов (включая Москву) и больших городов, а также среди тех, кто даёт высокие оценки своему уровню жизни. В этих группах уровень информированности по отдельным позициям достигает 77%. Доля же тех, кто не знает и не слышал о некоммерческих организациях и инициативах, в группе респондентов с высшим образованием в два раза ниже, чем в целом по населению (7 и 15% соответственно), а среди сельчан в два раза выше (30 и 15% соответственно).³ Уровень известности тех или иных общественных организаций или направлений гражданских инициатив не всегда коррелирует с освещением подобной активности в средствах массовой информации, где по цитируемости с большим отрывом лидируют правозащитные, профсоюзные и молодёжные общественные организации и инициативы.⁴

¹ Шарп Дж. От диктатуры к демократии. 1993. www.aeinstejn.org

² <http://www.orf.ru/files/ДК-ОРНГ-2008.pdf>

³ Репрезентативные опросы населения по технологии Георейтинга, проведённые Государственным университетом — Высшей школой экономики и Фондом «Общественное мнение» (2008, 2007).

⁴ Рыкина М. В., Воробьёв В. В., Глебова Е. М. Динамика позиционирования проблем развития гражданского общества в СМИ в период 2006 —

Как отмечалось выше, заинтересованность оппозиционных групп легко приводит их к попыткам манипулировать общественным мнением и как следствие к дестабилизации и повышению социальной напряжённости в обществе. Это особенно верно сегодня, когда общественные проблемы так многочисленны. Это обстоятельство привело к использованию пропаганды во всё более возрастающей степени. Возникли новые организации и технологические средства, позволяющие охватить интенсивной пропагандой миллионы людей одновременно. В эпоху предвыборных кампаний такие вещи обостряются с особой силой, потому что это один из самых удобных способов подтолкнуть людей к необходимому выбору.

Суждения и мнения большинства людей формируются теми данными, которые им доступны и которые им предоставляют. Манипулируя фактами, скрывая одни и искажая другие, пропагандист может максимально способствовать формированию какой-то определённой установки. В сфере общественной дискуссии и общественного обсуждения пропаганда действует с целью создания мнений и суждений не на основе достоинств данного предмета, а главным образом играя на эмоциональных установках и чувствах. Её целью — навязать некую установку или ценность, которая начинает восприниматься людьми как нечто естественное, истинное и подлинное и таким образом как нечто такое, что выражается спонтанно и без нуждения.¹

Основатели политических верований только потому могли достигнуть цели, что умели внушить толпе чувство фанатизма, заставляющее человека находить счастье в обожании и подчинении и с готовностью жертвовать жизнью для своего идола.

Выборы представляют особый интерес. В этот переходный период смены властной верхушки происходит временное ослабление государства. Моральное или прямое насилие стало важной технологией таких выборов. Увеличивается число проводимых манифестаций, шествий, пикетов, направленных на подрыв общественного мнения. Существенной проблемой в рамках возникающего в наши дни мирового информационного пространства является непропорциональное использование возможностей информационных средств

2008 гт. // Эмпирические исследования гражданского общества : сб-к материалов общественных слушаний. М., 2008.

¹ Блумер Г. Коллективное поведение / пер. Д. Володынского // Американская социологическая мысль : тексты / сост. Е. И. Кравченко; под ред. В. И. Добрянкова. М. : Изд-во МГУ, 1994.

и технологий. СМИ, и в особенности телевидение, играют здесь особую роль. Они выступают в качестве транслятора интересов заинтересованных лиц. В ходе опроса, проведённого в 2009 г. по заказу Общественной палаты Российской Федерации Агентством социальных технологий «Политех», на вопрос, какой характер чаще носят материалы в СМИ, посвящённые различным национальностям, проживающим в России, относительное большинство участников опроса высказало мнение, что такие материалы в СМИ носят негативный характер — 39% респондентов, нейтральный — 32%, и лишь только 9% оценили их как положительные. Затруднились с ответом 20%.¹

Функционирование пропаганды в первую очередь выражается в игре на эмоциях и предрассудках, которыми люди уже обладают. Механизмы политической манипуляции постоянно совершенствуются, оттачиваются, чтобы в момент выборов сработать на полную мощност и привести к заданному результату. Одним из важных элементов системы таких манипуляций является внедрение в массовое сознание социально-политических мифов. Появляются новые группы, готовые с помощью политических инструментов преобразовать политическую систему в соответствии со своими взглядами. Инновации властями противоправных действий некоторых радикальных объединений может быть расценено как сигнал в знак их поддержки.

На индивидуального участника глубокое влияние оказывают массовые митинги, собрания, парады, демонстрации. У него возрастает самооценка, и в результате он ощущает себя исключительно важной персоной. Психологически, представляемая здесь, — это психология парада. Последствия такой политики приводят к нагнетанию социальной напряжённости. Революции в Украине, Грузии, Сербии показали, что появились соответствующие технологии для смены правительств, что эти события были спровоцированы и большей частью профинансированы из-за рубежа через иностранную поддержку НПО внутри этих стран. Некоторые общественные организации и движения потенциально опасны и содержат скрытую угрозу политической стабильности и межнациональному миру в государстве. Сегодня политическая оппозиция борется за контроль над общественными движениями, который может быть только при использовании современных социотехнических приёмов.

До недавних пор молодёжь рассматривалась всеми политическими факторами лишь как демографическая категория, значение

¹ http://www.orf.ru/newsblock/news/2400/chamber_news

которой возростало только в ходе избирательных кампаний. Теперь ситуация начинает меняться. За последние несколько лет быть политизированным стало модно. Об этом, в частности, свидетельствует стремительный рост популярности появившихся молодёжных движений: «Наши», «Россия молодая» и др. Создание многочисленных молодёжных движений стало своего рода реакцией российских властей на «Оранжевую революцию» в Украине и на ту роль, которую в ней сыграла молодёжь. Социальные технологии можно победить только социальными же технологиями. В перспективе при решении глобальных проблем роль НПО и общественных движений, несомненно, будет возрастать на международном фоне. Неправительственные организации и государство должны совместно принимать участие в разработке и реализации реформ, которые сделают их понятными для граждан страны, что в свою очередь будет способствовать успешному продвижению социальных инноваций. Это позволит лучше оценить достигнутые результаты и успешные возможности и выявить ограничения, возникающие на пути развития движений.

С целью обеспечения в 2009 г. государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии государственных институтов, выделяется 1200000 тыс. руб. на проведение конкурсов для реализации социально значимых проектов. В список субсидируемых организаций вошли:

1. Фонд подготовки кадрового резерва «Государственный клуб». Средства выделяются на поддержку молодёжных инициатив, проектов молодёжных движений и организаций;
 2. Межрегиональная правозащитная общественная организация «Спротивление». Средства выделяются на защиту прав и свобод человека, правовое просвещение населения;
 3. Региональная общественная организация «Институт проблем гражданского общества». Средства выделяются на проекты в области образования, искусства, культуры и общественной дипломатии;
 4. Автономная некоммерческая организация «Институт общественного проектирования». Средства выделяются на проведение социологических исследований и мониторинга общественного мнения.
- Сегодня угрозу глобального энергетического кризиса для наиболее развитых стран мира можно сравнить с угрозой ядерной войны. Нефть играет роль геополитического регулятора в обеспечении энергией всех отраслей экономики в современном мире. Её потребление неуклонно будет расти в связи с дальнейшим развитием мировой экономики. Государства, не обладающие такими огромными

энергоресурсами, как в России, несомненно, приложат все усилия, весь свой интеллектуальный и экономический потенциал, чтобы из-бавить себя от тотальной нефтяной и газовой зависимости для получения новых источников энергии.

Библиография

1. Блумер Г. Коллективное поведение / пер. Д. Водотынского // Американская социологическая мысль : тексты / сост. Е. И. Кравченко; под ред. В. И. Добренко. М. : Изд-во МГУ, 1994.
2. Гумилёв Л. Н. Биография научной теории, или Автонекролог. // Знамя. — 1988. — № 4.
3. Данилин П. Новая молодёжная политика 2003 — 2005. М. : Европа, 2006.
4. Кара-Мурза С. Оранжевая мина. М. : Алгоритм, 2008. С. 32–33.
5. Кордонский М., Кожаринов М. Очерки неформальной социотехники. М., 2008.
6. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. : Макет, 1995.
7. Рыкина М. В., Воробьёв В. В., Глебова Е. М. Динамика позиционирования проблем развития гражданского общества в СМИ в период 2006 — 2008 гг. // Эмпирические исследования гражданского общества : сб-к мат-лов общественных слушаний. М., 2008.
8. Цыганкова Г. А. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. М. : Альфа — М.: Инфра, 2009.
9. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. 1993. www.aveinstein.org
10. http://www.orf.ru/newsblock/news/2400/sharpe_news

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

НАЗАРОВ Михаил Михайлович,
 доктор политических наук,
 ведущий научный сотрудник, ИСПИ РАН
 mmlazarov@mi-net.ru

Постмодерная медиакультура в концепциях Ж. Бодрийяра / Postmodern media culture of J. Baudrillard

Аннотация

В работе рассматриваются особенности постмодерной медиакультуры в опоре на концепции Ж. Бодрийяра. Последний ввёл в современный социально-философский оборот ряд новых понятий, позволяющих описать не фиксируемые ранее (с необходимой полнотой) феномены современности. Особый акцент делается на задачах понимания так называемой «не подлинности» современного мира. Причём акцент в рассмотрении здесь делается на доминировании в социокультурной реальности новых информационных феноменов, которые кардинальным образом меняют сложившееся ранее модели информационного обмена. В этой связи рассматриваются особенности таких концепций, как симулякр, гиперреальность. Проводится анализ содержания так называемых «медиасобытий», функциональной специфики рекламных коммуникаций. Обсуждается методологическая ценность подходов Бодрийяра применительно к анализу постмодерной медиакультурной среды.

Ключевые слова

Постмодерн; медиакультура; симулякр; гиперреальность.

Annotation

Article focuses on peculiarities of postmodern media culture based on key theoretical accounts of J. Baudrillard. He argues that postmodern societies being saturated by media and information technologies are

entering new stage of its development. In order to understand better new experiences Vaudrillard introduces original methodological approaches providing valuable insights on current practices of social-cultural non-authenticity. The discussion gives an account and traces theoretical background of the *simulacrum* and *hyperreality* concepts. The functional peculiarities of postmodern *media events* and *advertising communications* are covered as well. The findings provide also arguments on Vaudrillard methodology value for the study of contemporary media culture.

Keywords

Postmodern; media culture; simulacrum; hyperreality.

Проблематика современной медиакультуры соотносится с темой постмодерна. Одна из важных посылок, интересующих нас, связана с идеей «не подлинности» современного мира. Причём акцент в рассмотрении здесь делается на преобладании или доминировании в социокультурной реальности новых информационных феноменов, которые кардинальным образом меняют сложившиеся ранее модели информационного обмена. Фокус обсуждения сосредоточим на тех посылах, которые позволят нам глубже понять то, как «устроена» современная медиакультурная среда. Пониманию этого могут служить концепции современного французского мыслителя Ж. Бодрийяра (1929 — 2007), который одним из первых ввёл в современный социально-философский оборот целый ряд новых понятий, с помощью которых удаётся описать не фиксируемые ранее (с необходимостью) феномены современности. Именно в текстах Бодрийяра полночисто достаточно подробно разработку такие ключевые для понимания медиакультуры понятия, как симулякр, гиперреальность и некоторые другие.

Симулякры и гиперреальность

Понятие симулякра можно рассматривать в качестве одного из важнейших теоретических концептов Бодрийяра.¹ Исследуя совре-

¹ «Понятие симулякра («видимости», «подобия») — древнее, в европейской философии оно существовало, начиная с античности, причём обычно включалось в теологическую схему репрезентации, сформулированную Платоном: имеется идеальная модель-оригинал (эйдос), по отношению к которой возможны верные или неверные подражания». См.: Зенкин С. Жан

менное общество с точки зрения соотношения реальности и её разных представлений, автор обращает внимание на новое качество современной социокультурной среды. Суть его состоит в том, что в силу целого ряда обстоятельств (прежде всего технологического и рыночного характера) современный индивид оказывается в ситуации принципиальной неразличимости реальности и её представлений — «оригинала» и его «копии».

Следует заметить, что новое качество культурной среды является, по Бодрийяру, сопряжённым с развитием экономики постиндустриального типа. Не случайно в этой связи постмодерн как новое состояние современности зачастую связывают с трансформациями экономического характера. Наряду с изменениями в типе производства, принципиально иного состояния достигло потребление как в плане масштабности данного явления, так и в отношении множественности потребительских стилей и идентичностей.

Характерно, что общество потребления всё более и более трансформируется от мира товаров как таковых к миру, в котором доминирующее положение занимает знак, образ товара. Причём производство, обмен, потребление всего того, что связано с рекламой, телевидением, медиа в целом, являются сегодня не только одной из важнейших сфер проявления политики и культуры, но значимой областью собственной экономической активности.

Симулякр представляет собой некоторую «неотграниченную» сущность — в смысле неразделимости копии и оригинала, модели и её репрезентации. Это, по Бодрийяру, объясняется тем, что жизненная среда современного человека доминируется исключительно моделями, симуляциями. Последние представляют собой объекты, дискурсы, не имеющие искомого, изначально чёткого референта. При этом значение формируется за счёт соотношения не с независимой реальностью или некоторым стандартом, а с другими знаками. Мир, таким образом, превращается в исключительно знаковую, виртуальную реальность.

В этом плане мир симулякров выступает как некоторая единая, порождающая схема современного общества. «Каждый кадр, каждая передача средств массовой информации, а равно и каждая из окружающих нас функциональных вещей служит тестом — то есть они, в строгом соответствии со смыслом термина, активизируют в нас механизмы ответа по стереотипам или аналитическим моде-

Бодрийяр: время симулякров : вступит. статья // Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 8.

лям. Сегодня вещь уже не «функциональна» в традиционном смысле слова — она не служит вам, она вас тестирует. Она больше не имеет ничего общего с былыми вещами, так же как и информация масс-медиа — с «реальностью» фактов. В обоих случаях вещи и информация уже являются результатом отбора, монтажа, съёмки, они уже протестировали «реальность», задавая лишь те вопросы, которые им «ответствовали»: они разложили реальность на простые элементы, а затем заново сложили их вместе по сценариям регулярных опозданий...»¹.

Результатом насыщения повседневности бесконечной серией симуляций является формирование своеобразной гиперреальности. Это своего рода нестабильная, эстетизированная галлюцинация, цель образов, потерявших изначальный смысл.

Говоря о гиперреальности, Бодрийяр отмечает исчезновение различий между каналом СМК, с одной стороны, и той реальностью, которая оказывается представлена в образных сообщениях (представлениях), — с другой. Автор выделяет последовательные фазы представления: отражения глубинной реальности; маскировки и де-натурализации глубинной реальности; маскировки отсутствия глубинной реальности; отсутствия соотношения с какой-либо реальностью вообще — фазу чистого симулякра.²

Т. е. эволюция образа проходила через четыре этапа. На первом этапе образа, как зеркала, отражал окружающую реальность; на втором — извращал её; на третьем — маскировал отсутствие реально-сти; и, наконец, образа становился «симулякром», копией без оригинала, которая существует сама по себе, без всякого отношения к реальности.

В этой связи автор говорит также о своеобразном «взрыве во внутрь» («имплозии») средств массовой коммуникации и реально-сти, когда отличить одно от другого становится просто невозможно. «Бодрийяр уходит от рассмотрения проблем искажения / представления как не значимых. В его постмодернистской теории имиджи и реальность (будь то реальность социальных отношений или эмпири-ческого пространства) не имеют различия онтологического статуса: не существуют различия между имиджем и реальностью. Следствием этого является то, что теперь мы живём в эпоху, по определению автора, симулякра, т. е. подобия, видимости. Если раньше значение

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 135–136.

² Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна. Минск : Красико-принт, 1996. С. 35.

чего-либо определялось через отличия, то теперь оно берёт своё начало в коллапсе, «взрыве». Существовавшие ранее достаточно автономные области теперь радикально трансформируются, прони-кают друг в друга и взрывают принятые ранее границы и различия».¹

Таким образом, мир теперь находится в состоянии симулякра, когда реальным становится лишь то, что может быть симулировано. Показательно, что современный мир симулякров является, по мнению автора, неотъемлемой чертой нынешнего уровня развития цивилизации как таковой. Причём существенную роль здесь играют медиа. Истолзование растущих возможностей коммуникационных технологий, связанных как с расширением приёмов монтажа образов, так и с феноменом пространственно-временного сжатия, привело к формированию качественно нового состояния культуры. Информации становится всё больше и больше, что значительно усложняет возможность её понимания.

Медиа-рекламная культурная среда

Какую интерпретацию получают у Бодрийяра современные медиа, как он видит их, условно говоря, функциональные характеристики? В работе «Реквием по масс-медиа» автор указывает на такие их свойства, как «нетранзитивность».² По существу, масс-медиа являются собой то, что навсегда запрещает ответ, что делает невозможным процесс обмена. Ибо отдать и сделать так, чтобы вам было не-возможно вернуть отданное, означает: разорвать процесс обмена в свою пользу и установить монополию — тем самым социальный процесс оказывается нарушенным. Вернуть отданное, напротив, означает разрушить властные отношения и образовать на основе анта-гонистической взаимосвязи цепь символического обмена. То же самое происходит и в области масс-медиа: нечто оказывается про-изнесённым, и всё делается таким образом, чтобы на эти слова не было получено никакого ответа.³

По мнению автора, современные медиа, прежде всего ТВ, уже в силу своей природы и широкого распространения представляют собой некоторый механизм социального контроля. Причина сего в

¹ Фискс Дж. Постмодернизм и телевидение // Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: Методология анализа и практика исследований. М., 1999. С. 176.

² Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика. М., 1999.

³ Там же. С. 202.

следующем: ТВ — это уверенность в том, что люди больше не разговаривают между собой, что они окончательно изолированы — перед лицом слова, лишённого ответа. Действительно, люди всё больше оказываются включёнными в коммуникацию, опосредованную современными техническими средствами (ТВ, Интернет, видео, мобильный телефон и т. п.). При этом у них всё меньше времени остаётся на то, чтобы активно участвовать в социальных процессах. Они становятся наблюдателями, зачастую наблюдателями пассивными.

Тенденции развития современных медиа сопряжены с тем, что они превращаются в некоторую форму «навязывания» знаковых моделей. С точки зрения Бодрийяра, известная формула Маклюэна *Medium is Message* страдает технологическим идеализмом. На самом деле, *Средство есть Модель*. То есть передача подлечит не то, что «проходит» через прессу, ТВ, радио, а то, что улавливается формой / знаком, оказывается артикулировано в моделях, управляется кодом.¹ Другими словами, логика бытования знаков (и соответственно но их восприятия аудиторией) предопределяется прежде всего самим медиа с помощью разнообразных редакторских техник работы с визуальными и прочими компонентами сообщений.

Итак, медиа выполняют по сути функцию принудительной социализации, выступая элементом системы социального контроля. Здесь автор настаивает на том, что нынешние медиа фактически не являются средствами коммуникации как таковой. Известно, что в рамках традиционной коммуникации предполагается более или менее равноправный обмен знаниями, информацией, ценностями между её субъектами. Причиной «нетранзитивности» современных медиа является тотальное расширение сферы потребления. Важно при этом, что массовое потребление, рынок и сопряжённая с этим «логика» становятся «органичными» для всей системы организации социальных институтов общества, в том числе медиа.

Остановимся кратко ещё на одной важной послылке Бодрийяра — феномене псевдособытия или медиасобытия.² Роль электронных средств коммуникации является в данном случае ключевой, поскольку ТВ находится как бы «над» нынешним миром кажущегося, миром

¹ Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика. М., 1999. С. 209.

² Здесь Бодрийяр опирается на работу Д. Бурстина, посвящённую исследованию имиджа в американском обществе (см.: Boorstin, D. The Image: A Guide to Pseudo-events in America. N. Y., 1992).

«поверхностей». Тем самым создаётся особая среда, в которой объекты становятся реальными только в том случае, если они будут представлены в медиа.

Можно сказать, что феномен медиасобытия является производным от обсуждаемых выше способов функционирования знаков в обществе потребления в целом. В классической своей трактовке знак, как известно, предполагает разделение, пусть аналитическое и временное, означаемого и означающего. Для современной медиа-среды характерна циркуляция знаков, из которых, говоря словами Бодрийяра, «испарилась всякая событийная, культурная или политическая ценность»¹. Отсылка содержания посланий к самим себе и к другим посланиям медиасферы представляет собой формование новых означающих и соответственно исчезновение означаемого как такового. Таким образом, сообщения не представляют мира реальности, а замещают его, рождая некоторую иную медийную реальность.

Отсюда мы выходим на возможность конструирования, создания медиасобытий как таковых. Причём Бодрийяр указывает на то, что в этом не следует видеть исключительно искажение «подлинного» содержания, скорее речь идёт о моменте, объективно присутшем современному уровню развития общества потребления в целом. «Именно в форме всё изменилось: повсюду существует замена реальности «неореальностью», целиком произведённой из комбинации элементов кода. ... Модель «изготавлиют», комбинируя разные черты или элементы реальности, заставляют «разыгрывать» событие, структуру или наступающую ситуацию и из этого извлекают тактические заключения, исходя из которых, воздействуют на реальность».²

Многие важные моменты работ Бодрийяра соотносятся так или иначе с ролью рекламы в современном обществе. Здесь Бодрийяр отталкивается от образа массового изобилия, «нагромождения» предметов, причём наличие последнего выполняет в обществе важную социально-психологическую функцию: «Вы покупаете часть от целого. И это повторяющееся действие в отношении потребляемой материи, товара, вещь этот избыток принимает, если употребить большую собирательную метафору, образ дара, неисчерпаемого и красного изобилия праздника»³.

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 160.

² Там же. С. 164.

³ Там же. С. 160.

Показательно, что вся совокупность инструментов маркетинга — витрина, рекламное объявление, фирменный знак — способствуя трансформации форм восприятия товаров. От акцента на собственном функциональных свойствах в массовом масштабе осуществляется переход к акценту на обеспечении группового видения предметов потребления как некоторой «неотграниченной» сущности, комплексного суперпредмета, вовлекающего и «сблизяющего» потребителя вплоть до максимального вложения в рамках границ его экономического потенциала.

При этом расчёт производителей товаров и услуг делается скорее на эмоционально-образное, нежели чем на функциональное восприятие товаров и услуг. «Процесс симуляции зашёл так далеко, что утратилось само различие фантазии и реальности. Реклама — это настоящая действительность, даже если ты никогда не сможешь реально купить то, что рекламируется».¹

Какой видится Бодрийяру социальная функция рекламы? С одной стороны, автор не отрицает, что типологически реклама в современных медиа может быть отнесена к области информационного воздействия и пропаганды. Вместе с тем автором подчёркивается и другая важная сторона данного явления. «Социальная функция рекламы заключается в том, чтобы охватить в одной и той же сверхэкономической перспективе идеологию дара, безвозмездности и услуги. Реклама не является только службой сбыта, внушением с экономическими целями. ... Реклама распределяет непрерывное бесплатное предложение всем и для всех. Она престижный образ избобилия ... Через рекламу все реальные экономические процессы передаются и социально проинтерпретированы как результаты дара и эмоционального отношения».²

Несколько слов следует сказать и о другой функции рекламы в обществе потребления — социальной интеграции. Как известно, реклама направлена на различные по охвату, но тем не менее значимые, с точки зрения численности, группы потребителей. В этом плане включённость потенциальной аудитории в потребление рекламных сообщений объективно образует некоторое, пусть виртуальное, но единство индивидов. Тем самым происходит организация «соучастия» потребления, предполагающего единство раскодирувания знаковых посланий рекламы.

¹ Марков Б. В. После оргии // Бодрийяр Ж. Америка. М., 2000. С. 19.

² Бодрийяр Ж. Общество потребления. С. 210.

Среди механизмов «доказательства истинности» рекламного послания одним из основных является так называемый феномен гоморегии, когда аудитория оказывается фактически включённой в диалог: последний попросту невозможен в условиях массового насыщения медиасреды рекламными сообщениями. При этом рекламные сообщения представляют собой повторяющиеся тексты императивного свойства. «Реклама является пророческим словом в той мере, в какой она предполагает не понять или изучить, а поверить...».¹

В рамках интерпретации, предложенной Бодрийяром, вопросы о том, в какой степени показанное по ТВ или в других медиа является истинным, случалось ли это на самом деле, оказываются в общем-то лишёнными оснований. Это происходит потому, что «переворачивается» традиционная логика значения и интерпретации. Не стоит забывать, что реклама является одним из наиболее ярких примеров медиасобытия как такового. Здесь изначально происходит формирование некоторой знаковой модели, представляющей собой не более чем метафору знака. «Реклама не предполагает предшествующей истины (истины потребления объекта), но предполагает последующее подтверждение на уровне реальности подаваемого ею пророческого знака... Она делает из объекта псевдособытие, которое должно стать реальным событием повседневной жизни благодаря подсоединению потребителя к её дискуссии».²

Методологическая ценность подходов Бодрийяра

В целом пафос критики Бодрийяра оказывается сосредоточенным на том, что манипуляции знаками, присущие современному потребителю обществу, входят в очевидное противоречие (в плане истинности, аутентичности) с коммуникативной, характерной для общества традиционного типа. Ключевым здесь является понимание автором роли знаков в обществе, его интерпретация понятия символического. В этом случае Бодрийяр опирается на дюркгеймовскую традицию исследований в области социальной антропологии — анализ обрядов и ритуалов (включая, например, такие «священные» практики, как дарение) показал их значимую функциональную роль в плане организации обмена на иных, не рыночных принципах. При-

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. С. 166.

² Там же.

чём сопряжённые с дарением коммуникационные принципы представляют собой принципиально иную модель, в известной мере некую идеальную альтернативу индивидуализированному, деперсонифицированному, утилитарному экономическому обмену, принятому в современном обществе потребления.

В чём состоит ценность обсуждаемых выше теоретических построений Бодрийяра? Будем иметь в виду следующую логическую цепочку, помогающую понять особенности медиакультуры в современном обществе. В современном мире существенно возрастает значимость феноменов культуры, особенно в том аспекте, что они становятся всё более включёнными в сферу экономики, рынка, потребления. Современное информационное общество в значительной мере инкорпорирует постмодерные ценности. Среди прочего это обусловлено тем, что в противовес миру модерна с его акцентом на индустриализме, производстве (равно как и многих других составляющих) сейчас на первый план выходит роль информации, знаний, технологических инноваций. Причём этот процесс оказывается всеобъемлющим, включая политику, экономику, социокультурную сферу. Постмодерному миру потребления всё в большей мере становится свойственным то, что потребляются не столько собственно функциональные или физические свойства товара, сколько его имиджевые и виртуальные характеристики. При этом роль фактора конструирования смыслов, использования здесь медиатехнологий является одной из важнейших.

Сделанный выше акцент на аутентичности коммуникации составляет для Бодрийяра значимый положительный ориентир, некоторую возможность, пусть идеальную, в плане её противопоставления текущим тенденциям развития общества потребления.¹ Автор утверждает, что потребление как таковое не является теперь собственно физическим актом приобретения или использования товара. Фактически этот тип деятельности индивидов сконцентрирован сейчас на исключительном потреблении знаков или, другими словами,

¹ Наряду с изложенным выше следует учитывать две другие концептуальные составляющие работ Бодрийяра, важные в данном контексте. Во-первых, речь идёт о неомарксистской критике потребительского общества и сопутствующих тенденций расширения социального контроля и отчуждения. Во-вторых, фундаментальную роль в работах Бодрийяра играют идеи семиотики, связанной, среди прочего, с изучением особенностей механизмов функционирования знаков в современном обществе.

собственно знаковое пространство через организацию и управление наборами значащих и значаемых становиться источником «реального» потребления.

В этой связи полезными познавательными инструментами являются концепты симулякра и гиперреальности. В соответствии с ними окружающий нас мир, который обычно понимается как мир реального, всё более трансформируется в «нереальное», где зачастую стираются границы первого и второго. Происходит это за счёт опосредования опыта индивидов постмодерной медиасредой в целом. Налицо возрастание роли знаково-символического опыта в условиях современного потребления медиакультуры, политики, товаров и услуг, т. е. символический образ явления, предмета фактически окзывается противопоставленным сути, «реальному» содержанию предмета как таковому. Неразрывной с этим является другая черта мира постмодерна — его фрагментированность. Индивидуальные идентичности становятся всё более множественными за счёт резкой интенсификации процессов информационного потребления, всё более превращающегося в мозаику образов. В этой ситуации современные и чёткие перестройки сознания оказываются затруднительными.

Постмодерная среда отличается тем, что образ объекта всё в большей степени замещает сам объект. Причём имиджевые, образные компоненты являются решающими ориентирами для выстраивания индивидуальных потребительских стратегий. Отсюда потребление имиджей оказывается важной составляющей при формировании индивидуальных смыслов. Предложенные Бодрийяром концепции также фиксируют, что воображение, социальные представления людей становятся в современной ситуации пространством социально-го управления, которое в значительной мере отражает логику рынка и потребления. Мир современного человека оказывается предельно нагруженным яркими визуальными образами, транслируемыми медиа. И эти образы заслоняют реальность как таковую, зачастую подменяя её.

Современная медиакультура кардинально отличается от существовавших ранее координат функционирования СМК. В силу технологических, политико-экономических и культурных трансформаций массовая коммуникация терзает такое свойство, как более или менее «равновесный» обмен между её субъектами. Практически исчезает возможность реального диалога людей, посредством которого поддерживаются чувства социальной идентичности, приобщён-

ности к тем или иным группам. Точнее, эта идентичность трансформируется теперь в некоторые новые форматы, которые как раз и обусловлены внутренней логикой медиа, и их функционирование неразрывно связано с трансляцией ценностных констант прежде всего рыночного потребления.

Библиография

1. Бодрийяр Ж. Америка. М., 2000.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.
3. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика. М., 1999.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна. Минск : Красико-принт, 1996.
6. Фиск Дж. Постмодернизм и телевидение // Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: Методология анализа и практика исследований. М., 1999.
7. Voorstijn, D. The Image: A Guide to Pseudo-events in America. N. Y., 1992.

МАРЬЯНЧИК Виктория Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
Поморский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
marvik69@yandex.ru

Ценность как слово и слово как ценность в современном медиадискурсе / Value as word and word as value in contemporary mediadiscourse

Аннотация

В статье анализируется понятие ценности, устанавливается терминологическое соответствие *ценность* — *имя ценности* — *концепт* — *имя концепта*. Автор рассматривает разнообразие научных типологий и классификаций в области аксиологии. В работе выявляются обусловленность взаимодействия ценностных иерархий разных дискурсов экстралингвистическими факторами. На примере лингво-аксиологического анализа текста показывается изменение в аксиологических моделях современного медиадискурса.

Ключевые слова

Ценность; концепт; аксиологическая иерархия; политический дискурс; гламурный дискурс.

Annotation

In the article conception of value is analyzed, the terminological conformity *value* — *name of value* — *concept* — *name of concept* is established. Author considers the variety of scientific typologies and classification in axiological area. The stipulation by extra linguistically factors of correlation of valuable hierarchies of different discourses is delineated. On example of lingual-axiological analysis of text the changes in axiological models of contemporary media discourse are deposed.

Keywords

Value; concept; axiological hierarchy; political discourse; glamour discourse.

Ежедневно каждый из нас погружается в пеструю речевую стилистику медиадискурса. Каждый медиатекст воплощает ценностную картину мира. Непонимание принятой системы ценностных ориентаций ведёт к коммуникативной неудаче — к неумению и нежеланию воспринимать и понимать предлагаемую информацию. «Категория ценности выступает значимым признаком при определении типа дискурса, понимаемого в качестве текста, погружённого в конкретную жизненную ситуацию».¹ *Вера, любовь, справедливость* и т. д. — это не только понятия, но и вербальные знаки, слова. Выстраивая иерархии ценностей, мы выстраиваем иерархии слов. Языковая рефлексия заставляет задуматься: в каком случае слово получает статус ценности? Очевидно, что проблема определения ценности не решена до сих пор в рамках философии, аксиологии (см. работы Е. В. Бабаевой, С. Б. Кожевникова, П. Е. Матвеева, Б. А. Старостина и др.). Ценности трактуются как идеалы и верования, цели, нормы и стандарты, убеждения и ориентиры. Понимание ценности «как цели, ориентирующей человека в его деятельности и детерминирующей нормы его поведения»² достаточно устойчиво. В ряде работ даётся утилитарное определение ценности, выделяются предметные (предметы и явления материального мира) и субъектные ценности.³ Однако отождествление ценности с полезностью, выделение ценностей утилитарной природы, установление связи «ценность — цена», выделение имущественных, материальных ценностей вызывает споры. Так, «блага элементарного уровня» предлагаются отделять от собственно ценностей⁴, утверждает-ся, что «материальных ценностей не существует, но материальные объекты могут иметь ценность»⁵, и т. д.

Ценностная картина мира формируется в сознании каждого человека. Общность ценностей объясняется зависимостью ценности —

¹ Бабаева Е. В. Дискурсивное измерение ценностей. Волжский, 2003. С. 113.

² Там же. С. 14.

³ Шиллов В. Н. Политическая аксиология. Белгород, 2005. С. 6.

⁴ Старостин Б. А. Ценности и ценностный мир. М., 2002. С. 5.

⁵ Воробец Л. В., Докучаев И. И. Аксиология массовой культуры. Комсомольск-на-Амуре, 2008. С. 31.

ных ориентаций от определённого типа культуры, эта зависимость установлена и не подвергается сомнению: «Ценности существуют в области культуры; культура — это совокупность ценностей»¹; «Каждая культура отличается от другой аутентичным набором ценностей, обуславливающих специфику поведения её представителей»²; «Система ценностей считается стержнем духовной культуры, доказательством тому являются следующие наиболее ценностно окрашенные концепты культуры: вера, рай, ад, грех, совесть, закон, порядок, счастье, родина и т. п.»³. С другой стороны, можно установить обратную связь: культура, её ценностное ядро зависит от ценностных иерархий индивидов: национальное культурное пространство — это «информационно-эмоциональное («этническое») поле, как совокупность всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств, как всё многообразно реально существующих и потенциально возможных знаний и представлений носителей национального ментально-лингвального комплекса»⁴. Таким образом, устанавливается взаимовлияние: культура влияет на индивидуальную аксиологическую картину мира, индивидуальные картины мира — на культуру.

Иерархия ценностей также зависит от типа культуры. В науке существуют различные концепции, связывающие специфику культуру от начала цивилизации до постмодернизма с их ценностной составляющей (см. обзоры в работах Е. В. Бабаевой, Л. В. Воробец, И. И. Докучаевой и др.). Описание иерархии современной культуры чрезвычайно противоречивы. Так, А. А. Ивин называет следующие признаки современных культурных систем: эти общества представляют себя авангардом человечества, видят высший смысл в научно-техническом господстве над миром, отрицают идею равноправия культур, считают своей задачей подстёгивание других и определение их целей, культивируют аналитическую мысль и утилитарный разум, критично относятся к нетехническим критериям определения уровня развития, отличаются скептицизмом по отношению к культуре прошлого, пренебрежением к национальным различиям, утрачивают способность сомневаться в себе, глухи к критике, трактуют куль-

¹ Бронский М. Р. Философский анализ научного статуса аксиологии. Нижний Новгород, 2001. С. 37.

² Ильин В. В. Аксиология. М., 2005. С. 8.

³ Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2007. С. 23.

⁴ Красных В. В. Этнолингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 23.

туру исключительно как художественное и литературное наследие, а не в качестве незбылемых традиций, отрицают равное уважение.¹ Другие исследователи к ценностям современным относят свободу, долг, совесть, чувство справедливости.² Возможно выделение нескольких ценностных моделей как для культуры, так и для личности: 1) с нравственным ядром (*любовь, добро* и др.), 2) интеллектуальным (*знание*), 3) экзистенциальным (*жизнь, смысл жизни*), 4) социальным (*свобода, справедливость* и др.), 5) с эстетическим ядром (*красота*). Однако личностно-психологические ценностные модели имеют принципиально неограниченное количество вариаций (ср.: *Любовь, Игра, Власть, Познание*) — «эти ценности являются базовыми в ценностно-смысловой сфере личности»³; высшее аксиологическое значение имеют *любовь* и *обшение*; *любовь* есть сверхличность⁴ и т. д. Для русской философии и русской культуры был характерен объективный идеализм теологического характера⁵: в качестве базовых «абсолютных заповедей и принципов» констатируются *софийность, боготворчество, соборность, правда, вера, надежда, любовь, тепло, душа и дух, добро и красота* и т. п.

При классификации ценностей выдвигают разные основания: форма существования (идеалы, образцы и др.), субъект (индивидуальные, коллективные, массовые и общечеловеческие), носитель (личностные и вещные; материальные и духовные), объект (экзистенциальные и идеальные), предмет (идеальные, субъективные, объективированные), уровень (высшие и низшие), значимость, оценка (положительные и отрицательные); негативные и позитивные, реакция (приятные и неприятные), ориентация субъекта (истинные и ложные, развитые и неразвитые, простые и сложные, позитивные и негативные, скрытые и явные), время (возвратные, повторяющиеся и прогрессивные; настоящие, прошлые и будущие), распространённость (индивидуальная, групповая, общественная), социально обусловленные и персонально обусловленные), сфера (познавательные, нравственные, общественно-политические, эстетические, религиозные, ценности образования, политики, цивилизации, церкви, ценности жизни и ценности культуры), место в деятельности (терминаль-

¹ Ивин А. А. Аксиология. М., 2006. С. 332.

² Старостин Б. А. Ценности и ценностный мир. С. 68.

³ Афанасьева А. П. Познание ценностно-смысловой сферы личности посредством символа. М., 2006. С. 95–96.

⁴ Старостин Б. А. Ценности и ценностный мир. С. 30–34.

⁵ Бронский М. Р. Философский анализ научного статуса аксиологии. С. 31.

ные, инструментальные; первичные и вторичные; финальные и инструментальные и т. д.), характер (витальные, утилитарные, гедонистические, духовные и др.) и т. д. Перечисленные основания доказывают многоаспектность аксиологических исследований, сложность изучаемого феномена и невозможность существования единой универсальной аксиологической модели: относительность всякой типологии и иерархии очевидна.¹

Исследуя ценности и аксиологические иерархии, мы обращаемся к СЛОВУ. Слово есть хранилище ценности, её отражение и воплощение. Связующим звеном между ценностью и словом является концепт. Цепочка **ценность — концепт — слово (имя концепта)** отражает движение от содержания к форме. Ценностная составляющая является базовой характеристикой лингвокультурного концепта. Ценность выступает обязательным компонентом, который позволяет говорить о существовании концепта²; «Центром концепта всегда является ценность»³. Однако в лингвистической литературе убедительно доказано, что ценность в её философской сущности и концепт нельзя отождествлять: эти феномены существенно различаются по своей природе (см. работы Г. Г. Слышкина и др.). Каждый ли концепт соотносится с ценностью или антиценностью? *Добро, грех, мать* и другие имена концептов служат убедительной демонстрацией ценностного ядра лингвокультурного концепта. Эти концепты формируют аксиологическое ядро картины мира. Это нравственные ценности, концепты морально-этической природы, и их следует рассматривать особо. Гуманитарный кодекс «буквально выстрадан человечеством, выписан слезами, потом, кровью»⁴. Гуманитарные ценности, которые определяют кодекс «жить по совести, а не по страсти», обладают такими признаками, как универсальность, самодостаточность, фундаментальность, автоматичность.⁵ Фундаментальность гуманитарных ценностей подтверждается тем, что в эпоху массовой культуры, культуры потребления «оппозиция «высокий / низкий» и сегодня имеет ошутимую аксиологическую окраску и составляет особую окраску бытия»⁶. Концепты, не входящие в данную

¹ Матвеев П. Е. Моральные ценности. Владимир, 2004. С. 29.

² Бабаева Е. В. Дискурсивное измерение ценностей. С. 25.

³ Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград, 2004. С. 23–24.

⁴ Ильин В. В. Аксиология. С. 36.

⁵ Там же. С. 35–37.

⁶ Воробец Л. В., Докучаев И. И. Аксиология массовой культуры. С. 72.

группу, теряют аксиологическую фундаментальность. Так, ценностная составляющая концептов *вода, ветер, огонь* и других скорее потенциальна: она актуализируется в том или ином контексте, но не входит в ядро ценностно-нормативной картины мира современного человека. Таким образом, **каждая ценность реализуется в концепте, но не каждый концепт интерпретируется как ценность.**

Разграничивая термины *ценность, имя ценности, концепт, имя концепта*, мы моделируем цепочку: **объект — ценность как модель объекта — концепт как когнитивный конструктор с ценностным ядром — имя концепта как вербальный знак.** Человек ориентируется в мире посредством соотношения реальных объектов с аксиологической моделью мира — неким образом, существующим в сознании. В результате соотношения объекта с моделью формируются концепт. Человек творит социальную действительность, оперируя концептами. Моделирование концептосферы носителя современной культуры — необходимая задача в мире технологий массовой коммуникации. Ценности культуры, культурологические концепты того или иного этноса отражены в его языке: «Ментальность — это мировоззрение в категориях и формах родного языка»¹. Лингвистическое описание концептосферы «направлено на раскрытие содержательной стороны ценностно-нормативной системы социума»². Необходимость лингвистического измерения ценностей обусловлена тем, что ценности функционируют в текстах.³ Между концептуальной системой и системой языковой (именами концептов) не существует однозначного соответствия: концептуальная система — континуальная, индивидуально-личностная; языковая — дискретная, социальная. Их связь обуславливает то, что «При всей индивидуальности содержания концептуальных систем люди понимают друг друга, и происходит это благодаря социализации концептуальной системы, которая осуществляется с помощью языка»⁴, слово — это знак, сигнал, обозначающий «связь между концептом и значением»⁵.

¹ Маслова В. А. Лингвокультурология. С. 49.

² Бабаева Е. В. Дискурсивное измерение ценностей. С. 25.

³ Там же. С. 33.

⁴ Нефёдова Л. А. Особенности построения концептуальной системы языка. Челябинск, 2006. С. 33–34.

⁵ Попова Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). М., 2003. С. 79.

Следовательно, ценности зафиксированы в языке как вербальные знаки и транслируются текстами.

Как обнаружить ценности (антиценности) в тексте? Проблема состоит в том, что «ценности входят в рассуждение не только особыми, хвалебными словами»; «не только «оценочные», но и, казалось бы, оценочно нейтральные слова способны выражать ценностное отношение»¹. Антиценности (отрицательные ценности) рассматриваются как вторичные образования по отношению к ценностям; в языковедческих работах вводятся термин антиконцепты — имена концептов, имеющие отрицательную окраску, несущие негативный заряд.² Предлагаются следующие критерии выявления ценностей (антиценностей) в тексте:

- 1) высокая частотность слов, обозначающих ценности / антиценности;
- 2) представление ценностей / антиценностей в качестве объекта борьбы;
- 3) толкование слов;
- 4) конкретизация представлений;
- 5) сопоставление своих и чужих ценностей / антиценностей.³

Существуют три пути объективации ассоциативных (в том числе оценочных) признаков: 1) анализ парадигм контекста; 2) анализ синтагматического контекста; 3) психолингвистический эксперимент.⁴ Аксиологический анализ медиатекстов позволяет констатировать противопоставление существовавших до недавнего времени параллельных аксиологических иерархий — гламурного и политического дискурса.

Политический дискурс описан в трудах по политической лингвистике (см. хрестоматию «Политический дискурс в России», 2007, и др. труды). Аксиологическим центром политического дискурса является *власть*. В политических текстах эксплицитно выражены ценности различной природы. Умение интерпретировать иерархию политиче-

¹ Ивин А. А. Аксиология. С. 53.

² Караулов Ю. Н., Михайлов О. Д. «Государственность» как образ государства в обыденном сознании носителя языка культуры // Русское слово в русском мире-2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян : сб.-к науч. статей. М. : Азбуковник, 2006. С. 86–87.

³ Чудинов В. П. Политическая лингвистика. М., 2008. С. 49–50.

⁴ Шейгал Е. И., Бурыковская В. А. Лингвокультурология: Языковая репрезентация этноса. Волгоград, 2002. С. 59.

ских ценностей, моделируемую в медиатекстах, является важным для развития социальной активности и преодоления кризиса идентичности. Перечень политических ценностей и антиценностей варьируется: равенство, справедливость, демократия, свобода, государство, родина, безопасность, патриотизм, легитимность, политическая ответственность, политическая инертность, слабая способность народа к самоорганизации, правовой нигилизм, благосостояние, порядок, развитие, законность, власть, мир, война, революция, реформа, федерализм, управление, самоуправление, монархия, республика, суверенность и др.¹ Данные ценности образуют аксиологические иерархии политического дискурса.

Сферой **гламурного дискурса** являются отношения и деятельность в индустрии моды; гедонистическая, рекламная и аксиологическая функции гламурного текста подчинены ценностной модели, в центре которой находятся мода и вещь; гламурный дискурс реализует концепцию Человека гламурного, который «при общей претензии и установке на оригинальность должен оставаться типичным представителем своей группы»².

Рассмотрим столкновение ценностей этих аксиологических систем в рамках одного текста: «*В новом видеоблоге президента, записанном на сочинской Красной Поляне, на мой взгляд, прозвучал ещё и упрёк всем тем, кто вместо настоящего развития спорта демонстрирует любовь к околоспортивным тусовкам. Неглохо было бы на этот блог взглянуть некоторым спортивным функционерам и чиновникам, которые на Новый год опять бурно развлекались не в России, а во французском Куршевеле. Может быть, пора прекратить развлекать общественное мнение поездками в Альпы, а заняться инфраструктурой Кавказа? Или некоторые чиновники ответственные за сочинские объекты планируют свалить на Медведева и Путина?» (сайт «Российская газета», 14.01.2009 г.). Оценочное поле текста организовано оценочными предикатами упрёк и раздражать, которые становятся границей между ценностями и антиценностями (ценностями другой иерархии). На «политическом полюсе» текста помещаются спорт, общество, политическая ответственность, труд (работа). На «гламурном полюсе» располагаются публичные развлечения, безделье, богатство, аполитич-*

¹ Шиллов В. Н. Политическая аксиология. С. 10.

² Марьянчик В. А. Гламурный текст как функционально-стилевая разновидность. М., 2007. С. 177.

ность и апатриотичность, безответственность. Соединение политической и спортивной сфер обозначено в сильной позиции текста — в заголовке «Медведев и спорт». В одно аксиологическое поле с концептом спорт входят топонимические номинации сочинский, Красная Поляна, которые организуют устойчивую ассоциативную цепочку Сочи — олимпиада — спорт. Спорту как социальной ценности противопоставлены развлечения (околоспортивные тусовки) как потребительский образ жизни. Приставка около- выражает значение неполноты, неподлинности, следовательно, реализует отрицательную оценку. Противопоставление ценностных систем по критерию подлинности поддерживается в тексте другими средствами (ср. *настоящее развитие и демонстрировать любовь*). Традиционным гламурным ценностям (*развлечения, публичный отдых*) присваивается пейоративное значение. Ценность общество вербализуется публицистическим клише *общественное мнение*. Модальность долженствования (*пора прекратить раздражать общественное мнение*) определяет оппозицию общество — аполитичность. Концепт «свой — чужой» формируется средствами топонимической номинации: идеологические контекстуальные антонимы *Кавказ, Россия и Альпы, Куршевель* организуют поля *политической ответственности и аполитичности (апатриотичности)*. Таким образом, аполитичность и апатриотичность связаны с гламурной ценностью — *богатством*, которой в тексте приписывается отрицательный оценочный знак. Концепты *труд и безделье, безответственность* воплощены в сочетаниях *заняться инфраструктурой Кавказа и свалить ответственность за сочинские объекты*, которые организуют противоположно направленные векторы. Прецедентные политические имена в конце текста являются ролевым противопоставлением номинации *некоторые функционеры и чиновники*. Неопределённые местоимения (*некто, некоторые и др.*) традиционно выполняют пейоративную функцию. Таким образом, в данном медиатексте противопоставлены иерархии гламурного и политического дискурсов как системы ценностной и антиценностной природы. Такое противопоставление характерно для современного медиатекста и обусловлено экстралингвистическими факторами — ситуацией глобального кризиса. Изменения социально-экономические определяют перестройку аксиологических моделей в коллективном сознании, что находит отражение в текстах (в первую очередь в текстах СМИ) и языке (см. появление новых слов и сочетаний *антигламурный, антикризисное поведение* и др.).

Итак, ценность отлична от концепта и отлична от своего словесного обозначения: «Ценность не замещает объект, как знак или язык, но моделирует объект»¹, вербальный знак — имя ценности — «сворачивает» информацию о культурном концепте, ядром которого является ценностьная составляющая. Имя ценности (слово) является социальным инструментом, обеспечивая взаимопонимание и организуя взаимодействие членов общества. Ценностные иерархии представлены вербально в текстах. Современное состояние экономики и политики обуславливают перестройку ценностных иерархий и аксиологическое взаимодействие различных дискурсов.

Библиография

1. Афанасьева А. П. Познание ценностно-смысловой сферы личности посредством символа : монография. М., 2006.
2. Бабаева Е. В. Дискурсивное измерение ценностей : монография. Волгоград, 2003.
3. Бронский М. Р. Философский анализ научного статуса аксиологии : монография. Нижний Новгород, 2001.
4. Воробец Л. В., Докучаев И. И. Аксиология массовой культуры. Комсомольск-на-Амуре, 2008.
5. Ивин А. А. Аксиология. М., 2006.
6. Ильин В. В. Аксиология. М., 2005.
7. Караулов Ю. Н., Михайлов О. Д. «Государственность» как образ государства в обыденном сознании носителя языка культуры // Русское слово в русском мире-2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян : сб.-к. науч. статей. М. : Азбуковник, 2006. С. 86–87.
8. Кожваников С. Б. Аксиология повседневности : монография. Красноярск, 2003.
9. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
10. Марьянич В. А. Гламурный текст как функционально-стилевая разновидность // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания. М., 2007.
11. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2007.
12. Матвеев П. Е. Моральные ценности : монография. Владимир, 2004.
13. Нефёдова Л. А. Особенности построения концептуальной системы языка // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Челябинск, 2006.
14. Политический дискурс в России : хрестоматия / сост. Базылев В. Н. М., 2007.

15. Попова Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) : монография. М., 2003.
16. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : монография. Волгоград, 2004.
17. Старостин Б. А. Ценности и ценностный мир. М., 2002.
18. Чудинов В. П. Политическая лингвистика. М., 2008.
19. Шейгал Е. И., Буряковская В. А. Лингвокультурология: Языковая репрезентация этноса. Волгоград, 2002.
20. Шиллов В. Н. Политическая аксиология : монография. Белгород, 2005.

¹ Воробец Л. В., Докучаев И. И. Аксиология массовой культуры. С. 33.

ФАТХУЛЛИН Булат Эльфатович,
кандидат экономических наук,
Российский государственный
гуманитарный университет
bulat161@mail.ru

Духовно-нравственные ценности — мировоззренческий фундамент личности / Spiritual and moral values as ideological foundation of personality

Аннотация

На современном этапе общественного развития проблемы гуманизации науки и образования, изменения ценностных ориентаций и на этой основе формирование нового мировоззрения и духовное возрождение личности приобретают особую актуальность. Автор статьи видит в изменении отношения общества к личности, росте её духовного потенциала, в гуманизации всех сфер жизни и деятельности людей основной вектор повышения жизнеспособности социума, пути выхода человечества из глобального кризиса.

Ключевые слова

Духовно-нравственные ценности; мировоззрение; духовное возрождение личности.

Annotation

The formation of new ideology and spiritual renewal of personality became very important in modern conditions of social development of humanization of the science and education as well as the change of moral values. The author considers the exit path of humanity out of global crisis in the changing of society's attitude to the personality, in the growth of its spiritual potential, and humanization of all spheres of life activity as the main vector of rise of social vitality.

Keywords

Spiritual and moral values; ideology; spiritual renewal.

В начале нового тысячелетия стал особенно ощутимым огромный разрыв между научно-техническим прогрессом, достижениями человечества в освоении Земли и космоса и состоянии духовного развития, внутренней культуры людей, уровнем их социально-нравственной зрелости и ценностными ориентациями.

Современная техногенная цивилизация наряду с положительными сторонами имеет и негативные последствия. Она создала угрозу ядерной и экологической катастрофы на планете, породив тем самым страх человечества за будущее своих детей, вызвала новый вид военного противостояния государств — ядерное, нарушила экологию не только природы, но человека и социума в целом.¹

Наблюдаемый в большинстве развитых стран рост преступности, жестокости, вандализма, угроза экологических и социальных катаклизмов представляют собой в настоящее время большую опасность для судеб человечества, для сохранения цивилизации на нашей планете. Произизошёл перекос в общественном сознании, приоритет в образовании был отдан научно-техническому знанию в ущерб гуманитарному.²

Поэтому объективной потребностью нашего времени становится необходимость переосмысления действительности; перехода к иному, качественно новому уровню отношений между государствами, народами, политическими и общественными объединениями, между людьми; нового подхода к решению экологических, политических и других общемировых проблем.

Пути выхода из глобального кризиса учёные, философы, педагоги разных стран видят в изменении отношения к отдельной личности, в изменении ценностных ориентаций человека, его духовного потенциала, в повышении его роли и ответственности за судьбы всего человечества, в гуманизации всех сфер жизни и деятельности людей. Поэтому проблемы гуманизации образования, изменения ценностных ориентаций и духовное возрождение личности приобретают сегодня особую актуальность.³

Понятие ценностей отражает значимость тех или иных объективных явлений для жизни людей. Ценностное отношение формируется

¹ Аргайл М. Н. Психология счастья. М.: Прогресс, 2000.

² Богуславский М. В. Общечеловеческие и национальные ценностные ориентации отечественной педагогики (начало XX века) // Педагогика. — 1998. — № 7. — С. 34–56.

³ Нигматов Э. Г. Гуманистические традиции педагогики : уч. пособие для студентов высших уч. заведений. — Казань : Хэтэр, 2003.

ся в процессе человеческой деятельности, где выделяют три вида прозяводства: людей, вещей и идей.

Первой ценностью является сам человек во всём многообразии его жизни и деятельности. Это представление возникло не сразу, а стало итогом довольно длительной эволюции общественного сознания. Убеждение, что каждый человек самодостаточен независимо от его возраста, пола, расы и нации, происхождения и т. п., возникло и укреплялось либо в сравнении человека с высшей ценностью (Бог, Дух), либо в силу действия общих закономерностей жизни общества. Так, в буддизме равенство людей и признание их ценности произошло влдествие того, что всё рождённое обречено на страдание и должно преодолеть его и обрести нирвану.¹

В христианстве ценность человека усматривается в возможности искупления греховности и обретения вечной жизни во Христе, а в исламе ценность человека — в отдаче себя Аллаху и исполнении его воли.

Ценность человеческой личности в определённом смысле выше всего того, что делает или говорит данный человек. Её нельзя свести к труду или творчеству, к признанию со стороны общества или группы людей.

Вторым феноменом мира ценностей являются вещи, прозявдящие человеком на протяжении всего исторического пути. Мир вещей охватывает всё — от древнейших пирамид до суперсовременных компьютеров и ускорителей, космических аппаратов и полимеров. Этот мир материальной культуры, созданный людьми для удовлетворения своих потребностей, представляет как бы «неорганическое тело» человека, многократно усиливая его мощь, определявая его способности и таланты. Вещественный мир стал «второй природой» человека, и неслучайно ценностное отношение к нему является достаточно точным критерием ценности самого человека. Вопрос о соотношении ценности человека, его жизни, здоровья и его имущества всегда был центральным для любой мировоззренческой системы. Все религии сурово осуждают стремление к накопленному материальным ценностям, алчность.²

Сущность проблемы ценности и оценки мира вещей состоит в том, чтобы уяснить пределы этого мира и его влияния на развитие человека. Очевидно, что люди не могут обходиться каким-то минимумом вещей, а идеалы аскетизма никогда не имели широкого распростра-

¹ Аргайл М. Н. Психология счастья.

² Там же. С. 117–132.

ранения. Столь же очевидно, что нет и верхнего предела насыщения вещами, а их количество всё умножается. Более того, одной из причин острого экологического кризиса является накопление отбросов человеческой цивилизации, которые не могут быть ею утилизированы. Переработка ресурсов планеты в вещи идёт ускоренными темпами, что порождает, с одной стороны, серьёзную озабоченность учёных и политиков, а с другой — массовые движения за отказ от бесконтрольного потребления и добровольное самоограничение. Распространённое мнение, что богатство развращает человека, губит его, а бедность способствует моральному очищению, рождалось и поддерживалось в моменты острых социальных катаклизмов, при резкой поларизации общества.

Не зря все мировые религии, особенно в начале своего возникновения, были религиями бедных, обездоленных, угнетённых. Они проповедовали отказ от тленных земных богатств и стремление к вечным небесным ценностям. Позже, когда церкви сами стали собственниками и владельцами значительных богатств, отношение к миру вещей несколько изменилось. Атеисты, не уповавшая на жизнь вечную, призывали всячески пользоваться благами земными.¹

Вещи сами по себе в ценностном отношении нейтральны. Людям приходится постоянно оценивать новые явления в жизни человека и общества и соотносить их с традиционными системами ценностей. В полной мере это относится и к системе духовных ценностей.

Духовные ценности — это своеобразный духовный капитал человека, накопленный за тысячелетия, который не только не бесценивается, но и, как правило, возрастает. Природа духовных ценностей исследуется в теории ценностей, которая устанавливает соотношение их с миром реальных ценностей человеческой жизни. Речь идёт прежде всего о моральных и эстетических ценностях. Они по праву считаются высшими, ибо во многом определяют поведение человека в других системах ценностей.²

Что касается *моральных ценностей*, то здесь основным является вопрос о соотношении добра и зла, природе счастья и справедливости, любви и ненависти, смысле жизни. В истории человечества было несколько сменяющих друг друга установок, отражающих различные системы ценностей.

¹ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Мир философии. В 2-х т. Ч. 2. М.: Наука, 1991. С. 52–53.

² Андреева И. Н. Формирование культурных ценностей молодежи в сфере досуга. Минск: Образование, 1998. С. 18–31.

Можно дать следующую классификацию **духовных ценностей**:

1) **общечеловеческие** (признанные наибольшим количеством людей во времени и пространстве: свобода, справедливость, равенство; нравственные заповеди: уважение, любовь, дружба, честность и т. п.; шедевры мирового искусства, стремление к красоте — с такой позицией выступают ООН, ЮНЕСКО, Комитет по Нобелевским премиям);

2) **национальные** (более конкретные и материализованные, признанные в основном одним народом в силу особенностей его истории: национальные памятники культуры и истории: былины, рукописи; национальные авторы: литература, музыка, искусство; государственные деятели);

3) **сословно-классовые** (интересы и мироощущение классов и слоёв: например, пролеткульт);

4) **локально-групповые** (по возрастному или локально-территориальному мироощущению: рокеры, танки, стиль одежды, город — деревня, местные памятники, семейная религия, фамильные традиции);

5) **индивидуально-личностные** (индивидуальное творчество, связанное с личной историей, личное отношение ко всем вышеперечисленным ценностям).

Можно определить и черты духовных ценностей: **относительность** (ограниченность во времени и пространстве) и **подвижность** (перетекание из одного уровня в другой).

Духовность есть определённое состояние внутреннего мира человека и его овеществлённые результаты, в том числе и способы, формы и нормы поведения личности, социальной группы или же этнической и даже государственной целостности. В силу того, что состояние внутреннего мира человека может быть самым разнообразным, проблема духовности связана не с внутренним миром вообще, а с духом, являющимся той определённой, которая этот внутренний мир направляет на обретение в себе связи с абсолютным идеалом. Постигая общедуховные ценности, человек духовно растёт.¹

Овладение духовными ценностями ученической молодёжью поднимает сознание личности на высшую ступень, наполняет жизнь и деятельность высокими общественными целями. Духовность крепит единство всего общества, обеспечивает продолжение трудностей на пути его развития.

Духовная составляющая в образовательном процессе может быть

¹ Газман О. С. Педагогика свободы: путь в гуманистическую цивилизацию XXI века // Класный руководитель. — 2000. — № 3. — С. 37–82.

реализована через расширение объёма преподавания и актуализацию освоения обучающимися гуманитарных учебных предметов по философии, истории, литературе, искусству, религии и др.

По-видимому, нет необходимости подробно останавливаться на несомненных достоинствах освоения гуманитарных дисциплин, являющихся «строительным материалом» для формирования и развития принципов, убеждений, интересов, ценностных установок, которые обуславливают и создают мировоззренческий фундамент личности, её интеллектуальный кругозор и культурную эрудицию.

Можно отметить, что критериями духовной ценности подрастающего поколения должны являться: моральная этическая культура (моральные нормы, моральный идеал, любовь и уважение к ближнему); социальный критерий (отношение к общественной деятельности, долгу, любви к Родине, ощущение настоящего гражданина своего государства); познавательный критерий (творческая направленность, поисковый интерес, жажда к знаниям); понимание смысла бытия (жизненная позиция учащегося, осознание своей цели, своего назначения в жизни).

Анализ философско-социологической, психолого-педагогической литературы и методических трудов даёт возможность сделать вывод о том, что успешность формирования духовности определяется: гуманизация учебно-воспитательного процесса; учёт индивидуальных и социальных особенностей учеников; использование межпредметных связей; учёт активности учеников и сочетание их репродуктивной и творческой деятельности.

Современный подход к определению образования обусловлен пониманием его как диалектической сферы, имеющей две взаимосвязанных стороны. Во-первых, образование является областью социокультурной жизнедеятельности, где совершается становление духовно зрелой, нравственно свободной и ответственной личности. Во-вторых, образование — это процесс становления человека, обретения им себя, своего образа: неповторимой индивидуальности, творческого начала, духовности, нравственности.

Духовность — это особое состояние человека, выражающееся в высоком уровне сформированности нравственных качеств личности, понимании своего места в жизни общества, гуманном отношении к людям, труду, природе и самому себе, а также в служении обществу.

Духовное развитие личности — процесс изменений в нравственном мире личности, в его сознании, чувствах и поведении, с одной стороны; результат воспитания и основной критерий эффективности воспитательной работы — с другой. Первоосновой, производя-

ностью духовной жизни людей, необходимым и единственным условием всей человеческой духовности является нравственность. Нравственное развитие личности — это формирование моральных качеств и нравственных чувств личности.

Моральное сознание человека, или нравственный мир личности, включает в себя три уровня: мотивационно-побудительный; эмоционально-чувственный; рациональный, или умственный. Каждый из этих уровней состоит из элементов, составляющих суть нравственного мира человека.

Мотивационно-побудительный уровень содержит мотивы поступков, нравственные потребности и убеждения. Нравственное воспитание только тогда носит правильный характер, когда в основе его лежит побуждение детей к развитию, когда сам ребёнок проявляет активность в своём нравственном развитии, т. е. когда он сам хочет быть хорошим. Этот уровень наиболее важный, именно здесь коренятся истоки поведения человека, осуждаемые или одобряемые людьми и обществом, приносящие добро или зло, пользу или вред.

Чувственно-эмоциональный уровень состоит из нравственных чувств и эмоций. Эмоции, как известно, бывают положительными (радость, благодарность, нежность, любовь, восхищение и т. п.) и отрицательными (гнев, зависть, злость, обида, ненависть).

Нравственные чувства — отзывчивость, сочувствие, сострадание, сопереживание, жалость — непосредственно связаны с эмоциями. Эти чувства приобретаются человеком в результате воспитания и являются важнейшими составными доброты. Без нравственных чувств добрый человек не состоится.

Рациональный, или умственный уровень содержит моральные знания — понятия о смысле жизни и счастье, добре и зле, чести, достоинстве, долге. Кроме понятий, к моральным знаниям относятся также принципы, идеалы, нормы поведения, моральные оценки.

Гуманность как комплекс нравственных качеств является высшей мерой человечности и характеризует идеальную личность общества. Принцип гуманизма — один из главных принципов морали, выражающийся в признании человека главной ценностью, а его интересы — приоритетными.

Гуманизация человека и общества является одной из вечных проблем. Как сохранить и развить то, что присуще человеку и обеспечивает существование и прогресс любого человеческого сообщества: доброту, милосердие, взаимопомощь, ответственность за социальную и природную среду? Вопросы эти были и остаются предметом вековых раздумий и споров философов и педагогов разных времён.

Гуманизм становится сегодня главным, центральным понятием в

философии, науке, культуре в целом, провозглашается как стратегическая цель общественного развития. Он безоговорочно признан научно-педагогическим сообществом в качестве ведущей основополагающей идеи развития образования на современном этапе. Основная тенденция современной культуры, науки и образования — её «возвращение» к личности, возрождение гуманистической традиции, которая, впрочем, никогда не угасала в культуре человека.

Истинная гуманность в её педагогической интерпретации заключается в обеспечении подлинно гуманного отношения к учащемуся (студенту), его правам, признании его как равноправного субъекта учебно-воспитательной деятельности, в решительном предодлении последствий авторитарного воспитания. Первоначально-важная задача состоит в том, чтобы преобразовать внутренний мир человека, наполнить гуманистическим содержанием его стремления, идеалы, представления о добре и зле.¹

Сущностной базой гуманизма является прежде всего любовь к человеку. С этих позиций благо человека постепенно становится критерием оценки социального процесса, происходящих в стране преобразований.

Последовательная стабилизация гуманизации жизни общества, в центре планов и забот которого стоит человек со всеми своими нуждами, интересами, потребностями, обуславливает и характеризует ценностные аспекты образования как общественного явления. В начале XXI века представляется необходимым осмыслить весь предшествующий опыт образования и педагогической мысли.

Истоки современного педагогического мышления заложены в тех гуманистических ориентирах, которые воплощают в себе непреходящие общечеловеческие ценности: человек как самоценность, труд, мир, свобода, справедливость, равенство, добро, истина и красота. Они концентрируются в себе гуманистический потенциал всех предшествующих эпох и цивилизаций.²

Эффективное развитие образования во многом обусловлено режимным отношением к его прошлому, его теоретическим осмыслением и умелой адаптацией к современности. В этой связи необходимо последовательное возрождение гуманистического наследия народной педагогики, проникнутой духом подлинного демократизма и гуманизма. В Федеральной программе развития образования

¹ Хайруллин М. У. Мониторинг нравственного воспитания личности : дисс. канд. пед. наук. Казань, 2004. 255 с.

² Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого.

говорится, что «подлинная гуманиитаризация образования, высокий уровень культуры мышления и принятие компетентных решений возможны лишь при интегрировании прошлого опыта с достижениями сегодняшнего дня, при овладении огромным потенциалом знаний, накопленных человечеством...»¹.

Нельзя забывать, что мы живём в поликультурном обществе, поэтому крайне актуальными сегодня являются проблема подготовки молодёжи к жизни в многонациональной поликультурной среде, в мире, дружбе и взаимном уважении народов, а также проблема воспитания в духе общечеловеческих ценностей.

Необходимо полностью согласиться с тем, что психолого-педагогические истоки обеспечения духовного и социального здоровья личности находятся в культурном пространстве народных воспитательных традиций. Их последовательное изучение и использование в современном образовательном процессе способствуют возрождению, становлению и развитию ценностных ориентаций, лучших образцов духовности и гуманности, присущих всем народам, населяющим Россию.

Библиография

1. Андреева И. Н. Формирование культурных ценностей молодёжи в сфере досуга. Минск : Образование, 1998. С. 18–31.
2. Аргайл М. Н. Психология счастья. М. : Прогресс, 2000. 268 с.
3. Архипова М. П., Волович Л. А., Ибрагимов Г. И. Педагогические технологии в интеграции гуманитарной и профессиональной подготовки студентов профессиональной школы гуманитарного профиля. Казань, 1997. 235 с.
4. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Мир философии. В 2-х т. Ч. 2. М. : Наука, 1991. С. 52–53.
5. Богуславский М. В. Общечеловеческие и национальные ценности ориентации отечественной педагогики (начало XX века) // Педагогика. – 1998. — № 7. — С. 34–56.
6. Газман О. С. Педагогика свободы: путь в гуманистическую цивилизацию XXI века // Классный руководитель. — 2000. — № 3. — С. 37–82.
7. Нигматов З. Г. Гуманистические традиции педагогики : Уч. пособие для студентов высш. уч. заведений. Казань : Хэтэр, 2003. 271 с.
8. Хайрутдинов М. У. Мониторинг нравственного воспитания личности : дисс. канд. пед. наук. Казань, 2004. 255 с.

¹ Богуславский М. В. Общечеловеческие и национальные ценности ориентации отечественной педагогики (начало XX века). С. 34–56.

Реализм на русской почве: тернистый путь становления и расцвета / The Russian realism: treacherous path of establishing and prosperity

Аннотация

Становление и развитие русской реалистической литературы на протяжении нескольких веков является темой данного исследования. Ссылаясь на мнения своих предшественников, критиков и литературоведов, автор прослеживает стадии эволюции традиционной методологии отечественного искусства слова и приходит к выводу, что и элементы предреализма, свойственные древнерусской литературе, и просветительский реализм XVIII века, и критический реализм, и творчество писателей русской эмиграции, и социалистический реализм, и нынешний новый реализм есть звенья единой и цельной художественно-эстетической системы, которые глубоко и прочно связаны между собой. В основе же такого принципа лежит правдивое, точное и честное отображение действительности.

Ключевые слова

Русский реализм; реалистическая тенденция; традиция; методология; действительность; правдивость; элемент.

Annotation

The theme of the given research is the establishing and development of Russian realistic literature during the several centuries. With reference to opinions of predecessors, critics and theorists of literature, the author investigates the stages of evolution of traditional methodology of the

native art of writing. He makes a conclusion that pre-realism elements appropriate of Old Russian literature and creations of Russian emigrant writers, as well as socialistic realism and the new realism of nowadays are the links of the one and entire art and esthetic system, deeply connected with each other. The foundation of this principle is truthful, precise and honest reflection of the reality.

Keywords

Russian realism; realistic tendency; tradition; methodology; reality; truth; element.

Вопрос о зарождении реализма на русской почве довольно сложен и неоднозначен — столь велик разброс в датировке того, с какого времени пошла есть наша реалистическая традиция. Различия в понимании этой проблемы так велики, что способны привести в замешательство. Ведь если Д. П. Святополк-Мирский без тени сомнения утверждал: «Русский реализм родился в сороковые годы, точнее в 1846 — 1847 гг.»¹, Д. Д. Благой считал, что «пушкинские «Повести Белкина» <...> заложили основы русской реалистической традиции»², то мнение А. М. Пескова состоит в том, что «Позднейшие поколения читателей отметили демократизм сочинений Новикова ... увидели реалистические тенденции»³, а Д. С. Лихачёв уже уводит данную традицию в седую глыбу веков: «Литература рассказывает или, по крайней мере, стремится рассказать не о придуманном, а о реальном. Поэтому реальное — мировая история, реальное географическое пространство — связывает между собой все отдельные произведения <...> вымысел в древнерусских произведениях маскируется правдой. Открытый вымысел не допускается. Все произведения посвящены бытию, которые были, совершились или хотя бы и не существовали, но всерьёз считаются совершившимися»⁴.

Справедливо будет предположить, что обнаруженная тенденция (опережая конкретные литературные факты создания теории реализма) проявлялась и на нашей отечественной почве достаточно рано.

¹ Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск, 2005. С. 298.

² Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней. В 2-х тт. Т. 1. М., 1979. С. 12.

³ Песков А. М. Николай Иванович Новиков // Новиков Н. Избранное. М., 1983. С. 12.

⁴ Лихачёв Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // Изборник. М., 1969. С. 9.

Уже в первых стихах «Слова о полку Игореве» мы находим замечание его неизвестного автора о том, что в своей песне он будет руководствоваться — в отличие от манеры легендарного вещера Бояна — соображениями простоты, ясности и точности выражения мыслей и чувств. В сущности говоря, перед нами не что иное, как условным, но вполне вытнтым образом сформулированное понимание реализма. Естественным образом реалистической тенденции проявляются в произведениях агитграфической литературы: житийные повествования, буднично привязаны к конкретным месту, времени и личности, не могли не содержать в себе правдивости. Особое внимание необходимо обратить на знаменитое «Житие протопопа Аввакума», где точность в изображении реалий бытия достигает небывалого уровня выразительности.

Разумеется, здесь надо различать элементы реализма от реализма в полном смысле этого слова, но сути дела это не меняет.

Естественно, что приведённые выше примеры являют собой далеко не исчерпывающие случаи обращения к реалистической методологии. В них присутствуют именно компоненты авторского метода, и притом — не единственные, но всегда — определяющие. Логика многовекового развития мировой культуры показывает, что отдельные элементы, факторы, частные моменты и эпизоды постепенно и неуклонно складывались в чёткую законченную систему. Теми же самыми процессами определяется и путь, проделанный на протяжении столетий отечественной литературой.

Всё это несколько расходитя широко утвердившимся представлением о менталитете русского человека, который якобы далёк от нужд реальной жизни, склонен к бесплодному фантазированию и отсутствию практической смётки. Отчасти такие черты характера можно обнаружить у наших соотечественников, что отражено, скажем, в фольклоре.

Впрочем, этот стереотип следует подвергнуть серьёзному сомнению. Дело в том, что стремление к достижению истины, совестливость, внимательное и уважительное отношение к правдивости человека сказались во многих русских пословицах и поговорах: «Не в силе Бог, а в правде», «Всё минется, одна правда останется», «В ком правды нет, в том добра мало». В основе сюжета знаменитого паяматника народной литературы «Голубиная книга» находится трагическое противостояние правды и кривды. Словом, говоря о характерных особенностях древнерусской литературы, нельзя не указать на последовательную ориентацию её представителей на реалистическое мировосприятие.

Линия сатирической литературы конца XVII — XVIII веков, несом-

ненно, обнаруживает некоторые черты искомого. В литературоведении советского времени впоследствии возникает такой условный термин, как *просветительский реализм*, но и он вполне имеет право на существование. Обличительная литература, бичующая пороки действительности, чтобы быть действенной, должна изображать дурные наклонности людей и их носителей наглядно, узнаваемо. Назидательный и дидактический характер такого рода сочинений также предполагает верность обстоятельствам жизни широких слоёв общества. Разумеется, присутствие признаков реализма в просветительской журналистике вряд ли стоит переоценивать: при всей точности в изображении быта авторов ещё не хватало всестороннего охвата действительности, многим взглядам его были присущи схематизм, упрощение и утопизм, вообще свойственные просветительству.

Но уже тогда происходит разграничение достоверных и выдуманных повествований, невыслышимых для древнерусской литературы. Понимая важность и относительность грани, отделяющей вымысел от правды, Екатерина II одно из своих прозаических сочинений озаглавливает: «Были и Небылицы». Писательница даёт волю собственной фантазии, но в уме постоянно держит современную и вверенную ей российскую жизнь.

Пестрота эстетических направлений рубежа XVIII — XIX веков, причудливое переплетение элементов и признаков классицизма, сентиментализма, романтизма и постепенное вкрапление в эту мозаику штрихов реалистической тенденции доньше требуют внимательного рассмотрения и аргументированной интерпретации. Именно об этом говорит Н. Н. Скатов.¹

Критики и литературоведы неоднократно отмечали стремление к соответствию письменного слова — окружающей действительности в творчестве таких литераторов, как Н. М. Карамзин, А. Н. Радищев, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов. Ни один из них не был, конечно, реактистом в полном смысле этого слова, но отчётливое провозвестие нового метода в их сочинениях, бесспорно, присутствовало и манифестировалось весьма последовательно. По мнению Д. Д. Благого, высказанному в работе «Три столетия русской литературы», «... если мишень у Крылова-баснописца осталась прежняя, коренным образом менее острой, чем прежде, но искусно прикрытой покровами эзопова языка, чаще всего фигурируют звери, но они, так сказать, «очеловечены»: под традиционными условно звериными басенными масками предстают образы, полные жизни, обладающие и ши-

¹ Скатов Н. Н. Русский гений. М., 1987. С. 13.

рочайшим типизмом, и чёткостью индивидуализации, то есть образы по существу своему реалистические. Реализму басен Крылова соответствует их народность»¹.

Любопытно, что черты зарождающейся реалистической методологии исследователем обнаруживает в произведениях стихотворных; характерно и то, что основоположником реализма Благой называет Крылова (как ранее и Кантемира), работавшего в жанре басни, изначально предполагающем повышенный уровень условности.

Однако практически все исследователи сходятся во мнении, что для отечественной культуры периодом широчайшего распространения и расцвета реалистической методологии стал XIX век. Трудно назвать значительного русского писателя, чьё творчество в той или иной степени не было бы подвержено его влиянию.

Разумеется, суждение о том, что самые крупные русские писатели первой половины XIX века — А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь и М. Ю. Лермонтов — безусловно, обнаруживают в своём творчестве реалистические тенденции, не является открытием. И тот, и другой, и третий в ранний период деятельности отдали дань романтизму и добились при этом громкого успеха у современников. А затем они сделали решительный шаг в сторону реализма.

Но Пушкин, Гоголь и Лермонтов — это гении, а им свойственно опережать своё время, открывать неизведанное, идти нехоженными тропами. Быть может, они в одиночку творили по-новому, принципиально не разделяя симпатий и вкусов людей тех десятилетий?

Однако даже беглый взгляд на отечественную беллетристику начала XIX столетия показывает, что это далеко не так. В книгах М. Н. Загоскина, И. И. Лажечникова, В. Т. Нарезного, в романе Ф. В. Булгакина «Иван Выжигин» мы найдём несметное количество эпизодов и сцен, впечатляющих своей достоверностью и правдоподобием. Они оказали влияние и на творческую активность Пушкина-прозаика. Становление русской прозы, выдвижение на передний план романа как ведущего жанра художественной литературы — всё это определило магистральное развитие реалистической методологии.

Убеждённый приверженец философской критики, борец с романтическим направлением в литературе XIX в., Н. И. Надеждин, к примеру, в качестве важнейшего основания для любого вида художественного творчества выдвигал понятие *естественности и народности*, «ибо творческая деятельность в своём высочайшем значении есть не что иное, как воспроизводительница бытия, соревнующаясь с духом жизни, струящегося в недрах природы ... не боясь упрёка в

¹ Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней. В 2-х т. М., 1979. С. 112–113.

неуважении к памяти великих художников, составляющих вечную славу рода человеческого, я дозволяю себе сказать, что в их бес- смертных произведениях не было и не могло быть естественности совершенной, полной, всевозможной для гения, ибо не было совершенного, полного, всеобъемлющего представления жизни»¹.

Ещё более определённо высказывается в пользу принципа правдоподобия в искусстве В. Г. Белинский. При всём разбросе мнений и оценок, которые были свойственны критике-трибуну в разные периоды его деятельности, можно без преувеличения сказать, что верность направлению реальной поэзии он сохранял на протяжении всей своей недолгой жизни.

Белинский, в частности, использует понятия «реальной поэзии», «реальной литературы», придавая им именно те значения, которые впоследствии закрепятся за реализмом: «Поэзию можно разделить на *идеальную* и *реальную*... Но кажется, что последняя, родившаяся вследствие духа нашего положительного времени, более удивляет ворвует его господствующей потребности»². Какими же чертами наделяет критик эту самую поэзию? Формулируя сущность нового литературного направления, Белинский утверждает, что это «поэзия *реальная*, поэзия жизни, поэзия действительности, наконец, истинная и настоящая поэзия нашего времени. Её отличительный характер состоит в верности действительности; она не пересоздаёт жизнь, но воспроизводит, воссоздаёт её и, как выгукное стекло, отражает в себе, под одною точкою зрения, разнообразие её явления, выбиравая из них те, которые нужны для составления полной, оживлённой и единой картины»³.

И вот в середине столетия случилось то, чему способствовали все предыдущие предпосылки. Реалистическое мировоззрение в русской литературе XIX века явилось в обличии *критического реализма*. Это видовое, качественное определение — критический — шло прежде всего от аналитического подхода писателей, от стремления схватить жизнь во всей её полноте, от сатирической заострённости, которая происходила и от национального менталитета, и от недовольства конкретными условиями жизни, и от обличительного пафоса, который сопутствовал демократической идеологии, а последняя получила широкую популярность вследствие того, что народность почти всеми фигурантами литературного процесса принималась как неотъемлемое качество, как фактический атрибут русской культуры.

¹ Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 370.

² Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти т. М., 1976–1982. Т. 1. С. 149.

³ Там же. С. 145–146.

Впрочем, определение «критический» вошло в литературоведческий обиход не сразу.

Более полутора веков тому назад П. В. Анненков в статье «Заметки о русской литературе прошлого года» («Современник» № 1 от 1849 г.) отметил, что «появление *реализма* в нашей литературе произвело сильное недоразумение»¹. Как видим, в его представлении новое слово приобретает скорее негативный, отрицательный смысл, так как сущность нового термина представлялась ему ещё недостаточно чётко. Заслуги самого Анненкова оценивались мемуаристами той эпохи неоднозначно, но тем не менее приоритет в употреблении термина принадлежит именно ему.

Более основательно проработку термина осуществил немного позднее М. Е. Салтыков-Щедрин, разграничивший смежные, но далеко не тождественные, а по сути дела, принципиально различные понятия «натурализм» и «реализм» (навести порядок в терминологии было просто необходимо, поскольку ясности не доставало даже таким прямолинейным и принципиальным критикам, как, например, Д. И. Писарев). В рецензии на драму Писемского «Горькая судьбина» (1863) Щедрин глубоко подметил, что «мы иногда ошибочно понимаем тот смысл, который заключается в слове «реализм», и охотно соединяем с ним понятие о чём-то вроде грубого, механического списывания с природы, подобно тому, как многие с понятием о материализме соединяют понятие о всякого рода физической сытости»². Анализируя суть реализма, классик утверждал, что как метод он представляет собой «нечто большее, нежели простое умение копировать... Везде, даже в самой ничтожной подробности, он допытывается того интимного смысла, той внутренней жизни, которые одни только и могут дать факту действительное значение и силу. Очевидно, что если б реализм не отвечал этой потребности, то он ни под каким видом не мог бы войти в искусство как основную и преобладающую его элемент... истинный реализм не только не потворствует исключительности и односторонности, но даже положительно враждебен им... имея в виду человека и дела его, он берёт его со всеми его определениями, ибо все эти определения равно *реальны*, то есть равно законны и равно необходимы для объяснения человеческой личности»³.

С этого времени русский реализм, названный позднее критичес-

¹ Анненков П. В. Заметки о русской литературе прошлого года // Современник. — 1849. — № 1.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Литературная критика. М., 1982. С. 122.

³ Там же. С. 122–123.

ким, начал свое триумфальное шествие и как термин, и как художественное явление. В XIX веке он достиг своего апогея в творчестве наследии Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Н. С. Лескова, А. П. Чехова, которые превратили отечественную прозу в явление мирового уровня. Этот факт считается общепризнанным во всём мире и не подлежит дополнительному аргументации.

Эстафету принимают наши писатели, работавшие на рубеже XIX — XX веков. В их сочинениях появляются новые черты, связанные с коренными изменениями в общественной и политической жизни страны, а также новыми веяниями в области эстетики. Судьба многих из них складывалась драматически, часто им приходилось становиться изгнанниками, но и в эмиграции они продолжали поддерживать и развивать корневую традицию русской литературы — реализм. Речь идёт о таких именах, как И. А. Бунин, М. Горький, А. И. Куприн, А. Н. Толстой, Л. Н. Андреев, А. М. Ремизов, И. С. Шмелёв, Б. К. Зайцев, отчасти — В. В. Набоков, Г. Газданов, М. Алданов. Талант некоторых из них, кстати, по-настоящему расцвёл именно за границей.

Но важнее то, что и в условиях советского времени реалистическая традиция также не прерывалась. Несмотря на идеологический прессинг, особенно первых двух десятилетий после 1917 г., мы видим, что огромное количество авторов и не думает отказываться от классического направления. В прозе таких мастеров слова, как М. М. Пришвин, Е. И. Замятин, Б. А. Пильняк, А. Г. Малышкин, Б. А. Лаврентёв, П. С. Романов, К. А. Федин, В. Я. Шлишков, А. С. Неверов и другие, звучит преданность правдивому изображению действительности. Когда же после учреждения Союза советских писателей на Первом Съезде его были сформулированы основные принципы творческого метода социалистического реализма, то стало ясно, что наша литература получила хороший шанс не сойти со столбовой догмы развития национальной культуры.

Руководивший организационным процессом Горький так выразил суть этой проблемы: «Социалистический реализм утверждает бытие, как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которому он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю как прекрасное жилище человечества, объединённого в одну семью»¹.

¹ Горький А. М. Советская литература : доклад на Первом Съезде советских писателей. Цит. по: Беседы с молодыми. М., 1980. С. 409.

И хотя в дальнейшем партия и правительство не раз оказывали на наше искусство не самое благоприятное воздействие, в целом социализм не противоречил благим свойствам культуры. Дело в том, что лишь конъюнктурно мыслящие литераторы и функционеры деляли акцент на первом слове этой идиомы, тогда как одарённые мастера слова основой своей работы считали второе. Они обладали способностью преодолевать все препоны идеологии и цензуры и нести людям слово правды.

М. А. Шолохов, Л. М. Леонов, К. М. Симонов, В. П. Катаев, Ф. А. Абрамов, К. Д. Воробьёв, А. Т. Твардовский, В. Т. Шаламов, В. М. Шукшин, Н. М. Рубцов, Ю. М. Нагибин, В. А. Солухин, В. С. Розов, А. В. Вампилов, В. И. Белов, Ю. В. Бондарев, М. Н. Алексеев, В. Г. Распутин и многие другие в основании своих книг положили именно верность точному и честному изображению действительности.

Даже в наследии таких сложных, противоречивых художников слова, как М. А. Булгаков, А. П. Платонов, М. М. Зощенко, с элементами фантазмагории и мистики соседствует мощнейшая реалистическая струя.

Некоторые кризис реалистическая традиция претерпела в 90-е годы XX века. В результате пертурбаций, которые перенесли государство и народ, на какое-то время в литературе, критике и среди читателей воцарилась некая растерянность, которой воспользовались представители так называемого постмодернизма, отрицавшие связь литературного текста и реальности. Они вышли на первые позиции в издательской политике, заняли ключевые посты в некоторых писательских структурах и журналах. Но время их господства оказалось недолгим. Очень скоро для большинства заинтересованных и вдумчивых людей стало ясно, что это течение далеко от главных требований отечественной словесности.

Как выразился прозаик А. А. Ким: «У музыкантов есть понятие, оно выражается словом «нотро»... И от того, какое это «нотро» — богатое или бедное, глубокое или мелкое, зависит способность исполнителя волновать человека, захватывать его... Именно так и происходит утрата подлинного реализма: того, что переживается сердцем человека. Все ругают постмодернизм — так он же выразил своё «нотро», и оказалось, что там скупо, бедно и, как бы сказать, не очень добро»¹. Сходные настроения испытывали многие. И вот в 1997 г. в Москов-

¹ Ким А. А. Есть ли у пишущего своё «нотро»? // Новый реализм: за и против : мат-лы писательских конференций и дискуссии последних лет. М., 2007. С. 36.

ской писательской организации состоялась конференция под девизом «Новый реализм». Её организовали и провели литераторы среднего и молодого поколения. Среди участников были П. В. Палиевский, Ю. В. Мамлеев, А. С. Мулярчик, В. И. Гусев, А. А. Ким, П. Г. Паламарчук, М. М. Попов и другие литераторы. В результате проведённой дискуссии были установлены и выработаны предварительные признаки новой модификации русского реализма — «новый». Многочисленными отголосками конференции стали публикации в прессе, споры, а также ещё ряд конференций, собраний, бесед на ту же тему. Надо сказать, и сегодня диспут на тему нового реализма продолжается, высказываются самые разнообразные мнения, идёт интенсивная работа по осмыслению проблемы. Подводить итоги рано.

Но уже ныне можно констатировать, что судьба русского реализма сложилась следующим образом: все ступени, стадии, модификации его становления и развития представляют собой элементы единой художественно-эстетической традиции, которая периодически видоизменялась, но в самом стержне оставалась цельной и гармоничной. На этом стержне, собственно говоря, на протяжении многих веков держалась и продолжает держаться корневая русская культура.

Библиография

1. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск, 2005. С. 298.
2. Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней. В 2-х т. Т. 1. М., 1979. С. 12.
3. Песков А. М. Николай Иванович Новиков // Новиков Н. Избранное. — М., 1983. С. 12.
4. Лихачёв Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // Изборник. М., 1969. С. 9.
5. Скатов Н. Н. Русский гений. М., 1987. С. 13.
6. Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней. В 2-х т. М., 1979. С. 112–113.
7. Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 370.
8. Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти т. М., 1976–1982. Т. 1. С. 149.
9. Анненков П. В. Заметки о русской литературе прошлого года // Современник. — 1949. — № 1.
10. Салтыков-Щедрин М. Е. Литературная критика. М., 1982. С. 122.
11. Горький А. М. Советская литература : доклад на Первом Съезде советских писателей // Беседы с молодыми. М., 1980. С. 409.
12. Ким А. А. Есть ли у пишущего своё «нутро»? // Новый реализм: за и против : мат-лы писательских конференций и дискуссии последних лет. М., 2007. С. 36.

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

ПУЗАНОВА Жанна Васильевна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии,
Российский университет дружбы народов
puzanova@rambler.ru

Одиночество: философское, социологическое, психологическое рассмотрение¹ / The loneliness: philosophical, sociological, psychological approaches

Аннотация

Проблема одиночества, актуализированная современным состоянием общества, является предметом исследования разных наук и имеет множество интерпретаций. В результате анализа различных подходов к изучению одиночества в статье делается вывод о том, что отдельные концепции рассматривают ограниченное количество факторов, влияющих на формирование чувства одиночества.

Ключевые слова

Одиночество; интерпретация; семантическое пространство.

Annotation

The issue of loneliness aggravated by contemporary state of society forms the object of study of different sciences and has a variety of interpretations. As a result of study of various approaches to loneliness issue the conclusion drawn in the article is the following: each conception deals with the limited number of factor

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Грант № 08-03-00274а.

Keywords

Loneliness; interpretation; semantic space.

Социологические и социально-психологические подходы к проблеме одиночества во многом были обусловлены философскими концепциями.¹ С известной долей условности среди них можно выделить следующие направления, которыми, конечно, неисчерпываются существующий спектр исследований проблемы одиночества: феноменологическое (К. Роджерс, Д. Мур), экзистенциалистское (К. Мункаас), социологическое (К. Боумен, Д. Рисмен, П. Слейтер), интеракционистское (Р. Вейс, В. Серма), когнитивное (Л. Пелло), «интимное» (В. Дерлега, С. Маргулис), психоаналитическое (Д. Зилбург, Г. Салливан, Ф. Фромм-Рейхман), системное (Д. Фландерс).

Интерпретации одиночества, естественно, можно сравнивать по многим аспектам: какова природа этого феномена? является ли оно нормальным или это аномальное состояние? какой опыт, позитивный или негативный, оно представляет? каковы причины одиночества? находятся ли они внутри личности или же коренятся в её окружении? и, наконец, на основании каких интеллектуальных традиций, эмпирических данных формировалась теория одиночества? Все существующие подходы к изучению проблемы одиночества недостаточны разработаны, что является следствием начальной стадии развития данной области исследований. Всем им недостаёт философского осмысления сущности одиночества, и зачастую они сводятся к простой констатации полученных результатов, будь они теоретические или практические. Наиболее глубокие философские традиции и подходы к изучению проблемы одиночества лежат в русле феноменологической и экзистенциалистской традиций.

Феноменологическое направление в целом, идущее от европейской традиции, служит типичным примером возврата к опыту переживания для воссоздания его основных структур. Феноменология развила одно важное понимание переживания как чувства, имеющего интенциональную структуру. Указывая на интенциональность, феноменология подчёркивает, что переживание не является полностью субъективным или внутренним чувством; напротив, переживание неотделимо от контекста жизненных отношений и связей. Поле переживаний сложно: оно включает в себя значения и ценности как природы, так и общества. Более того, поле интенциональных отношений — это динамический процесс, где переживание всегда на-

¹ Лабиринты одиночества. М., 1990, С. 11–18.

правлено вовнутрь формы взаимосвязи. Экзистенциальная версия феноменологии, развивая М. Хайдеггером и М. Мерло-Понти, подчёркивала динамический и временной аспекты событий и изменений, происходящих во внутреннем мире личности. Их последователи делали попытки усовершенствовать её основные положения и соединить их с достижениями социальных наук. В их числе можно, например, назвать работы Л. Бинсвангера, А. Шюца и У. Садлера.¹

С точки зрения У. Садлера, жизненный мир личности ориентирован на реализацию четырёх определённых экзистенциальных возможностей.

В соответствии с четырьмя возможными направлениями, присутшими развитию и распространению во вне личностного мира, У. Садлер выделяет и четыре измерения одиночества: космическое, культурное, социальное и межличностное. Одиночество, испытываемое в одном измерении, отличается от одиночества, испытываемого в других. Но каждый тип одиночества — это форма самосознания, свидетельствующая о разрыве основной сети отношений и связей, составляющей жизненный мир личности. Одиночество вызывает стресс в главных сферах внутреннего мира человека. Острая форма одиночества означает крах глубинных ожиданий личности относительно реализации основных возможностей, которые признаются важной составляющей человеческого бытия. У. Садлер и Т. Джонсон раскрывают отличительные черты каждого из четырёх выделенных ими измерений одиночества. Материалом для них послужили и исследования по данной проблематике, описания одиночества в литературе, наблюдения повседневной жизни.

Анализ одиночества другого известного сторонника феноменологического направления К. Роджерса основан на «Я-теории» личности. К. Роджерс полагает, что общество вынуждает индивида действовать в соответствии с социально оправданными, ограничивающими свободу действия образцами, что ведёт к противоречию между внутренним истинным «Я» индивида и проявляемыми «Я» в отношениях с другими людьми. Индивид становится одиноком, когда, устранив охранительные барьеры на пути к собственному «Я», он тем не менее полагает, что ему будет отказано в контакте со стороны других. Страх быть отвергнутым приводит к тому, что человек продолжает испытывать опустошённость. Анализ одиночества, проведённый К. Роджерсом, вытекает из его клинической практики, работы с паци-

¹ Современная американская социология. М., 1994.

ентами. Он рассматривает одиночество как проявление слабой способности личности, считает, что причина одиночества находится внутри индивида, в феноменологических несоответствиях представлений индивида о собственном «Я».

Экзистенциалистское направление. Сильное влияние на методологическое формирование трактовок одиночества оказали и продолжат оказывать произведения крупнейшего философа-экзистенциалиста М. Бубера. Он критикует и индивидуалистической метод, и коллективистские устремления в понимании сущности человека. К целостности человека, к человеку как таковому не прорываюся ни индивидуализм, ни коллективизм. Индивидуализм видит человека в его соотнесённости с самим собой, коллективизм же вообще не видит человека, он рассматривает лишь «общество». В индивидуализме лицо человека искажено, в коллективизме оно закрыто. В истории человеческого духа М. Бубер различает так называемые до-машние эпохи и «эпохи бездомности». В одних человек живёт в мире, как в доме, в других — как в открытом поле. Если мироощущение «домашних эпох», по М. Буберу, характеризуется чувством защищённости и безопасностью и связано с античностью и христианством средних веков (космология Аристотеля, теология Фомы Аквинского), то наступление «эпохи бездомности» М. Бубер связывает с открытыми физики и математики эпохи Возрождения, хотя непосредственно под социальной и космической бездомностью имеется в виду эпоха, начавшаяся в конце XIX века. Её основными чертами являются: ощущение потерянности в космическом и социальном времени, распад «старых органических форм» и возникновение новых (партии, профсоюзы и т. д.), господство политики и экономики, угроза со стороны техники.

Человеческая личность одновременно воспринимает себя как в качестве человека, изгнанного из природы (подобно отвергнутому, нежелательному ребёнку), так и в качестве личности, изолированной от остальных среди бушующего человеческого мира. Современный индивидуализм М. Бубер считает первой реакцией духа на познание новой, зловещей ситуации, вторая реакция — современный коллективизм.

Ни одиночество, ни общность сами по себе, по мнению М. Бубера, не являются основополагающими фактами человеческой экзистенции, это лишь абстракции. Одинокий человек есть факт экзистенции, так как он вступает в жизненное отношение с другим одиноким человеком. Общность — это тоже факт экзистенции, поскольку она строится на основе жизненных отношений между людьми.

ми. Однако основополагающим фактом человеческой экзистенции является состояние «человек с человеком». Один человек, отличающийся от другого конкретного человека, имеет в виду другого для того, чтобы общаться с ним в сфере, общей для них, но вместе с тем выходящей за пределы их собственных областей. Эту сферу, полагаем, существованием человека, М. Бубер называет сферой «между» и считает её понятийно не постигнутой.

Экзистенциалистски ориентированные социологи оттачиваются в своих рассуждениях от «аксиомы», что люди изначально одиноки, и сосредотачиваются на вопросе о том, как люди могут жить в таком состоянии. Никто другой не может разделить чувства и мысли человека; разведённость есть сущностное состояние личностных переживаний. К. Мустакас, яркий выразитель этого направления в социологии, говорит о необходимости различения «света одиночества» («loneliness anxiety») и истинного одиночества. Света одиночества — это система защитных механизмов, которая отдалает человека от решения сущностных жизненных вопросов и которая постоянно побуждает его стремиться к активности ради активности совместно с другими людьми. Истинное одиночество проистекает из конкретной реальности одинокого существования и из столкновения личности с пограничными жизненными ситуациями (рождение, смерть, жизненные перемены, трагедия), переживаемыми в одиночку. Как считает К. Мустакас, истинное одиночество может быть и творческой силой и призывает людей преодолеть страх одиночества и научиться позитивно его использовать.

В отличие от других сторонников данной ориентации, формулирующих свои взгляды, исходя в основном из философских расхождений, К. Мустакас работал с клиническими пациентами. Как и большинство последователей экзистенциализма, К. Мустакас оценивает одиночество положительно. И, не отрицая, что одиночество может иметь болезненный эффект, он рассматривает его как продуктивное, творческое состояние человека. Экзистенциалисты не исследуют причины возникновения одиночества, их не интересуют факторы, увеличивающие или уменьшающие его вероятность, для них оно изначально имманентно человеческому существованию.

Социологический подход. Попытку выявить социальные причины одиночества одними из первых предприняли в 50-х — 60-х годах американские социологи Д. Рисмен, П. Слейтер и К. Боумэн. Последний выдвинул гипотезу о трёх силах, ведущих к усилению одиночества в современном обществе: ослабление связей в первичной группе; увеличение семейной мобильности; увеличение социальной

мобильности. Другие исследователи, Д. Рисмен и П. Слейтер, связывают анализ одиночества с изучением американского характера и одновременно анализируют способность общества удовлетворять потребности его членов. Д. Рисмен и его последователи (Н. Глейзер, Р. Денни) заявляют, что американцы превратились в личности, «направленные вовне». Индивиды, «ориентированные на других», не только хотят нравиться, но и постоянно приспособляются к обстоятельствам и контролируют свое межличностное окружение с тем, чтобы определить линию своего поведения. Люди, «ориентированные вовне», обособлены от своего истинного «Я», своих чувств и своих ожиданий. В результате «ориентированная на других» («направленная вовне») личность может приобрести синдром «беспокоенности и чрезмерную потребность в пристальном внимании к себе со стороны других людей, которая никогда полностью не удовлетворяется. Члены «направленного вовне» американского общества образуют, как заявляет Д. Рисмен в названии своей книги, «одинокую толпу».

Для П. Слейтера проблема американца как личности заключается не в «направленности вовне», а скорее в индивидуализме как таковым. П. Слейтер считает, что все мы стремимся к общению, сотрудничеству и зависимости, к доверию и сотрудничеству с другими людьми, к «проявлению ответственности за свои импульсы и жизненные ориентации». Однако эти основные потребности в общении, сопричастности и зависимости недостижимы в американском обществе из-за его приверженности индивидуализму вследствие укоренения веры в то, что каждый должен следовать своей собственной судьбе. Результатом этого становится одиночество.

Можно сказать, что Д. Рисмен и П. Слейтер не столько оценивают одиночество как нормальное или ненормальное состояние, сколько считают одиночество нормативным — общим статистическим показателем, характеризующим общество. Рассматривая одиночество в качестве черты американского характера, они объясняют это качество личности как продукт социальных сил. Таким образом, причину одиночества Д. Рисмен и П. Слейтер изначально помещают вне индивида. Подчеркивая значение социализации, они в то же время указывают, что многие факторы (например, влияние средств массовой информации), способствующие социализации, оказывают негативное воздействие на личность. Другие, как, например, К. Боумен, делают упор на значение событий, происходящих в жизни человека в зрелом возрасте (например, развод). Формулируя свой подход, эти социологи опирались прежде всего на статистические данные, данные средств массовой информации, художественную литературу.

Интеракционистский подход. Попытку выделить не только ситуативные, но и характерологические факторы проблемы одиночества предпринял Р. Вейс. Он выделяет два эмоциональных состояния, которые люди, переживавшие их, склонны расценивать как «одиночество». Он называет их эмоциональной и социальной изоляцией. Эмоциональное одиночество представляется результатом отсутствия тесной интимной привязанности, такой как любовная или супружеская. Эмоционально одинокий человек должен испытывать нечто вроде беспокойства покинутого ребёнка: неуверенность, тревогу, пустоту. Социальное одиночество становится ответом на отсутствие значимых дружеских связей или чувства общности. Социально одинокий человек переживает тоску и чувство социальной маргинальности. Однако ещё не ясно, в какой мере совпадают различные состояния, определяемые на данный момент как одиночество. Было бы удобно считать их абсолютно отличными друг от друга, но они могут и не быть таковыми.

Р. Вейс констатирует тот факт, что одиночество — более распространённое явление в юности, чем в зрелом возрасте, и сильнее ощущается среди молодежи. Данные исследований, проведённых им и другими социологами, показывают, что разведённые и овдовевшие люди старшего возраста склонны реже считать себя одинокими, чем разведённые и овдовевшие молодые люди. Р. Вейс объясняет это тем, что с возрастом меняется способность устанавливать прочные и длительные связи. Р. Вейс проводил семинары для вдовцов и недавно разведённых. Именно из собственного опыта по оказанию помощи участникам этих семинаров он вывел многие из своих теоретических положений. Его интересует «обычное» одиночество — состояние, переживаемое многими, если не большинством людей, на протяжении всей их жизни. Р. Вейс особо подчёркивает текущие события в жизни личности как ключевой фактор формирования одиночества.

Когнитивное направление. Понимание одиночества как «обычного» явления, т. е. распространённого среди «нормальных» людей, характерно не только для сторонников интеракционистского направления, но и для когнитивного подхода (Л. Пепло и её коллеги), разрабатывающегося в Калифорнийском университете с середины 70-х годов. Важную роль в теоретических формулировках этого направления играют эмпирические данные обследований и экспериментов. К поискам причин одиночества Л. Пепло и её коллеги также подходят достаточно широко: они исследуют как характерологические, так

и ситуативные факторы, способствующие его возникновению, а также влияние прошлого и настоящего на формирование личности. В их понимании когнитивные факторы — это процессы, происходящие внутри индивида, согласовывающего свою деятельность с реальностью. Характерной особенностью человека является желание понять самого себя и дать осмысленное объяснение своему опыту. Поэтому, с точки зрения Л. Пегло, самооценка — процесс самопознания и критического самосознания — выступает важным компонентом в опыте одиночества.

Определение собственного одиночества — результат длительного когнитивного процесса, в ходе которого человек осознаёт или наделает смыслом свои уникальные личные переживания и обобщает их в целостную картину. К выводу «Я один» люди обычно приходят с помощью аффективных (эмоциональных), поведенческих и когнитивных доказательств. Вряд ли люди будут считать себя одинокими, говорит Л. Пегло, если у них нет когнитивных объяснений этого состояния. Когнитивные индикаторы одиночества, очевидно, выводятся из представлений об определённом типе социальных отношений, недостающих в настоящий момент. Общественное сознание отражает потребность в как можно более частом и более тесном взаимодействии человека и общества, а также представление о том, что совершенствование социальных отношений способно облегчить страдания отдельного человека.

«Интимный» подход. Когнитивная теория стала главным источником теоретических идей В. Дерлега и С. Маргулиса («интимный» подход). В истолковании одиночества важнейшими для них являются понятия «интимность» и «самораскрытие». Подобно Р. Вейсу, они полагают, что социальные отношения, бесспорно, способствуют достижению индивидом различных реальных целей. Одиночество же обусловлено отсутствием соответствующего социального партнёра, который мог бы способствовать достижению этих целей. Одиночество, вероятнее всего, наступает тогда, когда межличностным отношениям индивида недостаёт интимности, необходимой для доверительного общения. В основе «интимного» подхода лежит предположение, что индивид стремится к сохранению равновесия между желаемым и достигнутым уровнями социального контакта. В. Дерлега и С. Маргулис исследуют, как в этих условиях совокупность социальных связей индивида, его социальных ожиданий и его личностные качества могут повлиять на такой важный в данном отношении баланс. Они рассценивают одиночество как нормальный опыт в условиях сплошной атомизации общества. Их внимание к непрерывному процессу балансировки

желаемого и достигнутого уровня социальных контактов акцентирует текущие детерминанты одиночества личности. В то же время такая позиция учитывает и воздействие на одиночество прошлого развития, а также признаёт, что и внутрииндивидуальные факторы, и факторы среды способны привести к одиночеству.

Общесистемный подход. Среди теоретических подходов к проблеме одиночества можно также выделить общесистемный подход, разработанный Д. Фландерсом. Основное положение его концепции состоит в том, что поведение живых организмов отражает переплетение влияний нескольких уровней, действующих одновременно как система. Уровни располагаются от клеточного до социального. С этой точки зрения, одиночество представляет собой механизм обратной связи, помогающий индивиду или обществу сохранить устойчивый оптимальный уровень человеческих контактов. Расчуждения Д. Фландерса об одиночестве не имеют эмпирического источника; они свидетельствуют о дальнейшем распространении системной теории. При этом Д. Фландерс расценивает одиночество как потенциально патологическое состояние, но одновременно считает его также и полезным механизмом обратной связи, который в конечном результате может способствовать благополучию индивида или общества. Системная теория пытается соподчинить оба мотива поведения — индивидуальный и ситуативный. Однако системная теория по существу представляет собой модель, в которой мотивы поведения включены в развивающуюся динамику общей структуры.

Психоаналитический подход. Д. Зиглурт опубликовал, вероятно, первый психологический анализ одиночества. Он различал одиночество и уединённость. Уединённость — «нормальное» и «преходящее умонастроение», возникающее в результате отсутствия конкретного «кого-то». Одиночество — это непреодолимое, постоянное ошущение. Согласно Д. Зиглурту, одиночество становится выражением характерных черт личности: нарциссизма, мании величия и враждебности. Одинокий человек сохраняет инфантильное чувство собственного всемогущества, он эгоцентричен и пускает тыль в глаза публике с тем, чтобы «изобличить» других. Д. Зиглурт проследил происхождение одиночества, начиная с детской колыбельи. Ребёнок узнаёт радость быть любимым и вызывать восхищение вместе с потрясением, порождённым тем, что он — маленький, слабое существо, вынужденное ждать удовлетворения своих потребностей от других.

Г. Салливан также усматривал корни одиночества взрослого в его детстве. Он установил движущую силу потребности в человеческой

близости. Впервые эта потребность появляется в стремлении ребёнка к контакту. В подростковом возрасте она принимает форму потребности в привателе, с которым можно обменяться своими сокровенными мыслями. У подростков, испытывающих недостаток социальных навыков вследствие неправильных взаимоотношений с родителями в детстве, как правило, возникают трудности при установлении приятельских отношений со сверстниками. Эта неспособность удовлетворить подростковую потребность в интимности может привести к глубокому одиночеству.

Работа Ф. Фромм-Рейхман, наверное, цитируется чаще других ранних публикаций об одиночестве. Основываясь на результатах своей работы с шизофрениками, подобно Г. Салливану и Д. Зилбургу, Ф. Фромм-Рейхман прослеживает происхождение одиночества вплоть до личностного опыта, приобретённого в детстве. В особенности она подчёркивает вредные последствия «преждевременного отлучения от материнской ласки». В своих исследованиях стороны психодинамической традиции исходят главным образом из клинической практики и, вероятно, поэтому склонны рассматривать одиночество как патологию.

Проанализировав основные подходы к изучению проблемы одиночества, можно сделать вывод, что наиболее разработанное исследование одиночества представлено когнитивным и интеракционистским подходами и что теории одиночества не оказали существенного влияния на эмпирические исследования данного явления. Рассматривая одиночество как неизбежное или позитивное явление, экзистенциалисты и представители системных теорий не занимались вопросом, как облегчить это состояние. Социология же не заинтересована в том, чтобы заниматься отдельными респондентами, несмотря на то, что их мнения могут быть использованы для выработки социальной политики.

В заключение необходимо отметить, что социологические, психологические концепции рассматривали ограниченное количество факторов, влияющих на формирование чувства одиночества. Становится понятным, что личность и личностные взаимоотношения нельзя представлять как элементарные психические либо социальные процессы. Сопоставлять нужно не случайные, вырванные из контекста качества, имеющие для разных индивидов неодинаковые значения, а наиболее важные «личностные конструкторы», которые позволяют очертить контуры индивидуального «семантического пространства», то есть пространства главных жизненных ценностей и производных от них частных установок.

Библиография

1. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995.
2. Лабиринты одиночества / пер. с англ.; сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М., 1989.
3. Покровский Н. Е., Иванченко Г. В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. М., 2008.
4. Пузанова Ж. В. Философия одиночества и одиночество философа // Вестник РУДН. — Социология. — № 4-5. — С. 47-59.
5. Пузанова Ж. В. Одиночество (опыт философско-социологического анализа). М., 1998.
6. Современная американская социология. М., 1994.
7. Шютц А. Возвращающийся домой // Социс. — 1995. — № 2.
8. Fromm-Reichmann F. Loneliness // Psychiatry. N. Y., 1959. N 22. P 1-15.
9. Moustakas C. E. Loneliness and love. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1972. P. 20-21.
10. Perlaу L., Russell D., Neim M. An attributional analysis of loneliness // Attribution theory: Applications to social problems. San Francisco, 1979. P. 148-159.
11. Reisman D., Glazer N., Demmey R. The lonely crowd: A study of the changing American character. New Haven, 1961.
12. Rogers C. R. Carl Rogers on encounter groups. New York: Harper & Row, 1973.
13. Weiss R. S. (Ed.) Loneliness: The Experience of Emotional and Social Isolation. Cambridge, 1973.

РУССКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*ЛОМТЕВ Денис Германович,
кандидат искусствоведения,
Бернский университет,
лауреат премии Гумбольдта,
координатор проекта
«Немецкий музыкальный театр в России»
degeio@mail.ru*

К 200-летию со дня смерти Йозефа Гайдна

Частный пенсионный фонд с концертным фасадом / Private pension foundation with concert facade

Аннотация

Санкт-Петербургское филармоническое общество рассматривается как организация, на протяжении 115-ти лет гармонично сочетавшая концертную деятельность с задачами социального обеспечения своих членов. Подчеркивается роль российских немцев как инициаторов создания этого общества и активных участников его дальнейшей работы, подробности которой раскрыты с использованием малозвестных в отечественной музыкальной историографии источников.

Ключевые слова

Санкт-Петербургское филармоническое общество; концертная деятельность; социальное страхование; российские немцы.

Annotation

The St. Petersburg Philharmonic Society is the organization that for over 115 years harmoniously combined concert activity with the problems of social security of its members. The Society emphasizes the role of Russian Germans as the founders of this society and as active

participants in its future works, details of which are disclosed using poorly known musical sources from Russian historiography.

Keywords

St. Petersburg Philharmonic Society; concert activity; social security; Russian Germans.

В наши дни Санкт-Петербургское филармоническое общество известно прежде всего своими заслугами в концертной жизни Северной столицы Российской Империи на протяжении 115-ти лет. Нередко с особой гордостью говорится о том, что усилиями именно этой организации 26 марта 1824 г. состоялось первое исполнение «Торжественной мессы» Людвига ван Бетховена. В дополнение к тому упоминается посвящённая филармоническому обществу испанская увертюра М. И. Глинки «Ночь в Мадриде». Она прозвучала 2 апреля 1852 г. вместе с его знаменитой «Камаринской» в программе 110-го концерта этого общества. Первоначальное же название организации — «Касса музыкантских вдов» — обычно даётся вскользь и без всяких пояснений, а тот факт, что в создании общества и его работе активное участие принимали петербургские немцы, остаётся читателю вообще неизвестным.

Причина этого кроется, с одной стороны, в неразвитости отечественной музыкальной социологии, которая в Западной Европе, наравне с теорией и историей музыки, давно уже стала неотъемлемой научной и учебной дисциплиной, занятием, среди прочего, изучением музыкальных объединений и организаций. С другой стороны, скандывается политический груз советского прошлого, когда о влиянии немецкой культуры (в том числе музыкальной) на русскую, равно как и о создании отдельных отраслей русской промышленности немцами специалистами, упомянуть даже вскользь было небезопасно. Всё немецкое в лучшем случае нейтрально именовалось «западно-европейскими», а чаще имело негативный оттенок.

Но как раз именно эти, доселе обойдённые вниманием факты и позволяют расширить рамки традиционного представления о Санкт-Петербургском филармоническом обществе. Важная и заслуживающая признания потопками концертная сторона его деятельности оказывается лишь обращённым к публике фасадом учреждения, взявшего на себя огромную социальную ответственность по материальному обеспечению семей умерших музыкантов. Но эта работа не выставлялась на всеобщее обозрение и не нуждалась в овацциях.

Появлению Филармонического общества предшествовал 30-летний период проб и ошибок на поприще создания музыкальных объединений различного рода. О первом из них, основанном в 1772 г. *Музыкальном клубе* известно немного. Самое подробное упоминание принадлежит Иоганну Готлибу Георги, автору изданного в 1790 г. на немецком языке «Описания российского-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях онога». В параграфе 720 этой книги Музыкальный клуб охарактеризован как объединение нескольких любителей для проведения концертов, призананных образом высокого вкуса в русской столице. И. Г. Георги описывает также процедуру принятия в клуб (через годовое), величину членских взносов (вступительный — 30 руб., годовой — 20) и музицирование в «чичеринском дворце».¹

В изданном через четыре года русском варианте той же самой книги автор подправил эти данные и тем самым приблизил их к исторической действительности. Концерты Музыкального клуба устраивались в доме графа И. Г. Чернышёва, а в упомянутом Георги «чичеринском дворце», т. е. в резиденции генерал-полцимейстера Н. И. Чичерина, размещалось уже другое, основанное в 1778 г. *Новое музыкальное общество*. По его первоначальному уставу, утверждённому 11 сентября 1778 г. генерал-полцимейстером Д. В. Волковым, проведение концертов планировалось по средам и субботам с шести до девяти часов вечера, но впоследствии число мероприятий сократилось до одного в неделю по понедельникам. Вступительный взнос составлял 15 руб. для основателей общества и 25 руб. для остальных членов, а годовой — 17 руб. для всех персон.

Участие в Новом музыкальном обществе таких петербургских знаменитостей из мира искусства, как композиторы И. Г. В. Пальшай и Д. С. Бортнянский, скрипач И. Яннович, актёр Д. С. Дмитриевский, имело целью, вероятно, усилить приток денежных средств от меценатов. Но этого не случилось. Повышение взносов в 1790 г., увы, не смогло предотвратить финансового краха в мае 1792 г. с последующей распродажей находившихся в собственности организации ценных музыкальных инструментов и мебели для покрытия долгов.

Некоторые члены Нового музыкального общества не смирились с таким исходом событий и, собравшись 1 ноября 1792 г., постановили возобновить его деятельность. Придворный банкир Александр

Франц фон Раль (1756 — 1833) взял инициативу в свои руки, причём ему удалось организовать уже 20 ноября того же года первый музыкальный вечер.

Сведения о последующих концертах встречаются в периодике до конца 1793 г., но далее следы Нового музыкального общества теряются. Возможно, что серия мероприятий подобного рода продолжилась уже на уровне домашних концертов в резиденции барона Раля, ведь хозяин дома вовсе не собирался отказываться от своих намерений. Он просто искал более весомого повода, и спустя некоторое время таковой действительно представился...

Совместные усилия привели к организации концертов 24 и 31 марта 1802 г., в которых при участии театрального дирижёра Дени Гийома Париса и артистов Придворной певческой капеллы прозвучала оратория Йозефа Гайдна «Сотворение мира». Общий сбор составил 8500 руб. Из этой суммы 7000 руб. барон Раль депонировал в виде резервного фонда в своей банке под выгодные проценты, а оставшиеся 1500 разделил между 14-ю пенсионерками. Первой из них была вдова умершего 4 февраля 1803 г. контрабасиста Карла Вагнера, получавшая потом ежегодную пенсию в 200 руб. вплоть до своей смерти в 1822 г.

Фридрих Георг Аделунг (1768 — 1843) разработал устав, согласно которому общее собрание состоялось 10 июля 1802 г., избрало правление директоров Кассы музыкальных вдов. В него вошли скрипачи Иоганн Масснер (ум. в 1805 г.) и Николай Григорьевич По-морский (1714 — 1804), виолончелист Даниэль Георг Бахман (ум. в 1811 г.), флейтист Франц Михель (ум. в 1815 г.), фаготист Антон Бул-ландт (ум. в 1821 г.). Обер-камергер М. Ю. Виейльгорский, камергер А. А. Витовтов и, конечно же, барон А. Ф. Раль с коллежским ассесором Ф. Г. Аделунгом были избраны почётными директорами с возлагаемыми на них почетными функциями.

Решением общего собрания от 20 февраля 1805 г. Кассу музыкантских вдов переименовали в *Филармоническое общество*. Кроме того, собрание утвердило разработанный Ф. Г. Аделунгом эскиз печати с изображением лиры, тарящего над нею царского орла (знак покровительства императорского двора) и находящегося внизу угасающего факела (наподобие древнегреческого символа смерти) с надписью «В отраду оставшимся».

Преобладание немецких имён среди устроителей, возможно, смутит современного читателя, но в то время немцы активно участвовали в концертной жизни Петербурга, выделяясь среди других иностранцев не только своей многочисленностью, но и профессиона-

¹ Georgi J. G. Versuch einer Beschreibung der Rußisch Kauserlichen Residenzstadt St. Petersburg und der Merkwürdigkeiten der Gegend. Band 2. Sankt Petersburg, 1790. S. 384–385.

лизмом. Потому не удивительно, что те из них, кто думал остаться в России, решили застраховать будущее своих близких вступлением в организацию, созданную и руководимую представителями их же диаспоры. По воспоминаниям композитора Юрия Карловича Арнольда, Филармоническое общество «состояло из членов разных оркестров императорских театров и музыкальных учителей, которые преимущественно (по крайней мере 90%) были немцы, французы и итальянцы, но вся дирекция общества специально даже была составлена из немцев»¹.

Вполне естественно, что и устав сначала существовал только на немецком языке, а русская версия появилась лишь при подготовке к первому его изданию в 1807 г. (Ни одного экземпляра из этого тиража до наших дней не сохранилось.) Журнал Филармонического общества велся также по-немецки. С 1811 по 1861 г. все записи дублировались по-русски, но в последующие 20 лет русский язык опять исчез из документации. И только в 1881 г. журнал стали вести исключительно на русском языке, переводя на немецкий в случае крайней необходимости.

Учитывая финансовый успех концертов 1802 г., дирекция сохранила верность выбранному композитору и в грядущем сезоне. Дважды, с интервалом в неделю, 9 и 16 марта 1803 г. была исполнена оратория Й. Гайдна «Времена года».

О многочисленности оркестра в концертах Филармонического общества имеются свидетельства очевидцев, причём многие из них полагают, что в большинстве своём музыкантов подвигла к участию истинная и бескорыстная любовь к искусству. Действительно, подобную мотивацию имели так называемые «дилетанты», как сами себя называли просвещённые любители музыки дворянского сословия, часто в совершенстве владеющие каким-либо инструментом. Членов же Филармонического общества к участию на безвозмездной основе обязывал устав. Если по каким-то причинам музыкант не мог играть в оркестре, его назначали в помощники обслуживающему персоналу. Ясно, что дирекция экономила таким образом на гонорарах, а значит, увеличивала чистый доход от концертов.

«Сотворение мира» было не только первым произведением, исполнением которого Санкт-Петербургское Филармоническое общество громко заявило о себе 24 марта 1802 г., но и самым востребованным публикой, ведь согласно статистике эта оратория исполнялась 27 раз! Среди других «рекордсменов» концертного репер-

¹ Арнольд Ю. К. Воспоминания. Москва, 1892–1893. С. 171.

туара, пусть и не достигших подобных показателей, следует назвать «Реквием» В. А. Моцарта (10 исполнений, впервые — 23 марта 1805 г.), ораторию «Времена года» Й. Гайдна (8 исполнений, впервые — 25 февраля 1803 г.), кантату Моцарта «Каяющийся Давид» (8 исполнений, впервые — 27 марта 1807 г.), ораторию Л. ван Бетховена «Христос на масляной горе» (6 исполнений, впервые — 27 марта 1813 г.), ораторию Г. Ф. Генделя «Мессия» (5 исполнений, впервые — 21 марта 1806 г.)

В 1802 — 1846 гг. концерты проходили в принадлежащем тогда купцу Кусовникову доме № 30 по Невскому проспекту. Построенное по проекту Б. Ф. Растрелли здание до въезда в него Филармонического общества служило излюбленным местом проведения балов и маскарадов, но новые постоляльцы переоборудовали его в концертный зал, порававший воображение современников и ставший, выходясь за пределы языка, «объектом престижа». На это, собственно говоря, и рассчитывала дирекция, надеясь дополнительно раскошелиться на благотворительные нужды состоятельную публику.

Само собой разумеется, репертуар не строился исключительно на шедеврах. Как и любое другое концертное агентство, дирекция Филармонического общества рассчитывала на прибыль от своих мероприятий и потому догласкала исполнение популярны на тот момент произведений независимо от их художественной ценности. Именно это и отмечал композитор А. Н. Серов в одной из своих рецензий.

По мнению А. Н. Серова, сам выбор произведений, пусть и замечательно исполненных, ввиду своей антихудожественности находится в противоречии с объявленными задачами Филармонического общества, созданного с целью воспитания вкуса к истинно высокому искусству. Но критик вынужден констатировать, что «огромная зала Дворянского собрания полна, сбор огромный, следовательно, цель концерта достигнута»¹.

Дирекция реагировала на подобные выпады борцов за истинно высокое искусство с завидным спокойствием. Согласно общим положениям устава сбор от концертов шёл в фонд Кассы музыкантских вдов, а ведь их материальная поддержка и являлась одной из главных задач Филармонического общества.

Большую озабоченность вызывала у дирекции финансовая сторона. Первоначальная система денежных накоплений, исходившая из вступительного взноса в размере 50 руб. и ещё 100 руб. в виде

¹ Серов А. Н. Статьи о музыке. Вып. 2-Б. М.: Музыка, 1986. С. 291.

годовых платежей по 5 руб. в течение 20-ти лет, стала давать свои, так как музыканты умирали раньше, а их вдовы жили дольше, чем предполагалось при расчётах. Поэтому Филармоническому обществу пришлось дважды идти на непопулярные меры. В 1863 г. обща́я сумма годовых платежей удвоилась, так что вновь принятым членам следовало внести в кассу, помимо вступительного взноса, уже 200 руб. в расщорочку на 20 лет в виде годовых платежей по 10 руб. Пенсия же, размер которой равнялся 168 руб. в год, теперь больше не выплачивалась вдовам, снова вышедшим замуж. Законнорождённые дети вне зависимости от того, становились ли они круглыми сиротами, вышла ли их мать снова замуж или развелась с членом Филармонического общества до его смерти, имели право на получение пенсии до достижения ими 18-ти лет.¹

Но этот расчёт спустя несколько десятилетий тоже перестал экономически оправдывать себя. В 1901 г. обща́я сумма годовых взносов возросла до 625 руб., и её надлежало набрать в течение 25-ти лет платежами по 25 руб. Первоначальное правило, гласившее, что семья музыканта вместе с его вступлением в общество приобретает право на пенсию в случае его преждевременной кончины, также подверглось ревизии. С 1901 г. возможность эта предоставлялась только семье музыканта, по крайней мере, десять лет до своей смерти состоявшего действительным членом общества. В случае его кончины до истечения этого срока вдове полностью возвращались все взносы.

Несмотря на такие финансовые сложности, за период с 1802 по 1902 гг. Филармоническое общество выплачивало обещанные пенсии в полном объёме и вовремя. Их получали 215 семей на общую сумму 461329 руб.²

Среди почётных членов этой организации — их список к 1902 г. насчитывал 160 имён — значились имена Л. Керубини, Л. Шпора, Дж. Мейербергера, Г. Берлиоза, Ф. Листа, Р. Вагнера, П. Виардо-Гарсия, Г. Венявского, М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского, Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского, М. А. Балакирева, А. К. Глазунова и многих других знаменитостей отечественной и зарубежной музыкаль-

¹ Statuten der im Jahre 1802 gegründeten und allerhöchst bestätigten Philharmonischen Gesellschaft zu St. Petersburg und deren Witwen- und Waisenkasse. Санкт Петербург, 1866.

² Столетний юбилей С.-Петербургского филармонического общества. 1802–1902. Санкт-Петербург, 1902. С. 20–21.

ной культуры. Но особенно дорожили строители почётным членством Йозефа Гайдна.

Уже на шестом году существования общества дирекция поручила петербургскому золотых дел мастеру Карлу Леберехту изготовить памятную медаль с изображением лиры и именем Гайдна в обрамлении лавровых ветвей на одной стороне и посвящением «Петербургское филармоническое общество воскрещённому Орфею» на другой. Два первых экземпляра предназначались Александру I как покровителю и Йозефу Гайдну как духовному отцу организации. В прилагаемом к медали письме венскому композитору от 29 мая 1808 г. высокопарным слогом сообщалось:

«Директора здешнего филармонического общества спешат исполнить поручение, кое они относят к самым приятным и почётным в своей жизни. Им надлежит заверить бессмертному творцу своей безграничное уважение, каковым они, как и всякий любитель музыки, проникаются при имени Гайдна, а также передать слова искренней и заслуженной благодарности.

И этим неслыханным успехом мы обязаны повсеместно восхваляемому шедевру музыкального искусства — Вашему «Сотворению мира». Посему позвольте, милостивый государь, преподнести Вам в знак заслуженной и большой благодарности от названного общества прилагаемую к письму медаль»¹.

Несколько месяцев спустя дирекция получила почту из Вены. В ответном письме от 28 июля 1808 г. Гайдн благодарил за ценную награду:

«Сознание того, что я, пусть и отдалённый от вас большим расстоянием, способствовал утешению несчастных и осушил слёзы вдов и сирот, оживило мои иссякающие силы и скрасило счастливыми мгновениями сумерки моей жизни.

Да пребудет созданная для столь прекрасных целей организация в постоянном процветании и пускай впредь ей удаётся развивать таланты, поддерживать музыкальное искусство и ободрять благомыслящих людей к благотворительности»².

Вся история существования Санкт-Петербургского филармонического общества с 1802 по 1917 гг. убедительно доказывает, что напутствия его духовного отца были с честью претворены в жизнь.

¹ Rohlf S. F. Joseph Haydn. Band 3. Leipzig, 1927. S. 270.

² Ibidem. S. 271.

Библиография

1. Georgi J. G. Versuch einer Beschreibung der Rußisch Kayserlichen Residenzstadt St. Petersburg und der Merkwürdigkeiten der Gegend. Band 2. Sankt Petersburg, 1790.
2. Георги И. И. Описание российско-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях оного. Санктпетербург, 1794.
3. Альбрехт Е. К. Общий обзор деятельности высочайше утверждённого С.-Петербургского филармонического общества с приложениями и с проектом изменения его устава. Санкт-Петербург, 1884.
4. Арнольд Ю. К. Воспоминания. Москва, 1892–1893.
5. Spohr L. Selbstbiographie. Band 1. Kassel — Göttingen, 1860.
6. Journal des Luxus und der Moden, Nr. 8 für August 1805.
7. Серов А. Н. Статьи о музыке. Вып. 2-Б. М. : Музыка, 1986.
8. Statuten der im Jahre 1802 gegründeten und allerhöchst bestätigten Philharmonischen Gesellschaft zu St. Petersburg und deren Witwen- und Waisenkasse. — Sankt Petersburg, 1866.
9. Столетний юбилей С.-Петербургского филармонического общества. 1802–1902. Санкт-Петербург, 1902.
10. Rohlf C. F. Joseph Haydn. Band 3. Leipzig, 1927.

ТОСИН Сергей Геннадьевич,
кандидат искусствоведения,
доцент кафедры композиции,
Новосибирская государственная
консерватория (академия)
имени М. И. Глинки
lue@ngs.ru

Уничтожение православной традиции колокольного звона в СССР / Destruction of orthodox tradition of a peal in the USSR

Аннотация

В статье впервые исследуется вопрос о запрещении колокольного звона в СССР. Рассматриваются основные этапы антиколокольных кампаний, проводившихся советской властью в период с 1918 до середины 1960-х гг. В работе использованы архивные материалы, официальные документы и информация из периодической печати разных лет, а также труды современных авторов.

Ключевые слова

Колокольный звон; колокола; православная традиция; уничтожение колоколов.

Annotation

In this article for the first time the issue on prohibition of a peal in the USSR is investigated. The main stages of anti-bell campaigns spent by the Soviet authority in 1918–1960-th years are considered. For his analysis the author used archival materials, official documents and the information from the periodicals of different years, as well as works of modern writers.

Keywords

A peal; bells; orthodox tradition; destruction of bells.

После октября 1917 года, с образованием Советского государства, в нашей стране развернулась широкомасштабная и жестокая борьба новой власти с религией. Эта борьба продолжалась на протяжении всего периода существования социалистической империи. Причём ликвидация Церкви как общественного института проводилась преимущественно в двух направлениях: первое связано с изъятием или уничтожением материальных ценностей, в том числе духовно значимых, второе — с преследованием служителей религиозных культов. Основанием для реализации политики по первому пункту послужил декрет «О земле» от 26 октября (8 ноября) 1917 года, объявивший о национализации церковной и монастырской собственности.¹ Последствия данного акта оказались для Русской православной церкви (РПЦ) катастрофическими. Началось массовое закрытие (а порой и полное разрушение) храмов и монастырей, изъятие церковных ценностей и уничтожение православных святых.

Традиция колокольного звона уходила вместе с ликвидацией органов православия. Анализ материалов показывает, что на практике уничтожение в СССР данной традиции осуществлялось двумя методами: запрещением церковного звона, а также изъятием из обращения самих колоколов. Аспект, связанный с ликвидацией колоколов, раскрывается в отдельных трудах современных исследователей.² Тема же, посвящённая вопросу запрета колокольных звонов, отмеченными учёными пока не рассматривалась. Привлечь к ней пристальное внимание специалистов и осветить основные этапы борьбы государства, направленной на повсеместное запрещение звонов, — главная цель данной работы.

Исследование источников по истории РПЦ приводит к заключению, что в советское время наиболее губительными для русского православия оказались 1918 — 1924 годы, конец 1920-х — 1930-е, рубеж 50-х — 60-х годов XX века. (Особенно мощным и беспрецедентным натиском государства на Церковь характеризуются первые два из указанных периодов.) Усиление кампаний по запрещению колокольного звона естественным образом совпадает с хронологией событий на идеологическом фронте войны властей против РПЦ.

¹ Декрет о земле // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 18–20.

² См.: Виденева А. Е. К истории уничтожения ростовских колоколов // Колокола и колокольни Ростова Великого. Ярославль, 1995. С. 157–162; Козлов В. Ф. Гибель церковных колоколов в 1920–1930-е годы // Отечество. — 1994. — Вып. 5. — С. 143–161.

Запрещение звонов, причём не только церковных, в разное время имело как политическую, так и экономическую подоплёку. Политический аспект был особенно актуален в довоенное время — в разгар внутригосударственной классовой борьбы. Первый тревожный сигнал — сигнал на всю страну — прозвучал летом 1918 года. Согласно Постановлению Совнаркома «О набатном звоне» от 30 июля запрещалось звонить в набат. В этом документе, в частности, говорилось, что «виновные в созыве населения набатным звоном ... и тому подобными способами с контрреволюционными целями должны предаваться суду революционного трибунала»¹.

Оснований для появления названного документа, судя по всему, было более чем достаточно. Недовольное политикой большевистского правительства крестьянство начинает бунтовать. Напомним, к примеру, о крестьянском восстании в Пензенской губернии летом 1918 года. Эффективным средством созыва людей на общий сход, как известно, издавние являлся набатный (столодный) звон. Тем не менее, несмотря на вышедшее постановление, в народе продолжали обращаться к этой крайней мере. Так, в 1925 году ОГПУ докладывало руководству страны о том, что имели место «набатные звоны с созывом мирян», в том числе и «в Иваново-Вознесенской губ. во время снятия колоколов с колокольной бывшего монастыря, причём толпа снята колоколов не дага, а поставила охрану в 50 человек»². 20 мая 1927 года специальная комиссия горсовета прибыла в г. Кимры к Преображенской церкви с целью провести опись церковного имущества. Однако вовремя подоспевшие прихожане не допустили её в храм, выражая таким образом протест против его закрытия. Завонили в колокола. Толпа людей, как утверждают очевидцы, вскоре выросла до тысячи человек. За словесной перепалкой последовало рукоприкладство. Далее — аресты и суд «по делу контрреволюционного выступления Преображенских церковников». Результат — пять человек расстреляно, иные приговорены к разным срокам заключения.³ 16 января 1930 года в тамбовском селе Ново-Томниково была опечатана церковь. «Через 2 часа, — как сообщалось в сводке, — через набат сообразалась толпа ... в 400 человек, кричали бей ком-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. Т. 1. С. 452.

² Жирнов Е. «Не прекращается борьба за церковную каску» // Власть. — 2006. — № 2 (656). — С. 65.

³ Преображенская церковь : информационный сайт г. Кимры, публ. 21.11.2004. URL: <http://kimry.ru/modules/wfsection/viewarticles.php?cfegeon1=5>

сомолыцев и коммунистов. Ищите керосина, выжечь избу-читальню. Через 2 часа толпа разошлась. На место выбыли агенты УРО»¹.

В начале 1930-х годов рост числа массовых выступлений на религиозной почве сотрудники ОГПУ объясняли общим обострением классово-борьбы в деревне, «активизацией кулачества и антисоветских элементов, стремившихся объединить вокруг себя широкие слои населения и повести их на открытые антисоветские выступления, действуя на религиозные чувства крестьянства»². При этом согласно уверениям ОГПУ участники выступления, как правило, собирались по условному знаку — набатному звону.³ Сполошная традиция дожила до конца предвоенного десятилетия. Сошёлсь на случай, имевший место 29 июня 1937 года, когда в Ивановской области рабочие «Цветметаллолома» пытались снять колокола с церкви с. Губузово. Тогда, по словам местного прокурора, у церкви собралась толпа в 300 человек, которая не допускала рабочих к колоколам, билась набат и разослала гонцов в окрестные сёла. В итоге власти арестовали шесть человек.⁴

Таких примеров использования сполошного звона уже после обнародования упомянутого постановления можно привести ещё много. Вероятно, именно поэтому весной 1926 года появляется новый документ большевиков — инструкция «О порядке пользования колокольнями». Отныне звонить разрешалось не иначе как с ведома местных управленцев и по установленному ими порядку. Регламентировались и сами звоны, вплоть до конкретного использования колоколов.⁵

На местах дискриминационные меры в отношении церковного звона принимали порой более радикальные формы, значительно опережая решения центра. Между датами выхода упомянутых документов (1918 и 1926 гг.), так или иначе ограничивающих употребление звона, в 1924 году в муромской газете «Красный луч» (возможно, даже впервые) ставится вопрос «ребром»: «Своим обращением

¹ Центр документации новейшей истории Тамбовской обл. ф. 855. Оп. 1. Д. 19. Л. 242.

² Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922 — 1934) // Ин-т российской истории РАН; Центр. архив ФСБ РФ. М., 2003. Т. 7. С. 204.

³ Там же. С. 205.

⁴ Гос. архив Российской Федерации. ф. 5263. Д. 48. Л. 22.

⁵ Там же. Д. 58. Л. 87.

«к всевышнему» чёрная братия Благовещенского и Троицкого монастыря не даёт покоя угнетённому тяжёлой работой трудящемуся люду: ранним утром и вечером безудержно барабанят колокола... Моё предложение, — заключает анонимный автор, — запретить оглушительный звон, снять колокола и перелить медь на полезные машины»¹. Но пока призыв «запретить оглушительный звон» — всего лишь призыв, к стати, который то тут, то там подхватывается другими. Церковный звон вдруг становится помехой отдыху владимирских пожарников² и ярославских рабочих ремонтно-тракторной мастерской «Ярселькредсоюза»³; он мешает рабочим прядильной фабрики «Искра Октября» в Костроме⁴ и склада херсонского «Кредитсоюза»⁵, рабочим, служащим и учащимся Архангельска, Брянска, Самары, Смоленска и других городов⁶. Вот типичная для 20-х годов прошлого века газетная заметка, буквально в одну строку: «Запретить колокольный звон — предложение рабочих Горсовету заводов: толокенного, винокуренного и мельзавода № 10. По поручению обшего собрания — Я. Маланов»⁷. Вот другая заметка, отражающая к тому же пренебрежительное отношение к традиции: «Запрещение колокольного звона никоим образом не явится насильем над верующими, — обходятся же без звона магометане, евреи и даже наши сектанты. А пользу оно принесёт большую: не будет мешать рабо-

¹ Чернышёв В. Я. Муромские колокола // III Оловянинишниковские чтения. Ярославль, 1998. С. 18.

² Никольская церковь. Владимирская область // Русские церкви. Фото-справочник-путеводитель. URL: <http://russian-church.ru/viewpage.php?cat=vladimir&page=99>

³ Платонов О. Русское сопротивление на войне с антихристом // Православное информационное агентство «Русская линия»: публ. 8.11.2006. URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=110729>

⁴ Запретите колокольный звон // Хроника безбожного фронта: по материалам газеты «Северная правда» за 1929–1936 гг. (23.05.1929). URL: <http://www.kosnet.ru/~sccs44/hronika/hronica.htm>

⁵ Москаленко В. Трудная дорога к храму // В гору. URL: <http://www.vgoru.org/modules.php?name=News&file=article&sid=2600>

⁶ Козлов В. Ф. Гибель церковных колоколов в 1920–1930-е годы // Отечество. — 1994. — Вып. 5. — С. 148.

⁷ Маланов Я. Запретить колокольный звон // Хроника безбожного фронта: по материалам газеты «Северная правда» за 1929–1936 гг. (30.08.1929). URL: <http://www.kosnet.ru/~sccs44/hronika/hronica.htm>

тать и отдыхать трудящимся и даст много цветного металла нашему строительству»¹.

Призывы с мест были услышаны в Москве. 6 декабря 1929 года НКВД своим органам на местах дал указание запретить «так называемый трезвон или звон во все колокола» и «разрешить постановлением местных органов власти звон в малые колокола установленного веса и в установленное время по просьбе религиозных организаций»². Таким образом, антиколокольная кампания завершилась на высшем уровне. Окончательно она была узаконена с принятием 16 декабря 1929 года Президиумом ВЦИК Постановления «Об урегулировании колокольного звона в церквях», фактически его запрещавшего.³ Руководитель Союза воинствующих безбожников Е. Ярославский, делая тогда доклад на исполнительном бюро Центрального совета СВБ «О пятилетнем плане работы безбожников», с удовлетворением отметил: «Несколько лет назад мы очень робко намечали программу борьбы с колокольным звоном. На заседании антирелигиозной комиссии даже при некотором сопротивлении со стороны руководящих товарищей мы провели постановление о том, что необходимо разработать в законодательном порядке закон, по которому в местах большого скопления рабочих и учрежденный надолго запретить колокольный звон, но не окончательно, а, оставив колокола определённого небольшого веса, звонить в отдельные часы, запретить общий «Красный звон»...»⁴.

С момента принятия решения ВЦИК запретительные документы относительны колокольного звона начинают появляться на местах. В 1929 году постановлениями горсоветов запрещаются звоны в Архангельске⁵ и Вологде (29 декабря)⁶, в 1930-м — в Петрозаводске

¹ Рой В. Почему медлит Горсовет // Хроника безбожного фронта: по материалам газеты «Северная правда» за 1929–1936 гг. (14.05.1929). URL: <http://www.kosnet.ru/~сссд4/хроника/хролика.htm>

² Перельгин А. И. Русская православная церковь на Орловщине в годы политических репрессий // Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Орёл, 1996. Т. 3. С. 12.

³ Спасенкова И. В. Церковная жизнь Вологды 1920-х–1930-х годов // Вологда. 2000. Вып. 3. С. 22.

⁴ Ярославский Е. О пятилетнем плане работы безбожников // Безбожник. — 1929. — № 6. — С. 20.

⁵ Козлов В. Ф. Гибель церковных колоколов в 1920–1930-е годы. С. 147.

⁶ Гос. архив Вологодской обл. Ф. 366. Оп. 1. Д. 282. Л. 112.

(1 февраля)¹, Ростове (28 февраля)², Ярославле и Пскове³, а также в ряде других городов. Судя по материалам тех лет, решение данного вопроса было делом непростым. Поэтому далеко не везде местные власти могли оперативно реагировать на требования центра. Например, с явным запозданием принимаются соответствующие резолюции в Семипалатинске (1932 г.)⁴ и Ленинграде (1933 г.)⁵. На практике реализация планов по запрещению колокольного звона тоже шла с трудом. Так, в упомянутом Семипалатинске спустя два года после вынесенного постановления по данному вопросу, в 1934-м, горсоветом ещё принимаются решения о запрещении звонов в отдельных храмах города.⁶ Не лучше обстоят дела и на селе. В Ленинградской области кампания, начавшись в январе 1930 года, затянута до февраля 1935-го.⁷

Как нам известно, в марийском городе Йошкар-Ола в 1932 году кампания по запрещению церковного звона всё ещё продолжалась. На примере её проведения можно получить достаточно полное представление о технологической стороне осуществления акций подобного рода. В тот год пролетарский праздник 1 Мая совпал с православной Пасхой. В связи с этим 17 апреля 1932 года в Йошкар-Оле было проведено общегородское собрание представителей от различных профсоюзов. На нём рассматривался план проведения первомайского праздника и антипасхальных дней. В итоге было принято постановление, где, помимо прочего, указывалось: «В подшефных колхозах... провести летучие митинги и собрания с разъяснением антирелигиозной пропаганды, требовать прекращения колокольного звона...»⁸.

¹ Святодуховский кафедральный собор // Карелия — Русский Север: Энциклопедия Карелии. URL: http://www.k2000.ru/sv_sobor/

² Ростовский филиал Гос. архива Ярославской обл. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 35. Л. 70–78.

³ Регельсон Л. Трагедия Русской церкви. 1917–1945. Париж, 1977. С. 174, 176.

⁴ Воскресенский собор. Официальный сайт: Митрополитичий округ Казахстана // Русские церкви. Фотосправочник-путеводитель. URL: <http://russian-church.ru/mewpage.php?sat=kazakhstan&page=2>

⁵ Центральный гос. архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 69. Д. 22. Л. 18.

⁶ Титаев Е. Погибшие храмы Семипалатинска // Простор. — 1996. — № 11. — С. 27.

⁷ Стрельникова Е. Изъятие колоколов // Фералонтово. URL: <http://www.feralontovo.ru/index.php?3?id=424>

⁸ Гос. архив Республики Марий Эл. Р-250. Оп. 1. Д. 1266. Л. 22.

18 апреля в газете «Марийская правда» печатается статья, призывающая запретить колокольные звоны, а сами колокола сбросить с колоколен. С такой инициативой, как отмечалось в тексте, выступили рабочие местной типографии.¹ На следующий день организуется собрание в трудовых коллективах электростанции, кирпичного завода и госбанка², а также в педагогическом институте.³ Далее, уже 20 апреля, эстафету подхватывают поливочная, сапожная и кондитерская мастерские.⁴ Наконец, 21 апреля проходит профсоюзное собрание в Мароблисполкоме.⁵

В сложившейся ситуации городской совет Йошкар-Олы вынужден, «идя навстречу единодушно выраженной желанием рабочих масс, трудящихся, профсоюзных организаций и всей советской обществу общности о прекращении колокольного звона в церквях г. Йошкар-Ола и учитывая, что колокольный звон отвлекает от работы и понижает производительность труда служащих государственных учреждений, благоприятной и обществу организации, особенно находящейся вокруг церквей, ходатайствовать перед комиссией по рассмотрению религиозных вопросов при Марийском облисполкоме воспретить колокольный звон в Вознесенской и Троицкой церквях на всё время»⁶. 28 апреля 1932 года указанная комиссия удовлетворила данное ходатайство.⁷

Активная фаза кампания по запрещению церковного звона к середине 30-х годов XX века спадает и затем, похоже, вообще сходит к нулевой отметке. К такому выводу мы приходим на основании результатов анализа весьма многочисленных материалов того периода. По нашим данным, последнее упоминание о прекращении звонотносится к 1935 году. В том году, 26 октября, вышло постановление президиума Калининского облисполкома № 481 следующего содержания: «На основании циркуляра № 2 постоянной комиссии по воп-

¹ Востриков В. Г. От запрета колокольных звонов к разрушению храмов // Йошкар-Олинская епархия РПЦ. URL: <http://matf.eparha.ru/konfer/2003/vostikov/>

² Гос. архив Республики Марий Эл. Р-250. Оп. 1. Д. 1266. Л. 9.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 17–19.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Воскресенский собор. Официальный сайт: Митрополичий округ Казахстана // Русские церкви. Фотосправочник-путеводитель. URL: <http://russian-church.ru/viewpage.php?cat=kazakhstan&page=2>

росам культа при президиуме ВЦИК от 8 июня 1933 г. постановление Каменского РИКа о прекращении колокольного звона и снятии колоколов в церквях сёл: Заовражье, Прямухино, Сурушино, Баранья Гора, Ново и Печниково утвердить»¹. С этого времени на протяжении ряда лет в известных нам письменных источниках данный вопрос больше не упоминается. Значит, он потерял свою актуальность (вероятно, в силу выполнения поставленной задачи). Поэтому полагаем, что именно в середине 1930-х годов колокольный звон был прекращён повсеместно. Наше предположение подтверждается и документально, на уровне Совнаркома СССР: «По ... территории Союза колокольный звон в церквях ... прекращён в разное время, примерно в период с 1927 по 1937 гг.»².

Только почти через 10 лет, в 1945 году, высшей властью страны даётся разрешение на возобновление церковного звона: выходит постановление СНК СССР «По вопросам отношения к православной церкви и монастырям». В нём наряду с другими уступками оговаривается и данный аспект.³ Однако упомянутое разрешение следует понимать скорее как политический жест. По большому счёту, оно мало что меняет: как станет ясно из материалов, изложенных несколько ниже, колоколов к тому времени почти не останется.

Любопытно проследить некогда секретные документы 1945 года из личного фонда В. Молотова, имеющие прямое отношение к данному вопросу. В одном из них, за подписью председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР Карпова (от 10 января 1945 г.), высказывается предложение «разрешить повсеместно колокольный звон в церквях». При этом выясняются интересные факты. Во-первых, что касается территорий, ранее не входивших в СССР (западных областей Украины и Белоруссии, прибалтийских республик: Эстонии, Латвии и Литвы), а также населённых пунктов, подвергавшихся временной немецкой оккупации, то в одном случае не прекращавшийся, в другом возобновившийся при немцах колокольный звон, как указано в документе, «производится и в настоящее время»⁴. Во-вторых, на всей остальной части страны звонов нет вообще. Приведённые факты, да ещё на фоне лояльного отношения государства к РПЦ в данный исторический период, думается, послужили причиной для

¹ Нарский А. Р. Церковь Казанской иконы Божией Матери в д. Сурушино // Православная Тверь. — 2006. — № 1. — С. 7.

² «Колокольный звон разрешить» // Родина. — 2005. — № 4. — С. 79.

³ Гос. архив Оренбургской обл. Р-1591. Оп. 1. Д. 48. Л. 4.

⁴ «Колокольный звон разрешить»...

поднятия вопроса о разрешении церковного звона по всей стране. С одной стороны, на новых территориях СССР запрещение звона могло бы привести к нежелательным последствиям, с другой — ситуацию, вероятно, необходимо было выравнивать, тем более что, как гласит указанный документ, «в Совет (СНК СССР — С. Т.) поступают заявления от групп православных приходов, главным образом, из областей, граничащих с территорией, подвергавшейся оккупации, с просьбой разрешить колокольный звон в церквях»¹.

На основании представленного документа Молотовым и Карповым в январе 1945 года было подписано Распоряжение, в котором указывалось: «Предложить Совнаркому Союзных и автономных республик, исполкомам обл (край) Советов депутатов трудящихся без уважительных причин не чинить препятствий к производству колокольного звона в действующих православных церквях и молитвенных домах, при наличии в них церковных колоколов»². Таким образом, с формальной стороны вопрос о церковном звоне был решён положительно, и, казалось бы, для его практической реализации больше препятствий нет. Однако следует обратить внимание на заключительный оборот в формулировке текста данного распоряжения: «...при наличии в них церковных колоколов». Именно он, не лишённый некоторой тени лукавства, накладывал весьма определённые ограничения и в значительной степени тормозил процесс полного восстановления колокольного звона. Повторяем ещё раз: ко времени выхода вышеуказанных постановлений, распоряжений и т. п. в стране колоколов почти не осталось: многие храмы (за единичными исключениями) лишились их либо полностью, либо частично. Разрешать же размещение на колокольных дополнительных колоколов, как мы понимаем, власти не намеревались. Тем не менее, несмотря на это, согласно Постановлению СНК СССР за № 2137-546с от 22 августа 1945 года, в некоторых храмах звоны действительно были возобновлены, в том числе и в отдельных церквях Москвы, включая патриарший собор.³

К концу 40-х — началу 50-х годов прошлого столетия наблюдается откат от либеральной политики Советского государства в отношении к РПЦ. И тут же на местах вспоминают о практике запрещения колокольного звона, имевшей место в 1930-х. Например, в

¹ «Колокольный звон разрешить»...

² Там же.

³ Там же. С. 81.

карельском городе Олонек в 1950 году вдруг выясняется, что звоны Никольского собора якобы мешают учебному процессу в соседней школе и срывают там уроки.¹ Однако акции того времени, направленные против «голоса церкви», носили эпизодический характер и проводились лишь на периферии. К началу 1960-х годов, во времена «хрущёвской оттепели», в связи с новым ужесточением церковной политики государства о колокольном звоне вспоминают уже не только в провинции, но и в Москве. В 1961 году принимается и утверждается ЦК КПСС «Инструкция по применению законодательства о культах», предусматривающая наряду с другими мерами и ограничение колокольного звона.² Появлению этого документа предшествовала кампания по запрещению колокольного звона, развёрнутая на периферии ещё в 1960 году. В качестве примера укажем на решение Новгородского горисполкома, который в декабре названного года вынес соответствующую резолюцию.³

Примечательно, что в ходе проведения данной кампании речь уже не шла о массовых акциях: в требованиях «снизу», в печати или официальных постановлениях местных органов власти по запрещению (ограничению) звона в начале 1960-х годов фигурируют либо отдельные храмы, либо разрозненные населённые пункты областей. В этом отношении весьма красноречивы и конкретны по содержанию постановления Вологодского облисполкома: «Об ограничении колокольного звона в г. Устюжне» (1962)⁴ и «Об ограничении колокольного звона в Богородской церкви г. Вологды» (1963)⁵. Другой пример тех же лет — запрет на звоны в церкви Казанской иконы Божией Матери в п. Томаровка Белгородской области.⁶ Факт отсутствия прежней массовости в характере проведения данной кампании весьма показателен сам по себе и вполне объясним с точки зрения условий, в которых она проходила: к началу 60-х годов XX века на территории страны осталось не так уж много церквей, где звонили в колокола.

¹ Кожевникова Ю. Судьба собора // Сретение : православное приложение к газете «Карелия». — 1998. — № 19 (40). — С. 18.

² Законодательство о религиозных культах : для служ. пользов. М., 1969. С. 143.

³ Под грифом «Секретно»: Лихолетье // Новгород. — 1998. — № 38 (436). — С. 4.

⁴ Гос. архив Архангельской обл. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 101. Л. 104.

⁵ Там же. Д. 255. Л. 67.

⁶ Культура // Официальный сайт Яковлевского р-на Белгородской обл. URL: <http://yakovl-adm.lagod.ru/kult.htm>

Запрещение колокольного звона, особенно в довоенное время, нанесло сокрушительный удар по православной колокольно-звонной традиции. Если не полностью, то в основном была разорвана система внутренних связей на уровне преемственности поколений звонарей, носителей данной традиции. А это, как известно, одно из главных условий её функционирования. Тем не менее об окончательном исчезновении искусства колокольного звона сегодня речи не идёт. К тому моменту, когда на этот феномен обратили внимание современные исследователи национальной культуры, в отдалённых местах российской глубинки и крупных православных центрах колокольная традиция была ещё жива. Она сохранилась в лице последнего, уходящего, поколения потомственных звонарей, и своевременное возникновение научно-практического интереса, а позднее изменение общественно-политической ситуации в стране создали предпосылки для широкомасштабного восстановления и дальнейшего развития традиции колокольного звона.

Библиография

1. Виденеева А. Е. К истории уничтожения ростовских колоколов // Колокола и колокольни Ростова Великого. Ярославль, 1995. С. 157–162.
2. Козлов В. Ф. Гибель церковных колоколов в 1920–1930-е годы // Отечество. — 1994. — Вып. 5. — С. 143–161.
3. Колокола: История и современность / сост. Ю. В. Пухначёв. М., 1985. 304 с.
4. Колокола: История и современность. 1990 / сост. Ю. В. Пухначёв. М., 1993. 288 с.
5. Колокольные звоны России / сост. В. С. Мартышин. М., 1990. 112 с.
6. Музыка колоколов / сост. А. Б. Никаноров. СПб., 1999. 272 с.
7. Никаноров А. Б. Колокола и колокольные звоны Псково-Печерского монастыря. СПб., 2000. 192 с.
8. Оловянишников Н. И. История колоколов и колокологолитейное искусство. 4-е изд. М., 2003. 520 с.
9. Пухначёв Ю. В. Загадки звучащего металла. М., 1974. 128 с.
10. Тосин С. Г. Звонница на рубеже тысячелетий. Новосибирск, 2003. 132 с.
11. Тосин С. Г. Колокола и звоны в России. 2-е изд. Новосибирск, 2002. 412 с.
12. Ярешко А. С. Колокольные звоны России. М., 1992. 136 с.

АСПЕКТЫ

*ЖУКОВА Ольга Анатольевна,
доктор философских наук, профессор,
доцент, декан факультета дизайна,
Столичная финансово-гуманитарная
академия*

*(logoscultura@yandex.ru),
АЗИЗОВА Наиля Руслановна,
кандидат исторических наук,
докторант кафедры культурологии,
Краснодарский государственный
университет культуры и искусства
(hit2310@yandex.ru)*

Проблема сохранения и развития традиционной культуры локально- этнических групп / The issue of preservation and development of traditional culture of the local ethnic groups

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме сохранения и возрождения традиционной культуры локально-этнических групп. Отмечается важная роль поликультурного региона в сохранении и развитии традиционной культуры. Кроме этого, в статье рассматриваются наиболее актуальные проблемы и вопросы, связанные с этнокультурными процессами и глобальными переменами в российском обществе. В работе делается вывод о том, что только объединение усилий специалистов и энтузиастов, общественных учреждений и органов власти может спасти уникальную часть культурного наследия, собрать культурную самобытность района.

Ключевые слова

Традиционная культура; проблема возрождения; этнические группы; культурное наследие.

Annotation

Given article is devoted to the issue of preservation and development of traditional culture of the ethnic groups. The multicultural region plays the important role in preservation and development of traditional culture. Besides that, the most actual problems and issues connected with ethnic and cultural processes and global changes in Russian society are discussed. It is concluded that only association of efforts of experts and enthusiasts, public institutions and authorities can rescue a unique part of a cultural heritage, save up the cultural originality of the area.

Keywords

Traditional culture; problem of rebirth; ethnical groups; culture heritage.

В ходе подготовки данной статьи были собраны и проанализированы нормативно-правовые, делопроизводственные документы, статистические и публицистические материалы для освещения основных задач сохранения и развития национальных культур на территории Астраханской области в период с конца XX — начала XXI веков.

Открытие российского общества внешним информационно-культурным потокам обуславливает дестабилизацию всего социокультурного пространства России, нарастание энтропийных тенденций во всех сферах жизни общества, что находит своё выражение в этническом ренессансе, сепаратизме и этнонационализме, в разрыве связей со своим собственным народом, ослаблении и разрушении общих духовных и институциональных основ интеграции российского общества, архаизации локальных культур.

Можно сказать, что в этом процессе в большей степени страдает среда всего остального традиционная культура локальных этнических групп. Практически повсеместно в них (группах. — Н. А.) происходит разрушение традиционного образа жизни, хозяйственного уклада, ослабление традиционных межкультурных связей и социальных структур, основанных на непосредственных межличностных контактах (семейных, родственных, соседских, общинных), сужается их ареал. Носители классических фольклорных традиций утрачивают бытовую однородность вследствие усиления миграционных процессов из села в город, с одной территории на другую. Постепенно происходит вытеснение исторических традиций унифицированными стандартами, подкрепляемое процессами вестернизации, американизации российской культуры под влиянием средств массовой информации (радио, телевидение, пресса). Всё вышеперечислен-

ное подбивает устои естественного механизма. Исследователи отмечают подавление этнической культуры массовой культурной продукцией, поп-роком и другими направлениями современной культуры. Ещё есть отдельные территории и поселения, где сохранились носители аутентичной традиции, но нередко никому её передавать, так как там или не осталось молодёжи, или нет интереса к традиционной культуре прошлого.

Одной из таких территорий является Нижнее Поволжье — уникальный полиэтнический регион, по разнообразию форм малой традиции не имеющий себе равных ни в России, ни в Европе. В течение многих веков этот регион, находящийся на юге страны, является лабораторией, где осуществляется синтез различных культурных начал: православной, исламской и буддистской традиций. Такое взаимодействие религий известным поэту Велимиру Хлебников называл «треугольник Христа, Будды и Магомета»¹.

Этнический ренессанс локальных этнических групп Астраханского региона связан с тенденциями возрождения их традиционной культуры, активность которого обусловлена рядом причин. Во-первых, в нём находит своё выражение ответная реакция на запрет сакральных действий в отношении культурных традиций в советскую эпоху. Большая часть населения Астраханской области мусульмане, и традиционная культура в первую очередь связана с исламскими культурными традициями. Во-вторых, в условиях развития светской культуры и сужения сферы этнокультурной специфики ислам становится главным этнодифференцирующим признаком астраханских татар. Общей причиной исламского возрождения является также ставка власти на религиозно нравственного климата в российском обществе в условиях мировоззренческого и ценностного вакуума.

Однако феномен исламского возрождения у народов региона носит весьма неоднозначный характер. С одной стороны, он демонстрирует устойчивость ислама, его способность адаптироваться к изменяющимся социальным реалиям, с другой — он уже не играет той роли в жизнедеятельности народов, которую играл прежде. Причинами трансформации ислама являются: специфика самого ислама, существовавшего в регионе в наиболее толерантной, либеральной форме ханафитского мазахба, и специфика его существования

¹ Мамаев А. А. Астрахань — «треугольник Христа, Будды и Магомета» // Арабист. Хлебниковед. Человек: Сборник статей памяти М. С. Киктева. М, 2007. С. 268–280.

в условиях инокультурного доминирования, где он никогда не занимал главенствующего положения, а также последствия длительного периода модернизации всего образа жизни локальных групп исламских народов, населяющих Астраханский край, и разобщённость исламской элиты. Поэтому на сегодняшний день ислам не представляет реальной угрозы политической стабильности в астраханском регионе, а локальные группы мусульманских народов по своим социальным характеристикам оказываются гораздо ближе к своим соседям — русским.

Уже в XIX — XX веках переселившиеся на эту территорию этносы с разных территорий России определили основные черты региона:

— полиэтничность культуры;

— своеобразие культуры, явившееся результатом прямого взаимодействия европейских и азиатских культур.

На уровне региональных сообществ сложились уникальные культурные модели. На протяжении длительного времени властями Астраханского региона, областными и районными органами муниципальной власти прослеживалось отсутствие внимания к национальным процессам, нивелировалось культурные особенности народов, людей любых национальностей переводили на обучение и общение только на русском языке, уничтожались перспективные населённые пункты, что привело к подрыву устоев традиционного быта многих национальных групп, нравственных норм их жизни, к потере национальных языков и многих явлений народной и профессиональной культуры. Все эти проблемы в наибольшей степени относятся к городской власти и администрации Астраханской области.

В последние 15 лет перед Администрацией и Министерством культуры Астраханской области стоит вопрос возрождения, сохранения и развития национальных традиций, обычаев и использования культурного наследия, национальностей, представители которых проживают на территории данного региона.

В Астраханской области из учреждений, непосредственно формирующих и осуществляющих государственную культурную политику, кроме Департамента культуры, искусства и кино, является его структурное подразделение — Областной методический центр национальной культуры (ОМЦ НК). 6 мая 1991 года в структуре Научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительской работы (ныне ОМЦ НК) был сформирован отдел развития национальных культур. В 2002 году он был реорганизован в отдел традиционной народной культуры. Отдел ставит своими задачами реализацию программы сохранения и возрождения традиционной

культуры локальных групп народов Астраханской области, целенаправленную научно-методическую деятельность по её изучению, создание фольклорных фондов, организацию и проведение фольклорно-этнографических экспедиций, осуществляет широкую издательскую деятельность и др. При этом большое значение придается сотрудничеству с работниками сельских домов культуры.

Однако процесс изучения и сохранения традиционной народной культуры имеет не только научный, теоретический аспект, но и практический. Наряду с праздниками советской эпохи, сохранившимися статус государственными общественными праздников, в наши дни всё большую популярность приобретают национальные: русские праздники Святки, Троица, День славянской письменности и культуры, татарский Сабантуй, праздник тюркских народов Наурыз, калмыцкий праздник Цаган-Сар, еврейские праздники «Пурим» и «Ханука», которые проводятся государственными, общественными национальными организациями и спонсируются, таким образом, возрождению и сохранению подлинной традиционной культуры народов края.

Проблемы сохранения традиционной культуры тесно смыкаются с проблемами возрождения национальных культур. В связи с этим перспективным представляется деятельность национально-культурных обществ (НКО), которых в области насчитывается уже более 20-ти (например, татарское общество «Дуслык», казачское «Жолдастык», ногайское «Бирлик», туркменское «Ватан», узбекское «Узбекистон», азербайджанское «Хазар», немецкое «Хоффунг», армянское «Арев», еврейское «Тхив», калмыцкое «Хальмг» и др.). Каждое из них ставит своей целью сохранение и развитие национально-культурного наследия своего народа и поддержание дружеских контактов с другими этносами.

Результаты деятельности этих обществ ярче всего проявляются в ходе подготовки и проведения традиционных областных праздников и фестивалей, которые дают возможность представителям разных этносов познакомиться с материальной и духовной культурой друг друга и тем самым способствуют сохранению ситуации межнациональной и межконфессиональной толерантности в регионе.

Деятельность таких народных коллективов, как казахский ансамбль «Шалкыма», татарский народный фольклорный ансамбль «Ялкын», армянский ансамбль «Арев», направлена на популяризацию фольклора и отражает национальную специфику народов Астраханского края. На базе фольклорных традиций поволжских немцев действует детский немецкий ансамбль «Капелька». Для народного коллектива «Бударочка» характерно использование жанров местного

фольклора. Направленностью на развитие творческих способностей детей, их воспитание в семье на фольклорной основе отличается домашний театр «Балаганчик». Лучшие традиции Астраханского государственного драматического театра «Вулкан», прекратившего свою деятельность в середине 40-х годов прошлого века, продолжает татарский народный театр, действующий в наши дни под руководством режиссера Р. К. Джаббарова.

Среди наиболее серьёзных проблем, с которыми столкнулись представители локальных групп Астраханской области в последние годы, — современное состояние национальных языков. Если для русского языка характерны процессы оскудения разговорной речи, сильного влияния средств массовой информации в плане его стандартизации, роста числа языковых штампов и клише (при этом он остаётся языком активного владения практически всех русских), то проблема языка у локальных групп оказалась иной. В их семьях родной язык существует лишь на бытовом уровне, в домашней обстановке. Теперь, когда появилась возможность изучать язык своих предков, оказалось, что в школах, институтах, на курсах изучают, например, татарский язык, который является вторым государственным языком Республики Татарстан, но не многочисленными диалекты, бывавшие у локальных групп астраханских татар.

Таким образом, у этих групп астраханских татар, проживающих в крупных городах, постепенно складывается особый тип этнокультурной идентификации, лишённый собственно этнической подпитки (имеется в виду прежде всего аутентичная российско-татарская среда, владение родным языком). Этот тип формируется на основе знакомства с татарским культурным материалом: современным литературным татарским языком, татарским классическим искусством — музыкой, литературой, современным искусством Татарстана, включая живопись, кино, театр. А социально-политической составляющей данного типа идентификации является отказ от советской культурной унификации.

В связи с этим в регионе функционирует система подготовки кадров (учителей родного языка) в училищах края, реализуется соглашение о сотрудничестве, подписанное Министерством образования Астраханской области и Республики Татарстан в мае 2006 года.¹

Важным результатом работы по сохранению традиционной культуры является накопление научными учреждениями и фондами, му-

¹Торжское просветительство и просвещение в Астраханском крае: прошлое, настоящее и будущее. Астрахань, 2007. С. 3.

зеями, центрами традиционной народной культуры, образовательными учреждениями материалов по фольклору и этнографии Астраханской области, предметов народного быта и изделий художественных промыслов. Именно фактологическая база, созданию которой в области уделяется большое внимание, позволяет сейчас уверенно развивать практическую работу по восстановлению народных традиций и по сути является гарантом её качества.

В последние годы в связи с восстановлением народных традиций мы можем наблюдать так называемый «взрыв этничности». Таким образом, в силу ряда объективных причин за почти 20-летнее развитие страны культурная неоднородность населения возросла. В вопросе этнического ренессанса нельзя не отдать должного вновь создаваемым национально-культурным центрам, фольклорно-этнографическим объединениям и творческим коллективам, целью деятельности которых является популяризация традиционной культуры. Динамика роста всех показателей за последние пять лет характерна для всех учреждений культуры без исключения: увеличилось обеспечение ортехникой, возросла зарплата работников, повысилась сумма доходов, выше цифры расходов местного бюджета, выделяемых на проведение мероприятий, и многое другое.

Содержательная часть работы учреждений культуры стала разнообразнее, богаче и ярче, она не спонтанна, а является следствием согласованной, базирующейся на целевых программах по сохранению и развитию национальных культур. Все программы разработаны на основе сотрудничества с национально-культурными центрами, представителями различных конфессий, отделом по молодёжной политике Администрации района, школами, средствами массовой информации и т. д. Дальнейшее возрастание значения традиционной культуры локальных групп и усиление интереса к ней являются наиболее перспективным направлением в работе учреждений культуры Астраханского региона. Их основные задачи:

— сохранение и развитие имеющегося культурного потенциала в районе;

— формирование нового механизма культурной преемственности; — формирование толерантного отношения к иноэтническим культурам;

— изучение национальных языков;

— непрерывное эстетическое воспитание подрастающего поколения на традиционной национальной основе;

— передача народного наследия.

Взаимопроникающее развитие национальных культур способ-

стает взаимному культурному обогащению народов различных национальностей, воспитанию в духе народных традиций подрастающих поколений.

Геополитическое расположение Астраханской области определяет своеобразие её культурной жизни при поддержке местных органов власти. На протяжении ряда лет постоянно ведётся работа по выявлению мест компактного проживания представителей различных этносов, определению базы развития национального наследия при остановке процесса ассимиляции. В настоящее время полностью решить все национальные проблемы и проблемы культуры до конца невозможно, но главные задачи, способные объединить россиян и обеспечить гражданское согласие, необходимо решать сообща: сохранить все проживающие в Астраханском регионе народы, включая этническую, экономическую и социальную структуры; отрегулировать механизмы защиты здоровья и детства, духовно-нравственного воспитания населения; решить задачи по созданию атмосферы внутреннего единения и взаимоповажения представителей всех народностей, здесь проживающих.

Исследуя реальные проявления в области возрождения, сохранения и развития национальных культур Астраханской области, можно сделать вывод, что в настоящее время этот регион должен быть приоритетным. Только объединение усилий специалистов и энтузиастов, общественных учреждений и органов власти может спасти уникальную часть культурного наследия, сберечь культурную самобытность района. Процесс генезиса, развития и окончательного сложения Поволжского региона явился результатом сложного взаимодействия разновременных этнических и культурных потоков различного происхождения, в том числе тюркских, монгольских и славянских племён.

Таким образом, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что проблема сохранения, развития и возрождения традиционной народной культуры в Российской Федерации в целом и в регионах в частности должна рассматриваться как одна из ведущих проблем современности и решаться на общенациональном и государственном уровнях.

Библиография

1. Мамаев А. А. Астрахань — «треугольник Христа, Будды и Магомеда» // Арабист. Хлебниковед. Человек: Сборник статей памяти М. С. Киктева. М., 2007. С. 268–280.
2. Тюркское просветительство и просвещение в Астраханском крае: прошлое, настоящее и будущее. Астрахань, 2007. С. 3.

КАРЛОВА Евгения Михайловна,
аспирантка отдела искусства
стран Востока, Институт искусствознания,
научный сотрудник отдела Южной Азии,
Государственный музей Востока
suvalga@arsasiatica.com

Орисская живопись патта. История изучения / Pata paintings of Orissa. Studying history

Аннотация

В статье раскрывается путь, которым европейские и американские исследователи приближались к пониманию ценности народного индийского искусства. Предметом исследования автора является связанная с ориссским культуром Джаганнатха живопись патта-читра. Образцы этого традиционного искусства стали объектом коллекционирования в середине прошлого века и с тех пор всё более привлекают внимание искусствоведов и собирателей со всего мира.

Ключевые слова

Индия; Орисса; патта-читра; живопись; народное искусство; Джаганнатх.

Annotation

In the article describes how the European and American researchers came nearer to understanding of value of folk Indian art. The object of research is the pata paintings from Orissa which are connected with Jagannath cult in Puri. These objects of traditional art fall into collectors hands in the middle of the last century and since then they draw attention of critics all over the world.

Keywords

India; Orissa; folk art; painting; Jagannath.

Орисская традиционная живопись на ткани, известная под общим названием «*пата-читра*»¹, возникла как один из элементов культа популярного восточно-индийского божества *Джаганнатха*. Центр поклонения *Джаганнатху* расположен в небольшом городе Пури в восточно-индийском штате Орисса. Соответственно и сама орисская живопись *пата*, или *пата-читра*, провозводится в основном в Пури и прилегающих округах — Ганджам, Каттак и др. Современные исследователи считают, что живопись *пата-читра* возникла в Пури практически одновременно с постройкой храма *Джаганнатха* в начале XII века. Существуют три основных центра производства живописи *пата* в Ориссе: непосредственно Пури — город, где расположен храмовый комплекс *Джаганнатха*, и близлежащие деревни Ратхураджпур и Дандасахи.

Первые интерес зарубежных исследователей к живописи *пата-читра* появились в середине XX века благодаря деятельности и предпринимчивой супруге американского проповедника, по заданию общины оказавшегося в Восточной Индии. В 1951 г. американская добровольческая квакерская организация (AFSC) реализовывала один из своих проектов в округе Самбартали в Ориссе. Директором этой организации в период с 1952 по 1954 годы был Филипп Элли, который вместе со своей супругой Галиной спровоцировали в живописи *пата* то, что применительно к разным народным ремёслам Индии называют «возрождением». Ещё будучи в Ориссе, Галина регулярно писала отчёты для своей организации, пересылая их в головной офис AFSC в Америку. В них она не раз упоминала орисскую народную живопись, и в итоге копия её мартовского отчёта за 1952 г. попала на стол В. Норману Брауну, специалисту по Южной Азии из Университета Пенсильвании. Тот связался с профессором Стеллой Крамриш, роль которой в изучении памятников орисского искусства и письменных источников невозможно переоценить, а та в свою очередь обратилась к своим знакомым в нескольких американских музеях и предложила им приобрести для своих коллекций работы орисских художников.²

Галина Элли занялась организацией поставок *пата-читра* в западные музеи и галереи. Она взяла на себя заботу о поиске постоянных рынков сбыта, для чего установила контакты с Бенгальской ассоциацией ремёсел и Индийским институтом художественных ремёсел, встречалась с чиновниками различного ранга, включая премьер-

¹ Дословно «живопись на ткани» (*санскр.*).

² Vinodgaard N., *Indian Art Worlds in Contention*. Nordic Institute of Asian Studies, Routledge, 1998, с.33; Das J. P. *Puri Paintings*. New Jersey, 1982, с. 86.

министра Ориссы. Столь бурная деятельность привела в итоге к открытию специализированного торгового центра, совмещающего в себе и функции галереи для торговли непосредственно продукцией орисских художников, который начал работу в 1953 г. Перед тем как покинуть Пури в 1955 г., Галина Элли организовала выставку *пата-читра* в Каттаке, в сенатском зале Университета Уткалы. В 1977 г. коллекцию орисской живописи Галины Элли приобрёл Музей Человечества в Лондоне. В Индии же усилился по привлечению внимания к *пата-читра* и центром её производства привели к тому, что в 1987 г. деревня художников-*читракаров* Ратхураджпур получила официальный статус «деревни ремёсел».

Первым профессиональным исследователем, описавшим традиционную орисскую живопись, стал Т. Н. Мукхерджи. В своей статье 1886 г. он сравнил *пата-читра* с картинкой *калингхат*¹ и другими традиционными ремёслами. С точки зрения мастерства и эстетических качеств его симпатии завоевали именно орисские работы.² В статье впервые было отмечено, что это древнейшее ремесло, и кратко описана технология производства. Через два года Т. Н. Мукхерджи уделил *пата-читра* несколько страниц в своём фундаментальном исследовании индийских традиционных ремёсел.³

Среди первых исследователей, чье внимание привлекла живопись *пата*, были Вильям Арчер, почти 10 лет проживший в Индии в Бихаре, и его супруга Милдред Арчер. Эти блестящие востоковеды по возвращении в Британию посвятили себя изучению индийского искусства XVIII — XIX вв., Вильям Арчер — в Музее Виктории и Альберта, а Милдред Арчер — в Индийском отделе Британской библиотеки. Её пригласили туда в 1954 г. для описания коллекции живописи, собранной сотрудниками Ост-Индской компании. К выставке индийской миниатюры и народной живописи в 1967 г. Милдред Арчер выпустила первый небольшой каталог⁴, а в 1977 г. — более обширный, посвящённый непосредственно индийской народной живописи в коллекции Индийского отдела Британской библиотеки.⁵ Фактически

¹ Бенгальская народная картинка. Называется так по имени знаменитого храма Калингхат, на площади перед которым первоначально были и место её производства, и рынок сбыта.

² Mukharji, T. N. *Art Manufacturers of India*, Calcutta, 1888, с. 1.

³ Ibidem, с. 14.

⁴ Archer, Mildred. *Indian Miniatures and Folk Paintings*. London, 1967.

⁵ Archer, Mildred. *Indian Popular Painting in the India Office Library*. London, 1977.

эта работа — первое полноценное исследование индийской народной живописи, базирующееся на огромной коллекции — более 500 вещей. В научный оборот были введены художественные явления, никогда раньше не попадавшие в поле зрения исследователя.

Рассматривая узкоспециальные работы зарубежных исследователей, необходимо в первую очередь отметить монографию Джаганнатха Прасада Даса «Картины Пури. Читакар и его творчество»¹. Это фундаментальное исследование, на которое в той или иной мере опираются все последующие. Его автор в 1979 г. получил грант от Товарищества Хоми Бхаба на исследование орисской живописи *пата* и издал монографию в 1982 г. К несомненным достоинствам этой работы следует отнести то, что она прекрасно иллюстрирована, в том числе и предметами из зарубежных коллекций, и является результатом продолжительных полевых исследований.

Два других специальных исследования принадлежат перу Б. Ч. Моханги. Первое носит название «Орисские картины пата»². В основу этой работы положена коллекция *пата-читра* знаменитого музея тканей Калико, расположенного в Ахмедабаде. Фактически это каталог с очень скрупюльозной статьёй, в которой рассматривается иконография многосюжетных *пата* и изложены некоторые технологические тонкости их изготовления. Второе исследование того же автора с почти таким же названием³ имеет столь же небольшой объём — всего 10 страниц текста, который носит более популярный характер, и 20 иллюстраций — современные *пата-читра* без указания места хранения. Второй текст рассчитан на более широкий круг читателей и не даёт исследователю актуальной информации.

Бесценной для изучения живописи *пата-читра* является работа О. М. Старза «Храм Джаганнатха в Пури»⁴. В ней храм в Пури представлен наиболее полно и всесторонне, начиная от его архитектуры и скульптурного убранства и заканчивая его историей и внутренней организацией. Это одно из немногих исследований, в котором иконография рассматривается в непосредственной связи с изобразительным искусством. Народной живописи посвящена целая 20-страничная глава.

¹ Das J. P. Puri Paintings. New Jersey 1982.

² Mohanty V. C. Patashitras of Orissa. Calico Museum of Textiles, Ahmedabad, India. 1980.

³ Mohanty V. C. Pata-paintings of Orissa. Calcutta. 1984.

⁴ Starza, O. M. The Jagannatha Temple at Puri. It's Architecture, Art and Cult. 1995.

Изучение формирования школы орисской живописи не было системным и не дало сколько-нибудь ценных результатов. Исследованная *пата-читра* в сравнении с живописью империи Виджаянагара в своей статье приводит Д. П. Гхош¹, и это, пожалуй, одно из самых ценных наблюдений индийской искусствоведческой науки относительно орисской школы живописи. Ш. Фабри и вовсе сомневается в существовании собственно орисской школы живописи и предлагает, что известные её примеры — результаты работы приглашённых мастеров из других регионов.² Каруна Госвами, основываясь на стилистическом анализе иконографических таблиц *читракаров* и росписей храма *Джаганнатха* и на том, что *раджа* Найягарха был известным покровителем искусств, предполагает, что орисская живопись была выполнена северо-индийскими мастерами или подверглась их сильному влиянию.³ Госвами даже применяет к орисской школе термин «*пахари*», традиционно относящийся к северным живописным школам. Безусловно, столь резкие и неоднозначные суждения не могут быть приняты полностью, однако имеет смысл иметь их в виду, рассматривая орисскую народную живопись в контексте общендийской художественной традиции. В этом направлении ещё предстоит большая исследовательская работа, и коллекция Государственного музея Востока в Москве, где хранятся более 20-ти холстов *пата-читра* середины прошлого века, даёт такую возможность отечественным специалистам.

Библиография

1. Archer, Mildred. Indian Miniatures and Folk Paintings. London, 1967. 48 p.
2. Archer, Mildred. Indian Popular Painting in the India Office Library. London, 1977. 196 p.
3. Barringer T. Men at Work: art and labour in Victorian Britain Yale University Press. 379 p.
4. Bindgaard N., Indian Art Worlds in Conception. Nordic Institute of Asian Studies, Routledge, 1998. 247 p.
5. Das J. P. Puri Paintings. New Jersey 1982. 423 p.
6. Durbin, Mariana T. A Bibliography of Crafts and Folk Art of India. 1998. 194 p.
7. Fabri, Charles. History of the Art of Orissa. 1974. 321 p.

¹ Ghosh, D. P. Orissan Painting. Journal of Indian Society of Oriental Art. VII. 9. 1941, с. 917.

² Fabri, Charles. History of the Art of Orissa. 1974, с. 191, 198.

³ Goswami, Karuna. A Rahar Painting of a Jagannatha Temple. Shhabhi. Golden Jubilee Number. 1971, с. 235–239.

8. Ghosh, D. P. Orissan Painting. Jo urnal of Indian Society of Oriental Art. VII. 9. 1941. 917 p.
9. Goswamy, Karuna. A.Pahari Painting of a Jagannatha Temple. Chhabri. Golden Jubilee Number. 1971. 137 p.
10. Mohanty V. C. Patachitras of Orissa. Calico Museum of Textiles, Ahmedabad, India. 1980. 46 p.
11. Mohanty V. C. Pata-paintings of Orissa. Calcutta. 1984. 72 p.
12. Mukharji T. N. Art Manufacturers of India. Calcutta, 1888. 314 p.
13. Mukharji T. N. The Art Industries of Bengal, Journal of Indian Art. Vol. 1, no. 9, supplement, January 1886. 481 p.
14. Starza O. M. The Jagannatha Temple at Puri. It's Architecture, Art and Cult. 1993. 161 p.
15. Zealey, H. Indigenous Arts of Orissa. Report sent to the American Friends Service Committee. 1953. 18 p.
16. Zealey, P. «Revival of Artistic Crafts of Orissa», Economic Weekly, 1954, 6 (July, 17): 795 p.
17. Zealey, P. The Folkpainters and Stonecarvers of Orissa. Envoy, 1957, 2 (11): p.14-15.

СО СТОЛА СОЦИОЛОГА

КУБЛИЦКАЯ Елена Александровна,
кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник, ИСПИ РАН
eakubi@yandex.ru

Социологическое изучение религиозности населения в условиях десекуляризации российского общества / Sociological research of religiosity of population in conditions of desecularization of Russian society

Аннотация

Статья посвящена изучению уровня и степени религиозности населения на постсоветском пространстве. Используя результаты массовых социологических опросов среди населения 12-ти регионов РФ, проведенных ИСПИ РАН в период с 2003 по 2007 гг., автор излагает методологические и методические положения, которые необходимо учитывать при изучении религиозности населения, всего секуляризионного процесса в условиях трансформации межнациональной, культурологической и социально-политической сфер в российском обществе.

Ключевые слова

Секуляризация; религиозная самоидентификация; конфессиональная самоидентификация; религиозность; уровень и степень религиозности; уровень и степень атеистичности.

Annotation

The article is concerned with the research of level and degree of religiosity as well as religious and confessional self-identification of the population in the post-Soviet area. Turning to the results of a large-scale sociological poll among the population of 12 Russian Federation regions

held by the Institute of Socio-political Researches of Russian Academy of Science from 2003 to 2007, the author presents methodological conceptions which need to be taken into account when studying religiosity of the population, the whole secular process in conditions of transformation of interethnic, cultural, social and political spheres in the Russian society.

Keywords

Secularization; religious self-identification; confessional self-identification; religiosity; level and degree of religiosity and atheism.

Как показывают результаты социологических исследований, религиозным институтам доверяет значительно больший процент респондентов различных социальных групп, нежели институтам политическим. Всё это говорит о том, что религиозная сфера — весьма важный элемент духовной сферы и общества в целом. Поэтому изучение религиозной жизни общества, особенно характера, содержания, степени религиозности и секуляризации общества, является важной и насущной проблемой. Объективная информация о состоянии и динамике показателей уровня и степени религиозности и атеистичности населения является ключом к пониманию всей культурно-религиозной сферы общества и необходимым условием для разработки и изучения идеологического и политического процессов в государстве.

Массовые исследования религиозности в России (на основании «самодентификации») различных социологических институтов и центров с 1983 г. фиксировали быстрое увеличение уровня религиозности и рост интереса к религии и религиозным течениям.

Резкий «скачок» религиозности в «постперестроечные времена» имеет как субъективные, так и объективные причины.

В постсоветской России идёт процесс сужения «секулярного поля» за счёт активизации религиозной жизни: возросла роль различных религиозных объединений, изменились соотношения между религиозными движениями, конфессиями и Церквами, продолжается активная прозелитическая «борьба за чужую паству». Кроме того, на распространение религиозных верований, изменение удельного веса каждого из них на территории Российского государства огромное влияние оказал процесс этноконфессионального разведения народов после распада Советского Союза. Произвольное перемещение границ, ограничение территории проживания этнических и конфессиональных групп непосредственно повлияли на формирование религиозной географии России. Возрождение религи-

озных, конфессиональных, этноконфессиональных и этнокультурных идентичностей находится в неразрывной связи.

Исторически традиционные связи конфессий с определённой нацией, этносом продолжают оставаться тесными, как констатируют конкретные социологические исследования, проводимые ИСПИ РАН и МИСКП.

Современное состояние изученности основных характеристик десекуляризованного процесса современного российского общества, уровня и степени конфликтности межнациональных отношений, уровня и степени религиозности и атеистичности населения, специфики и характера этноконфессиональных отношений не может считаться завершённым, несмотря на значительный вклад советских и российских учёных.

Начиная с 1993 г. фиксируется прекращение быстрого темпа роста религиозного населения. «Религиозный ренессанс» сменился стабилизацией и остановился на отметке уровня религиозности от 40 до 70% (в зависимости от региона РФ). Социологические данные по результатам исследований ИСПИ РАН также отмечают, что уровень религиозности за 11 лет (с 1983 по 1993 гг.) вырос, но не так значительно, как фиксировался исследователями некоторых социологических центров, которые определяли уровень религиозности населения в основном по одному показателю религиозного сознания — самоидентификации респондента.

В современных условиях демократизации взаимоотношений государства и религиозных организаций, предоставления свободной деятельности практически всем конфессиям и религиозным течениям на территории Российской Федерации методолого-методические принципы выявления религиозно-идентификационного процесса должны принципиально измениться.

Особенности социологического изучения религиозности населения в условиях десекуляризации российского общества необходимо выявлять для рассмотрения:

- динамики уровня секуляризации в историческом генезисе;
- соотношения религиозного и нерелигиозного населения и их социальных портретов;
- специфики проявления религиозной и конфессиональной идентичностей на фоне межнациональных противоречий и характера межнациональных отношений;
- роли Церкви в Российском государстве и религии в системе социальных и духовных ценностей общества.

1. При изучении секуляризованного процесса в настоящий пе-

риод времени учитывался в первую очередь факт «латентной» атеизации населения. Уточнялись показатели атеистического, нерелигиозного сознания и поведения. Если раньше верующие скрывали свои религиозные убеждения, то сейчас подверглись остракизму убеждённые атеисты.

«При советской власти нельзя было признаваться в том, что ты верующий, при нынешней — что атеист. Редко кто из моих неверующих друзей готов открыто об этом рассказать. Всё больше мамылят про «космический разум» и «что-то там (глаза вверх) такое, может быть, и есть», — подытоживает известный журналист О. Бакушинская в статье «Желание быть католиком»¹.

Проведённый социологический анализ доказывает, что показатель «самоценки» «заработал» у религиозного населения, так как нет причин скрывать свои убеждения, и в то же время он оказался недоосторожным при определении нерелигиозного населения страны. Так, часть нерелигиозных респондентов или идентифицирует себя с «верующими», «колеблющимися» или просто уходит от ответа (индикатор «затрудняюсь ответить»).

Таким образом, если в период так называемого «застоя» показатель самоидентификации по отношению к религии и атеизму занижал уровень религиозности и завышал степень распространения секуляризации в обществе, то в постсоветский период, наоборот, завышает уровень религиозности с занижением уровня и степени атеистичности населения.

Кроме того, в советский период развития социологии религии ряд социологов-религиоведов начал включать в типологии религиозной и атеистической самоидентификации группу «индифферентных», т. е. безразлично относящихся к религии и атеизму. В наших исследованиях того периода так же при определении степени секуляризации населения использовалась данная группа. Однако результаты опросов оказались «размытыми», поскольку не только часть группы неверующих (сформированной по показателям) безразлично относиться к проблемам религии и атеизма, но и значительное число колеблющихся и даже верующих.

Анализ социологических работ по данной проблематике выявил ещё одну из распространённых ошибок методического характера. При определении религиозности или атеистичности респондента исследователи в один вопрос анкеты могли включать одновременно индикаторы: «вера в Бога», «отношение к религии и атеизму», «кон-

фессиональная самоидентификация», «религиозная идентификация», предложив респонденту дать лишь один ответ. Вот подобный пример:

Считаете ли Вы себя...

(самоидентификация групп населения по отношению к религии)

1. Неверующим.
2. Индифферентным.
3. Православным.
4. Мусульманином.
5. Представителем других конфессий.
6. Верю в существование сверхъестественной силы.
7. Не принадлежу ни к одной из Церквей.

Однако, как показывают социологические данные, например, неверующий (по самоидентификации) может отметить, что он «верит в Бога» или что «он православный» (подробнее об этом далее).

2. Одним из общеизвестных методологических принципов, характеризующих в целом развитие или стагнацию секуляризации общества, является дихотомическое деление населения на религиозное и нерелигиозное на основании наличия или отсутствия веры в существование сверхъестественных сил.

Несмотря на то, что этот критерий является общим и фундаментальным показателем религиозного сознания, традиционные представления о Боге и других догматах религии могут иметь видоизменённый характер. Если в задачах исследования не входит определение степени религиозности, то, с нашей точки зрения, вполне можно обойтись для установления уровня религиозности (религиозного и нерелигиозного населения) двумя показателями религиозного и нерелигиозного сознания, представленными в анкете в виде двух вопросов:

Верите ли Вы в Бога?

1. Верю в Бога, создавшего мир и управляющего им.
2. Верю в Бога и в существование другой сверхъестественной силы.
3. Верю не в Бога, а в другие сверхъестественные или мистические силы.
4. Допускаю существование Бога или некой сверхъестественной силы, но не убеждён в этом.
5. Не верю в Бога.
6. Затрудняюсь ответить.

¹ Известия. — 2006. — 5 сентября. — № 162.

Считаете ли Вы себя:

1. Верующим.
2. Коллеблющимся между верой и неверием.
3. Неверующим.
4. Атеистом.
5. Затрудняюсь ответить.

3. В практике проводимых ИСПИ РАН социологических опросов населения в субъектах РФ для получения достоверной информации о степени его религиозности и секуляризации применяется сбалансированная система агрегирующих показателей для построения соответствующих типологических групп. Оценка критерии определялись на основании синтеза концептуальных признаков и ранжирования эмпирических, наблюдаемых характеристик религиозности и атеистичности, т. е. результирующих показателей, которые характеризуют религиозное и нерелигиозное сознание и поведение респондентов.

4. Принципы необходимого сочетания показателей, характеризующих религиозное сознание и поведение индивида при измерении степени религиозности, остаётся неизменным в своей сущности. Однако традиционное культурное поведение (как составная часть религиозного) претерпело множество изменений и в последние годы в наших исследованиях не всегда рассматривалось в качестве имманентной характеристики религиозности. Действительно, такой традиционный показатель религиозности, как культурная активность, перестал быть его обязательным компонентом, поскольку участие в церковных праздниках и обрядах имеет в большинстве случаев нерелигиозную мотивацию.

Культурное поведение («воцерковленность») во время богослужения не может выступать необходимым показателем измерения религиозного поведения и тогда, когда места отправления культов находятся в отдалении от местожительства или вообще отсутствуют в сельской местности.

Отметим, что если демократизация государства и Церкви, соблюдение принципа свободы совести, с одной стороны, создали благоприятные условия для «воцерковления» значительного числа религиозного населения, то, с другой стороны, либерализация взаимоотношений религиозных институтов и «паствы» позволяет верующим дистанцироваться от церковной атрибутики, довольствуясь отвлечением религиозных обрядов (например, молитвы, посты) вне культурных учреждений. Социологические данные Аналитического

центра и Центра социологии межнациональных отношений ИСПИ РАН ещё в 1995 г. показывали, что доля «воцерковленных» верующих в России составляет 10-15%, тогда как всё религиозное население в те годы определялось на уровне 65%.¹

5. Одно из основных методологических требований измерения уровня религиозности — причисление группы «колеблющихся» к религиозному населению — поддерживали многие практики-социологи советской и американской школ религиозоведения.² Однако в результате кардинальной перестройки во всех сферах жизнедеятельности общества, и, в частности, в духовной сфере, религиозное мировоззрение постоянно модифицируется, трансформируется и изменяется. В советский период развития российского общества респондент, идентифицируя себя с «колеблющимся по отношению к религии и атеизму», тем не менее отмечал позицию «вера в Бога или другие сверхъестественные силы» (основной критерий религиозного сознания) и отвечал положительно на ряд показателей, определяющих религиозное сознание. В этом случае он с необходимостью причислялся к религиозному населению.

Сегодня типичной чертой мировоззрения «колеблющегося» является «незавершённость» его религиозного выбора. «Промежуточное состояние» религиозного сознания характеризуется мировоззренческой неопределённостью в оценке религиозной веры и своего к ней отношения. Подобная мировоззренческая маргинальность позволяет воспримчивость «колеблющегося» к миссионерской прозелитической деятельности многих религиозных течений. Группа таких «колеблющихся» в этом смысле попадает в группу «риска». По результатам социологических данных, во всех исследованных регионах РФ от 35 до 45% респондентов, считающих себя «колеблющимися», не верят в Бога и другие сверхъестественные силы, поэтому пополнять религиозное население за счёт этой группы в полной мере вряд ли правомерно.

6. При разработке методики, основанной на единичных методологи-

¹ Новый курс России: предпосылки и ориентиры. Социальная и социально-политическая ситуация. Год 1995-й / под ред. Г. В. Осипова, В. К. Левашова. В. В. Локосова. М.: Асадепта, 1996. С. 98.

² Флетчер У. Советские верующие // Социологические исследования. — 1987. — № 4 — С. 32; Яблоков И. Н. Социология религии. М.: Мысль, 1979; Лебедев А. А. Конкретные исследования в атеистической работе. М., Полиграфиздат, 1976; Уринович Д. М. Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1986. С. 141 и др.

ческих принципах определения религиозности, учитывалась социально-культурная, национальная, межрегиональная и конфессиональная специфика изучаемых регионов РФ. Поэтому, например, в инструментарии (анкете, стандартизированном интервью) представлены различные набор эмпирических референтов, отражающих специфику той или иной конфессии.

Однако эмпирические данные указывают, что идентификация религиозной и конфессиональной приверженности не совпадает. На протяжении этих лет в наших исследованиях фиксируется уровень религиозной самоидентификации (мировоззренческий аспект) на порядок ниже конфессиональной независимо от эмпирического объекта (населения в целом, социальных или экспертных групп).

Социологические исследования и по округам, и конкретно по региону подтверждают, что респондентов, идентифицирующих себя с православием или исламом, гораздо больше, чем относящих себя к религиозным людям. Зачастую значительная часть нерелигиозного населения определяла себя как «православные» («русский — значит, православный»), и тем самым завышался уровень религиозности. В настоящее время в общественном сознании ещё не сложился устойчивый стереотип, что «православный человек — это только верующий в Бога человек». Процесс самоидентификации в данном направлении ещё продолжается, так как определённая часть опрошенных москвичей среди группы православных оценивает себя «колеблишимися» или «неверующими» (17%). Те же тенденции фиксируются нами и в других субъектах РФ.

Гипотеза, выдвинутая автором в 1988 г. о том, что «рост национального самосознания, актуализирующей взаимосвязь национальной и религиозной, повысит уровень конфессиональной самоидентификации среди нерелигиозного населения»¹, нашла своё подтверждение в комплексных исследованиях ИСПИ РАН 2002 — 2008 гг.

С учётом вышележающего нами используется в первую очередь набор универсальных показателей, по которым строится типология по отношению к религии и атеизму. Все типологические группы сформированы на основе определённого сочетания этих показателей и получили свой индекс. В исследованиях для предметного анализа влияния этих мировоззренческих позиций на различные социальные ориентации личности достаточно было обратиться к следующей не-сложной, но широко применяемой типологии:

¹ Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социс. — 1990. — № 5.

— верующие (с выделением в ней группы воцерковленных верующих);

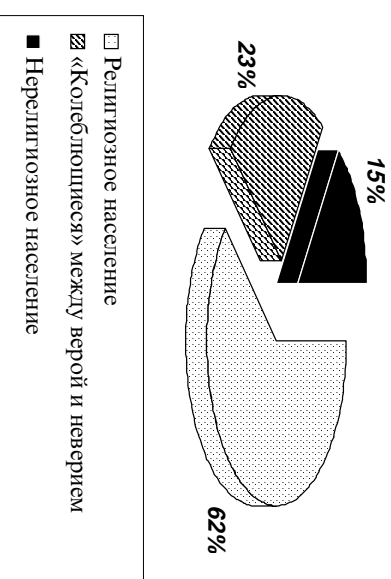
— колеблищиеся между верой и неверием;

— неверующие (с выделением в ней группы атеистов).

Все указанные методолого-методические принципы реализовывались при проведении социологического исследования в столице России в 2008 г.¹ (см. диаграммы 1 и 2, в % от числа опрошенных).

Диаграмма 1

Мировоззренческие позиции населения мегаполиса по отношению к религии и атеизму (типологические группы), г. Москва, 2008 г.²

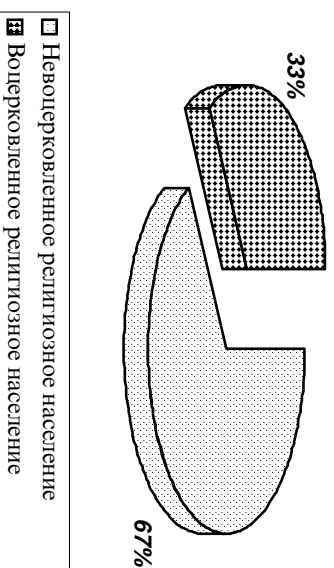

¹ Социологическое исследование проведено совместно научно-исследовательским коллективом ИСПИ РАН (сектор социологии федеративных и региональных отношений) и МИСКП (науч. рук.-тели: чл.-корр. Иванов В. Н. и д.с.н. Сергеев В. К.; исслед. группа: к.ф.н. Кублицкая Е. А., к.с.н. Сергеев В. В., Мекаева Ю. Ю.). Объём выборочной совокупности составил в 2007 и 2008 гг. по 1000 ед.

² Там же.

Диаграмма 2

Уровень воцерковленности религиозного населения
(типологические группы), г. Москва, 2008 г.¹

Уровень и соотношение религиозности и атеистичности населения мегаполиса, а также динамика секуляризационного процесса таковы:

— религиозное население Москвы к 2008 г. фиксируется на отметке 62% (уровень религиозности), и он выше среднего показателя по России (53% религиозного населения — всероссийское исследование 2007 г. ИСПИ РАН);

— удельный вес убеждённых верующих («воцерковлённых») по результатам отбора соответствующих эмпирических референтов составил 21% от всех опрошенных и 33% от опрошенного религиозного населения (высокая степень религиозности, см. диаграмму 2);

— за 12 последних лет уровень религиозности москвичей вырос на 12 процентных пунктов (1996 г. — 50%, 1998 г. — 54%, 2008 г. — 62%);

— количественные показатели населения, колеблющегося между верой и неверием, фиксируются на отметке 20-23%;

¹ Московский институт социально-культурных программ (МИСКП) и сектор социологии федеративных и региональных отношений ИСПИ РАН.

— нерелигиозное население мегаполиса к 2008 г. не превышает 15%. Среди них выявлено лишь 6% убеждённых неверующих (атеистов);

— соотношение религиозного и нерелигиозного населения в большой степени зависит во многом от комплекса социально-экономических, территориальных, социологических, исторических, конфессиональных и этнических факторов. В целом по России это соотношение примерно 3:1. Оно совпадает с Центральным, Северо-Западным, Уральским и Сибирским федеральными округами. В двух ФО, Южном и Приволжском, религиозное население превышает нерелигиозное в четыре раза (4:1). И только в Дальневосточном федеральном округе данное соотношение — на паритетных началах (1:1).¹

В Москве соотношение религиозного и нерелигиозного населения на 2008 г. составляет 6:1 и занимает одно из лидирующих мест в субъектах Федерации в развитии десекуляризационного процесса; — социально-демографические характеристики религиозного населения на данном этапе формирования российского общества становятся всё более размытыми. С 1983 г. не прослеживается четкой зависимости уровня религиозности от возраста, социального положения, места жительства, образования и доходов населения. Корреляции между социальными характеристиками респондентов и их религиозными взглядами носят далеко не прямолнейный характер.

Тем не менее в Москве социальный портрет нерелигиозного населения имеет более чёткие проявления закономерности, так как они прослеживаются во всех исследованных субъектах Федерации по пяти позициям. В группах «неверующих» и «атеистов» чаще всего оказывается мужчина от 40 до 49 лет, инженерно-технический работник, с очень низким уровнем материального дохода, проживающий в городе.

Доминирующие характеристики социального портрета «верующего» в мегаполисе имеют свои особенности: это женщина, 25 — 29 и 40 — 49 лет, со средним специальным и высшим образованием, среди интеллигенции и студентов, из малообеспеченной группы. Из предложенных семи социальных характеристик населения только пол респондентов оказывается определяющим при выявлении религиозности населения регионов РФ.

¹ Кублицкая Е. А. Особенности изучения религиозности населения в современной России (методология и методы исследования) // Социс. — 2009. — № 4.

Анализируя социологические данные, характеризующие соотношение уровня и степени религиозности населения мегаполиса, необходимо признать: несмотря на то, что общая численность религиозного населения за последние 12 лет выросла незначительно, тем не менее идёт постоянное нарастание степени религиозности населения за счёт увеличения доли «воцерковленных людей» (убеждённых верующих).

Подводя некоторые итоги, следует заметить, что десекуляризацию общества можно фиксировать прежде всего при активизации религиозной жизни, доминировании религиозного населения, в условиях тенденции клерикализации общественных и государственных отношений, прозелитической деятельности ряда конфессий и религиозных организаций. Всё вышеперечисленное действительно фиксируется в столице Российской Федерации.

Библиография

1. Известия. — 2006. — 5 сентября. — № 162.
2. Новый курс России: предпосылки и ориентиры. Социальная и социально-политическая ситуация. Год 1995-й / под ред. Г. В. Осипова, В. К. Левашова, В. В. Локосова. М. : Асадема, 1996.
3. Флетчер У. Советские верующие // Социологические исследования. — 1987. — № 4.
4. Яблоков И. Н. Социология религии. М. : Мысль, 1979.
5. Лебедев А. А. Конкретные исследования в атеистической работе. М. : Политиздат, 1976.
6. Уринович Д. М. Введение в религиоведение. М. : Мысль, 1986.
7. Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социс. — 1990. — № 5.
8. Кублицкая Е. А. Особенности изучения религиозности населения в современной России (методология и методы исследования) // Социс. — 2009. — № 4.

Структура ценностей постсоветской молодёжи (на примере Беларуси) / Value structure of Post-soviet youth (case of Belarus)

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна,
доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии,
Белорусский государственный университет
larissa@bsu.by

Аннотация

Статья посвящена анализу динамики ценностей современной молодёжи. На эмпирической базе ряда опросов, проведённых в России и Беларуси, автор показывает, что ценностная система современной молодёжи претерпела значительные изменения в процессе постсоветской трансформации. По сравнению с доперестроечной эпохой досуговые ориентации, религиозные верования существенно повысили свою значимость, тогда как ценность труда и политики снизилась. Общей тенденцией развития молодёжных ценностей, как и во всём мире, становится индивидуализация.

Ключевые слова

Ценности; современная молодёжь; постсоветская трансформация; индивидуализация.

Annotation

The article is devoted to the analysis of the value changes of modern youth. On the basis of surveys in Russia and Belarus, the author shows that value systems of the modern youth have significantly changed during the period of post-soviet transformation. In comparison with pre-transformation period, leisure orientations and religious beliefs have increased while political and job values decreased. Individualization is becoming a common tendency of the changes in youth values everywhere.

Keywords

Values: modern youth; post-soviet transformation; individualisation.

В период системных кризисов общества происходит смена вектора его активности, механизм самодентификации, остро встаёт вопрос фундаментальных оснований жизни. Неотъемлемой составляющей этого процесса является и неизбежное переосмысление базовых ценностей на уровне личности, группы, общества в целом. Специфика базовых ценностей заключается в том, что они воплощают в себе обобщённые представления людей относительно целей и норм поведения, концентрированно выражают смысл культуры народа данного времени. Базовые ценности составляют фундамент ценностной картины мира, изучив которую, можно судить о способах поведения конкретной социальной группы и её жизненных установках. Сложившаяся в постсоветских странах (прежде всего в России и Беларуси, представляющих объект нашего исследования) ценностная картина мира является сложной и противоречивой, что отражает сложность современного общества.

Пространство ценностей молодых людей не является исключением из этого процесса. Молодёжь, т. е. люди от 18 до 29 лет, более иных социовозрастных групп подвержена внешним воздействиям: она раньше других впитывает инновации и активнее адаптируется к новым вызовам времени. Именно поэтому по доминирующим ценностям молодого поколения можно определить тенденции развития общества в целом, степень влияния на конкретную страну глобальных факторов, общемировых процессов, их соотношение с национальными особенностями. Вот почему обращение к доминирующим тенденциям изменений в структуре ценностей современной молодёжи представляет значительный теоретический и прикладной интерес для социологов.

Эмпирическая база исследования включает данные, полученные в рамках Европейского исследования ценностей (EVS), которое включало Россию, Беларусь и ряд других постсоветских стран, начиная с 1990 г.¹ Поскольку изначально оно определялось «общими идеями о модернизации и тенденциях индивидуализации и с ней связанных, таких как секуляризация»², опросник был разработан с

¹ См.: European Values Study Group and World Values Survey Association. *European and World values surveys four-wave integrated data file, 1981–2004*, v. 20060423, 2006.

² European Values at the Turn of the Millennium, ed. W.Arts & L.Nalman. (Vol. 7). Leiden: Brill, 2004, p. 10.

ориентацией на эти цели. Когда в 1990 г. к этим исследованиям впервые подключились страны Центральной и Восточной Европы, опросник не менялся для получения сопоставимых данных. Повторные опросы были проведены также в 1995, 2000 и 2008 гг., хотя не все постсоветские страны в них участвовали. Главная задача исследований состояла в попытке осмысления ценностей разных типов общества для определения их сходства и различия, а также выявления связи между ценностями и важными экономическими, политическими детерминантами развития общества. В свою очередь стремление формализовать процедуру исследования и найти сопоставимые критерии изменения ценностей позволило осуществить сравнительный анализ разных стран в Европе и мире по ценностным параметрам.

Как отмечает один из методологов этого исследования Л. Халман, важные черты трансформации общества от традиционного к современному часто обрисовываются через отсылку к целому ряду сопутствующих процессов, таких как индустриализация, урбанизация, демократизация, секуляризация, бюрократизация и профессионализация.¹ Общая стратегия EVS опиралась на теорию модернизации.² Понятийным ядром исследования на протяжении долгого времени являлся концепт перехода от традиции к модерну, современности. Главная идея заключалась в том, что «в современных обществах рациональные механизмы принятия решений и координации, такие как рынки и государство, затмили традиционные сообщества».³ В результате перехода к модерну этос европейцев, по мнению Л. Халмана, «всё более стал характеризоваться инструментализмом и индивидуализмом».⁴ Одной из главных гипотез исследования проекта EVS была следующая: по мере успешности экономического и технологического прогресса стран в них прогрессирует процесс индивидуализации и ценности населения всё более смешаются в направлении индивидуалистического этоса. Процесс, называемый индивидуализацией, относится к возрастающей автономии индивидуумов в современных обществах, которая вызывает напряжение в отношениях индивидуумов к социальным институтам. Вследствие индивидуализации люди всё чаще выбирают свои собственные ценности и нормативные структуры,

¹ European Values at the Turn of the Millennium, p. 27.

² Ibid., p. 26.

³ Ibid.

⁴ Ibid., p. 27.

отличающиеся от традиционных нормативных систем ценностей. Стремление к самореализации и личному счастью находится в центре развития ценностей и выбора норм в рамках индивидуалистической этого.¹

Этот же процесс был отмечен целым рядом других авторов. Так, У. Бек называет его «индивидуализацией социальных классов»², провозглаждая качественное различие между буржуазным индивидуализмом и индивидуализмом общества всеобщего благополучия. Разница в том, что первая проявлялась в формировании социальной и политической идентичности, объединении людей в классы, в то время как вторая проявляется в росте уровня жизни, образования, мобильности.³ Причину перехода от образования классов к их индивидуализации Бек видит в расширении сферы наёмного труда. Он пишет: «Благодаря завоёванным правам люди освобождаются от классовых взаимосвязей и при добывании средств к существованию в значительной мере оказываются представленными сами себе»⁴. Бек интерпретирует данный процесс через понятие «эффект лифта», когда «классовое общество» целиком поднялось на этаж выше»⁵. С одной стороны, это ослабило и аннулировало субкультурные классовые идентичности и связи, с другой — дало начало процессу индивидуализации и диверсификации ситуаций и стилей жизни, подталкивая к этому самую иерархическую модель социальных классов.⁶ Бек связывает современную индивидуализацию с более высоким уровнем развития общества, когда гарантированы и материальный достаток, и комплекс гражданских прав на индивидуальное выражение и организацию собственной жизни. Всё это вызывает формирование новой культуры деятельности, характерной для общества рефлексивного модерна.

За 1990-е годы посткоммунистические страны прошли «трансформационный» этап социальных изменений, который характеризовался структурными переменами и неустойчивостью ценностных структур. Однако развитие каждой из стран бывшего социалистического блока шло своими особыми путями. Условия «посоветскости» наложили важные ограничения и обусловили специфику про-

¹ European Values at the Turn of the Millennium, p. 27.

² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 119.

³ Там же. С. 120.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Там же.

хождения «поздней модернизации» на территории бывшего СССР. Л. Халман подчёркивает, что «страны и их население часто остаются во многих смыслах уникальными, и не существует одной уникальной траектории культурных изменений»¹. На основе обширного анализа данных Халман предлагает почти «естественную» последовательность, которые предполагают почти «естественную» последовательность гомотетических стадий в развитии человеческого общества»².

Особенности постсоветской трансформации, повлиявшие на формирование новой ценностной системы, можно условно разделить на внешние, социальные, и внутренние, поколенческие, факторы. Со стороны общества, во-первых, проявились значительные экономические и политические изменения, которые в целом характеризовались приватизацией (как собственности, так и мнений), плюрализацией, переделом собственности, обострённой конкуренцией и борьбой.³ Следовательно, во-вторых, коренным образом изменились и сами общественные условия социализации: появились новые формы и механизмы функционирования общества, каналы формирования общественных процессов; старые же механизмы разрушались: при этом разрушение инфраструктуры привело к нехватке ресурсов, необходимым для преобразования, что осложнило и значительно замедлило сам процесс трансформации. В-третьих, на протяжении большей части 1990-х годов общество находилось в состоянии постоянных преобразований, характеризовалось нестабильностью и отсутствием твёрдых новых целей развития на фоне отказа от старых; появлением и развёртыванием общества риска. Произошло разрушение традиционных нормативно-ролевых структур и одновременно усилилась внешнеэкономическая, стихийная интеграция молодёжи, которая в то же время соответствовала существующей системе социальных отношений.⁴

Эпоха позднего модерна не только сопровождается искоренением традиционных типов социального порядка, но что указывает Гидденс⁵, нарушается и сам механизм воспроизводства социального порядка. В свою очередь именно этому механизму исследователи приписывают основополагающее значение для обеспечения процесса эффективного функционирования общества и, в частности, прочности и стабильности ценностных систем. С другой стороны, мно-

¹ European Values at the Turn of the Millennium, p. 14.

² Ibid., p. 15.

³ Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. М.: Наука, 2001. С. 49.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Там же. С. 73.

гие западные социологи, рассуждая о современности, настаивают на отходе от системности, на неприменимости этого принципа к условиям нынешнего общества.¹

Среди внутрипоколенческой группы факторов постсоветской трансформации молодёжи называют прежде всего влияние социалистического прошлого родителей и посттоталитарное сознание с присущей ему «инерцией несвободного мышления» и «контрастности установкой»². Их воздействие выражается, с одной стороны, в склонности родителей поколений к воспроизводству социалистической мотивации, с другой — в боязни молодёжи брать на себя ответственность при наличии у неё желания навязать свою волю другим и отсутствию толерантности («инерция»), а также в демонстративном вытеснении коллективизма «воинствующим индивидуализмом»³, не подпитанным фундаментом либеральных ценностей, присутствующим на Западе. Поэтому и возникает отмечаемое идеологическое безверие, моральное разложение вместо нравственности. Разные страны по-разному стремились справиться с подобным моральным кризисом. В частности, в России и Беларуси наиболее эффективной была признана политика массового привлечения молодёжи в систему государственных молодёжных организаций наподобие советской. Система действует, однако о долгосрочных результатах и эффективности подобной политики можно будет говорить лишь через некоторое время, при социализации следующего поколения молодёжи.

Специфика влияния постсоветской трансформации на формирование ценностной системы молодых людей проявилась в ценностно-нормативной неопределённости, «отрицании прежних коллективных идентичностей в пользу новых индивидуальных ценностей»⁴. Неопределённость общественных целей, столь характерная для постсоветских обществ 1990-х годов, во многом обуславливала поворот молодёжи в сторону «альтернативного комплекса идентично-

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. С. 119. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Инноземцева. М.: Логос, 2002. С. 39.

² Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. С. 48–49.

³ Там же. С. 49.

⁴ Rattinsi, A., Phoenix, A. Rethinking youth identities: modernist and post-modernist theories // J. Vuolpe, L. Christholm, and A. Furlong (eds.). Youth, Citizenship and Social Change in a European Context. p. 125; Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. С. 200.

стей». В 2000-х годах в России и Беларуси ярко проявились новые тенденции к «совладанию с ситуацией» и встречаivano молодёжной политики в политику государства, однако присутствовавшая изменчивость и дезинтегрированность идентичности уже привели к росту индивидуализации идентичности¹ и ценностей среди молодого поколения.

Остановимся более подробно на структуре ценностей белорусской молодёжи. Покажем, опираясь на указанные выше эмпирические данные, насколько эти ценности отличаются от ценностей белорусского населения в целом и означает ли такое различие рост индивидуализации ценностей молодых людей по сравнению с другими группами населения.

Исходя из избранного нами социокультурного подхода, выявим изменения в иерархии базовых ценностей всего белорусского населения и отдельно белорусской молодёжи на этапе трансформации. Для этого сравним доминирующие ценности в годы, предшествовавшие трансформации, и непосредственно в период трансформации. В рамках EVS это были опросы 1990 и 2000 годов. Respondентам задавался ключевой вопрос: «Пожалуйста, ответьте, насколько важно (очень важно, скорее важно, скорее не важно или совсем не важно) в Вашей жизни: работа, семья, друзья, знакомые, досуг, политика, религия?». Суммированные ответы «очень важно» и «скорее важно» интерпретировались как подтверждение, что эти позиции представляют для респондентов ценность.

В табл. 1 и 2 представлены данные по системам ценностей, характерным для всего населения Беларуси и для её молодёжи в указанные периоды времени.

Таблица 1

Ценности белорусского населения, 1990 и 2000 гг.
(в % от числа опрошенных)

Ценность	1990 г.	2000 г.
Семья	76	78
Работа	54	49
Друзья	36	27
Досуг	35	25
Политика	14	6
Религия	11	12

¹ Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. С. 203.

Таблица 2

Ценности белорусской молодежи, 1990 и 2000 гг.
(в % от числа опрошенных^{х*})

Ценность	1990 г.	2000 г.
Семья	91	97
Работа	79	90
Друзья	77	85
Досуг	74	88
Политика	24	29
Религия	18	34

* Процент подсчитан от числа ответивших на каждый вопрос.

Как видно из таблиц, в 1990 г. иерархия ценностей молодежи совпала с иерархией ценностей всего населения Беларуси. Разница между ними проявилась лишь в более высоких показателях ценностей у молодых людей, а также в том, что у населения в целом разрыв между первой, второй и третьей по значимости ценностями составлял везде около 20%, тогда как у молодежи он был меньше: между семьёй и работой чуть более 10%, а между работой, друзьями и досугом — очень незначительным (статистически едва значимым между работой и досугом, статистически незначимым между друзьями и досугом, как и между работой и друзьями). Практически это означало, что работа имела такую же высокую значимость для молодых людей, как их досуг и общение с друзьями.

В 2000 г. иерархия ценностей населения полностью сохранилась, она стала ещё более чёткой: разрыв между первыми двумя ценностями составлял 30%, а между второй и третьей — более 20%. При этом, как и в 1990 г., друзья и досуг оказались оценены населением одинаково (около четверти респондентов признало их важными), и только незначительные 2% различия вывели ценность друзей вперёд (как в 1990 г. — всего 1%). Иначе говоря, статистически значимой разницы в оценке друзей и досуга не было выявлено.

По данным исследования ценностей 2008 г., произошло закрепление указанных тенденций: по-прежнему возросло значение религиозной веры на фоне низкого интереса к политической сфере. Выше всех оценивалась семья, тогда как труд приобрёл более очевидную инструментальность: он ценится главным образом как средство достижения материальных благ. Поскольку поступательное общество к этому времени стабилизировалось, оценки населением

уровня своей социальной безопасности, гарантии, ориентации на материальное благосостояние были устойчиво высокими.

В структуре ценностей молодежи не зафиксировано отклонений от выявленных общих тенденций. Важность основных ценностей, за меренная по той же методике, что и раньше, оказалась близка к уровню 2000 г.: семья — 98%, работа — 93, друзья — 92, досуг — 85, религия — 46 и политика — 37%.¹ При сравнении данных трёх замеров (1990, 2000, 2008 гг.) видно, что на рубеже веков в иерархии ценностей молодежи произошли изменения: во-первых, разрыв между ведущими ценностями сократился примерно до 10%, во-вторых, разрыв между работой и досугом (второй и третьей по значимости ценностями) стал статистически незначимым, а между третьей и четвёртой (досуг и друзья) — очень небольшим. Практически семья осталась абсолютно доминирующей, тогда как работа и друзья почти стали на одном, но на несколько менее высоком уровне. Значимость досуга изменилась мало, она отстаёт от первой тройки (однако если взять процент тех, кто признаёт очень высокую значимость каждой ценности, тогда отрыв семьи от этой тройки возрастёт почти на 30%). Общий разрыв между оценкой значимости ведущих ценностей населения в целом и молодежью составил от 20% (семья) до 60% (досуг). Ясно очертились «крёны» молодого поколения от модели «трудового общества», которое сохранило приоритет для старших возрастных групп, к «цивилизации досуга». Что касается интерпретации «резмерно высоких общих оценок ценностей молодежи, то, возможно, они отражают её возрастную специфику, а не повышенную значимость данных ценностей: молодежью более сознание экзальтированно оценило всё, что признало достойным внимания этой группы.

Сравнение иерархии ценностей всего населения и ценностей молодежи даёт основание сделать вывод лишь о том, что среди молодого поколения Беларуси наметилась явная тенденция роста значимости досуга при сохранении высокой значимости и труда, и друзей: все эти ценности входят в число доминирующих. В целом же белорусское население снизило базисную оценку труда (он стал инструментальной ценностью) и особенно ценность друзей (он стал очевиден, ввиду приоритета целей социально-экономического выживания и поддержания приемлемого уровня благосостояния, у современного населения на друзей и досуг не осталась времени.

Исключение составляет лишь молодежь (особенно до вступления

¹ Рассчитано по: Данилова Е. А. Социодинамика ценностей молодежи Республики Беларусь // Социология. — 2008. — № 4. — С. 100.

в брак и рождения детей): эта группа отмечает любовь и дружбу вслед за семьей. Можно предположить, что данная особенность связана с возрастом, и, вероятно, характерна для постсоветской молодёжи России. Одновременно у молодых людей отмечается более высокий уровень индивидуализма, чем у других возрастных групп. Это можно проследить по ответам на вопросы, связанные с религиозностью и нравственным выбором людей. На основании проведённых замеров степени развитости индивидуализма среди молодёжи Беларуси и России (по данным Европейского исследования ценностей 1999 — 2000 гг.) было выявлено, что эта возрастная группа в целом имеет по-казатели, сопоставимые с западно-европейскими.¹ Так, рассчитанный нами индекс Герфинделя в сфере морального регулирования составил для пяти выбранных стран Западной Европы 0,1685, что достаточно близко к тому же индексу, рассчитанному для белорусской молодёжи (0,1458). В то же время индекс Герфинделя для всего белорусского населения равен 0,1875: эта цифра означает, чем всё население имеет более низкий уровень индивидуализма, чем белорусская молодёжь. Что касается российских молодых людей, то, по данным опроса 2000 г., соответствующий индекс у них составил 0,2156, и это значительно меньше, чем у белорусской молодёжи.

Проведённый анализ проявления индивидуализма в сфере морали показал, что индивидуализм современного постсоветского молодого поколения в общем ниже, чем индивидуализм населения Западной Европы. Однако также выяснилось, что у белорусской молодёжи оказалась более высокой, чем у российской, степень индивидуализма. Является ли она результатом включения белорусских молодых людей в модернизационные процессы или же специфической реакцией на современное положение дел в Беларуси, говорить сложно. В соответствии с одной из интерпретаций настроений молодёжи, предложенной Ю. Зубок и В. Чупровым, «молодёжное сознание демонстрирует не столько поляризацию, сколько дезориентацию»².

Статистический анализ показал, что постсоветская молодёжь менее индивидуализирована, чем население Западной Европы, и поэтому какие-либо заявления о «чрезмерном» или девиантном индивидуализме молодого поколения и в Беларуси, и в России не-

¹ См.: Титаренко Л. Г., Широканова А. А. Индивидуализм в структуре ценностей постсоветской молодёжи // Молодёжь и будущая Россия: мат-лы Третьей Всерос. науч.-практич. конф. М.: ИНИОН, 2008. С. 254–258.

² Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. С. 205.

обоснованны. В любом случае, несмотря на рост индивидуализма постсоветской молодёжи, эта тенденция затронула в разной степени её разные группы. В то же время наблюдается значимая разница между уровнями индивидуализма молодёжи и всего населения этих стран: первый существенно превышает второй. Этот факт говорит о росте индивидуализма постсоветского поколения, что соответствует общим тенденциям изменения молодёжных ценностей в современную эпоху глобализации.¹ Вполне естественно, что постсоветские страны не продвигаются по этому пути столь же стремительно, как страны Запада, но общее направление ценностных изменений совпадает, что само по себе рассматривается некоторыми российскими авторами как угроза национальным традициям, культуре.²

Библиография

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Данилова Е. А. Социодинамика ценностей молодёжи Республики Беларусь // Социология. — 2008. — № 4.
4. Савкова Г. Глобализация и ценности российского общества // Свободная мысль. — 2008. — № 11.
5. Титаренко Л. Г., Широканова А. А. Индивидуализм в структуре ценностей постсоветской молодёжи // Молодёжь и будущая Россия: мат-лы Третьей Всерос. науч.-практич. конф. М.: ИНИОН, 2008.
6. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. М.: Наука, 2001.
7. Vauman Z. New reformation of the old vs. young drama. Barcelona, 2008.
8. European Values Study Group and World Values Survey Association. European and World values surveys four-wave integrated data file, 1981–2004, v. 20060423, 2006.
9. European Values at the Turn of the Millennium, ed. W.Arts & L.Nalman. (Vol. 7). Leiden: Brill, 2004.

¹ Vauman Z. New reformation of the old vs. young drama. Barcelona, 2008.

² Савкова Г. Глобализация и ценности российского общества // Свободная мысль. — 2008. — № 11. — С. 79.

ЧТО, ГДЕ, КОГДА

39-й Всемирный конгресс Международного института социологии¹

С 11 по 14 июня 2009 года в Ереванском государственном университете (г. Ереван, Армения) проходила работа 39-го Всемирного конгресса Международного института социологии (39-th World Congress of the International Institute of Sociology). Его основными организаторами выступили: Ереванский государственный университет, Шведская коллегия передовых наук, Университет Нью-Йорка, Центральный европейский университет, Университет Цюриха, Международный институт социологии, Европейская ассоциация социальных антропологов, Международная социологическая ассоциация, Европейская академия социологии и ряд других организаций.

Российские участники в основном представляли академические институты (ИСПИ РАН, ИС РАН, Институт философии РАН), а также ведущие университеты страны (Высшая школа экономики ГУ — ВШЭ, Российский государственный социальный университет, Международный независимый эколого-политологический университет, Российский государственный гуманитарный университет, Европейский университет Санкт-Петербурга, Новосибирский государственный университет).

В работе конгресса приняло участие более 300 представителей из 43-х стран мира.

Тема конгресса была заявлена как «Социология на перекрестках». Наиболее интересны доклады на пленарных заседаниях были представлены президентом Международной социологической ассоциации французским социологом Мишелем Вевёркой («Социология и кризис: Какая именно социология? Какой именно кризис?») и известным английским социологом, занимающимся социально-культурными проблемами, профессором Университета Уорвика, доктором

¹ С материалами конгресса можно ознакомиться на сайте: www.iisoc.org/iis2009

наук Маргарет Арчер («Культурные системы и морфостас или морфогенез цивилизаций и государств»).

Конгресс рассмотрел вопросы, связанные с новыми возможностями социологической науки в понимании дилемм, стоящих перед человечеством в настоящее время, включая проблемы природы войны и жестокости, политического порядка и развития государства, а также схожих общностей, религиозных и культурных столкновений, процессов коллективной памяти, травм и урегулирования, изменяющихся концепций в законодательстве, правовом регулировании, правах человека и международном порядке.

Значительное место в работе конгресса было посвящено проведению научных дискуссий, «круглых столов» и секций. Впервые в истории Международного института социологии одна из секций была посвящена социально-экологическим проблемам («Экология и обшество: проблемы и приоритеты в трансформирующемся мире»). Она была проведена членом общественного совета журнала «ПОИСК», доктором социологических наук, проректором по науке МНЭПУ, профессором И. А. Сосуновой. На секции были представлены доклады участников из России, Беларуси, Молдовы, Сербии и США.

В один из дней проходила работа и русского «круглого стола» на тему «Россия на перекрестках», на котором в качестве докладчиков выступили Александр Фисун (Национальный университет, г. Харьков), Лев Гудков (Левада-Центр, г. Москва), Олег Хархордин (Европейский университет, г. Санкт-Петербург), Николай Розов (Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск) и др.

В основном рассматривались вопросы, связанные с новейшими теоретическими разработками в социологии и родственными ей дисциплинами. Кроме того, обсуждались проблемы преподавания и дальнейшего развития социологии в частности и социальных наук в целом в университетах будущего.

О. Н. Мамонтова

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ

ИЮЛЬ

1 — 3 июля 2009 г.

II Евразийский научный форум «Геополитика и экономическая динамика Евразии: история, современность, перспективы» — г. Казань, Россия.

Организатор: Центр евразийских и международных исследований Казанского государственного университета.

Контактная информация: тел.: (843) 292-05-73.

3 — 5 июля 2009 г.

II Международная научная конференция «Изменяющаяся Россия и славянский мир: новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике» — г. Кемерово, Россия.

Организаторы: Федеральное агентство по образованию, Кузбасское отделение САН ВШ, ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», Кемеровское региональное отделение Российской ассоциации лингвистов-когнитологов, Международная распределённая лаборатория когнитивной лингвистики и концептуальных исследований.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Кемеровский государственный университет, Куданкина Ольга Александровна.

АВГУСТ

17 — 19 августа 2009 г.

Международная научная конференция «Миграционная мобильность учёных как механизм включения России в мировое научное сообщество» — г. Санкт-Петербург, Россия.

Программа конференции предполагает обсуждение следующих тем:

1. Методология и методика изучения мобильности, новые подходы к изучению мобильности, виды мобильности учёных;
2. Влияние мобильности на развитие современной науки и новое

разделение международного научного труда. Индикаторы включённости страны в мировое научное пространство;

3. Многополярность современной науки: проблемы и перспективы;

4. Место России в международном разделении труда;

5. Исторические этапы миграционных потоков российских учёных. Мобильность учёных в современной России: масштабы, региональные и дисциплинарные особенности;

6. Сравнительный анализ научной политики в области мобильности учёных Мексики, Индии, Китая, Португалии, Польши, Канады, США;

7. Роль научной диаспоры в развитии отечественной науки: организация научных сетей;

8. Мобильность учёных и Болонский процесс.

Организаторы: Центр социолого-науковедческих исследований Санкт-Петербургского филиала учреждения РАН «Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова», Совет по науковедению и организации научных исследований Санкт-Петербургского научного центра РАН, 23-й Исследовательский комитет (социология науки и технологий) Международной социологической ассоциации (The Research Committee on the Sociology of Science and Technology International Sociological Association — «RC23» of ISA).

Контактная информация: тел.: (812) 328-59-24, факс: (812) 328-46-67, Ашеулова Надежда Алексеевна, Ерохина Кира Сергеевна, сайт: <http://ihst.iw.ru/>, URL: mobility2009@mail.ru.

СЕНТЯБРЬ

11 — 13 сентября 2009 г.

Научно-практическая конференция «Основные проблемы современного языкознания» — г. Астрахань, Россия.

Организаторы: Астраханский государственный университет, Центр научно-технического перевода и методической деятельности «Вавилон».

Контактная информация: 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, тел.: 8 (8512) 61-09-72.

15 сентября 2009 г.

Международная научная конференция «Искусство и наука в современном мире» — г. Москва, Россия.

Организаторы: Российская академия художеств, Российская Академия наук.

Контактная информация: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, 21, тел.: (495) 637-25-69.

15 — 18 сентября 2009 г.

Научная конференция «**Современная политическая коммуникация**» — г. Екатеринбург, Россия.

Организаторы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, ул. Космонавтов, 26, кафедра риторики и межкультурной коммуникации.

24 — 25 сентября 2009 г.

Научная конференция «**Полтавский бой в произведениях искусства, памятника истории и культуры**» — г. Санкт-Петербург, Россия.

Организатор: Государственный Эрмитаж.

Контактная информация: 190000, г. Санкт-Петербург, Дворцовая площадь, 2, тел.: (812) 710-97-63, факс: (812) 710-97-84.

24 — 25 сентября 2009 г.

Международная научно-практическая конференция «**Традиции и современное состояние культуры и искусства**» — г. Минск, Беларусь.

Организатор: Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Национальной академии наук Беларуси.

Контактная информация: г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2, факс: (+375-17) 284-18-81, URL: a_hupko@basnet.by.

30 сентября 2009 г.

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «**Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности: системные междисциплинарные исследования-2009**» — г. Пермь, Россия.

Организаторы: ГОУ ВПО «Пермский государственный университет», Министерство социального развития Пермского края.

Контактная информация: г. Пермь, ул. Бужирева, 15, корп. 5, тел.: +7 (342) 239-66-30, факс: +7 (342) 237-17-36.

ОКТАБРЬ

3 — 4 октября 2009 г.

IV Международная научная конференция «**Проблемы изучения русской литературы XVIII века**» — г. Самара, Россия.

Организатор: Самарский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 443099, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67, каб. 306, научная часть, Буранок Олег Михайлович.

8 — 9 октября 2009 г.

Всероссийская научная конференция «**Культурные этнические и религиозные традиции и инновации мира: сравнительный дискурс**» — г. Пятигорск, Россия.

Организаторы: Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет».

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9, кафедра философии, культурологии и этнологии, комн. 505, тел.: 8 (8793) 400-258.

15 — 17 октября 2009 г.

VII Всероссийская научная конференция с международным участием «**Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая па-мать Горожан**» — г. Омск, Россия.

Организаторы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Сибирский филиал Российского института культурологии МК РФ, Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (г. Москва), Российский институт культурологии (г. Москва), Архивное управление Омской области, Министерство культуры Омской области, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова (Республика Казахстан), Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, Омский филиал Объединённого института истории, филологии, философии СО РАН, Омское отделение межрегионального Российского общества интеллектуальной истории.

Контактная информация: 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, тел./факс: (3812) 26-90-72, Петренко Ольга Владимировна, Коновалова Наталья Александровна.

19 — 23 октября 2009 г.

Международная научно-практическая конференция «**Глобальный кризис и социальные изменения: вызовы и стратегии**» — г. Тюмень, Россия.

Организаторы: Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет», Международный институт финансов, управления и бизнеса, Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюменский государственный институт мировой экономики, управления и права, Тюменское отделение Российской академии социальных наук, Тюменское отделение Российского общества социологов, Тюменское отделение Российской социологической ассоциации.

Контактная информация: г. Тюмень, ул. Ленина, 16, Международный институт финансов, управления и бизнеса, каб. 108, тел.: (3452) 45-14-88, 8-922-487-12-04, Чернышёв Александр Анатольевич, URL: pridechegns@rambler.ru.

20 — 22 октября 2009 г.

Всероссийская социологическая конференция «**Образование и общество**» — г. Москва, Россия.

Организаторы: Российское общество социологов, Институт социологии РАН, Академия трудовых и социальных отношений.

Контактная информация: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=58.

30 — 31 октября 2009 г.

I Международный симпозиум «**Социальная теория и проблемы информационного общества**» — г. Ижевск, Россия.

Организаторы: Федеральное агентство по образованию, Российское философское общество, Международный журнал социальных и гуманитарных наук «Личность. Культура. Общество», Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», Удмуртская республиканская общественная организация «Союз научных и инженерных общественных отделений», ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Институт социальных коммуникаций.

Контактная информация: тел.: (3412) 91-60-34, Емельянова Наталья Сергеевна.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на антологию

«Современное русское зарубежье»

В VII т. М.: Серебряные нити, 2005 — 2009.

Совместный проект Московского института социально-культурных программ (МИСКП) и Института социально-политических исследований (ИСПИ) РАН

Появление уникальной серии «Современное русское зарубежье» обусловлено осознанной в последнее время потребностью в духовном, интеллектуальном, творческом взаимодействии россиян с соотечественниками в ближнем и дальнем зарубежье. Идея создания антологии была озвучена мэром Москвы Ю. М. Лужковым в 2003 г. на Международном интеллектуальном форуме соотечественников и в его итоговых документах. Этот проект отвечает и концепции единого русского мира, изложенной в 2001 г. президентом России В. В. Путиным на Конгрессе зарубежных соотечественников. Неотъемлемой задачей антологии является содействие диалогу и взаимному обогащению культур разных народов, укреплению международного авторитета России.

В конце 80-х — начале 90-х годов ряд изданий открыл российскому читателю творческое наследие поэтов, прозаиков, критиков, мыслителей, художников первых трёх волн русской эмиграции. Создатели семитомной антологии «Современное русское зарубежье» поставили перед собой принципиально новую задачу — сделать достоянием единого русского мира достижения соотечественников за последние 15 — 20 лет, собрать творческие силы русского зарубежья в единое гуманитарное поле.

Мы уже рассказывали о вышедших ранее пяти томах антологии. Четыре из них знакомят широкого читателя с прозой, поэзией, драматургией, публицистикой современной русской диаспоры. В пятом томе, посвящённом духовно-нравственному наследию русского православного зарубежья, один из разделов представляет собой летопись воссоединения Русской церкви, совершившегося на наших глазах.

Вышедший недавно шестой том — своеобразная галерея «фи-

лософских картин» мира. Для современных русских мыслителей не существует границ — книга «Философия» объединяет в себе ближнюю и дальнее зарубежье. Тема «Россия: между Востоком и Западом» является главной и для Владимира Маякина из Китая, и для Василия Молодякова из Японии, и для Николая Плотникова из Германии, и для старейшины философского цеха Александра Пятигорского, проживающего в Великобритании... От Эстонии на этом «круглом философском столе», собравшем представителей из 15-ти стран, присутствует Владимир Иглышевич, от Украины — Владимир Казарин и Иван Жук, от Беларуси — Чеслав Кирвель и Андрей Герашенко...

Том «Русские судьбы» с цифрой VII представляет собрание очерков о частном и общем в запутанной русской судьбе.

Ф. Н. Черепанов

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объём рукописи не должен превышать 10-12 стр.** Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице;

2. Все **знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, чёрными чернилами вписаны в текст от руки;

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками;

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна;

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он даётся **в конце статьи**;

6. К статье прилагается её **электронная версия в виде дискеты или диска.**

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения Учредителя, редакции и редакция. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берёт на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье *обязательно* прилагаются:

— **аннотация** (резюме) объёмом 15–20 строк на русском и английском языках;

— **список 3-4 ключевых слов** на русском и английском языках: каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

— **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф. И. О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, учёная степень, а также **Данные для связи с автором** — адрес, номер телефона (сл., дом., моб.), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по Договорённости с редакцией (обязательно в заархивированном виде). Материалы по почте просьба присылать исключительно в виде простых почтовых отправлений.

Решение о публикации выносится в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются.

С содержанием вышедших номеров и отделными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете: <http://www.miskr.ru>

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

«ПОИСК: Политика. Общественное. Искусство. Социология.

Культура»

Научный и социологический журнал
Выпуск № 3 (23), сентябрь, 2009 г.

Перевод на англ. яз. — О. Н. Мамонова
Лит. редактор-корректор — Л. А. Ильина
Оригинал-макет — О. И. Комиссарова

Учредитель
Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы «Московский институт социально-культурных программ»
127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2.

Издатель
Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы «Московский институт социально-культурных программ»
127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2.

Издание зарегистрировано
Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Центральному федеральному округу. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС1-01933 от 6 октября 2005 г.
Издание включено в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по рекомендации Экспертного совета ВАК по филологии и искусствоведению.
Выпуск ежеквартальный.
Индекс по каталогу ООО «Агентство «Роспечать» — 36938.

Адрес редакции
127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2.
Проезд: ст. метро «Новослободская».

Телефон: (8-495) 927-01-98, доб. 206. **Факс:** 927-01-98.

E-mail: miskr@mail.ru, redactor@miskr.ru

Сайт в Интернете: <http://www.miskr.ru>

Распространение

Журнал «ПОИСК» направляется членам Правительства Москвы, депутатам Государственной Думы от Москвы, депутатам Московской городской Думы, центральным органам власти Российской Федерации, представителям субъектов Федерации в Москве, департаментам, комитетам и управлениям Правительства Москвы, руководителям 125 районов Москвы, учреждениям культурно-досуговой сферы Москвы, подписчикам журнала.

Сдано в набор 26.06.09. Подписано в печать 08.07.09
Формат 60x84/16. Гарнитура «Прагматика».

Тираж 550 экз. Заказ № -

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5

ИПЦ «Социум»

119017, Москва, ул. Б. Ордынка., 43, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ООО «Множителиный центр»

Московская обл., г. Воскресенск, ул. Заводская, 1